

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

На правах рукописи

Ма Вэньин

**АНТРОПОНИМИКА РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
СИСТЕМА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент А. Б. Криницын

Москва 2015

Содержание

Введение	3
§ Общая характеристика работы	3
§ Антропонимика и ее изучение	12
Глава I Главные герои	21
§ 1.1 Родион Романович Раскольников	21
§ 1.2 Софья Семеновна Мармеладова	41
Глава II Двойники Раскольникова	51
§ 2. 1 Аркадий Иванович Свидригайлов	52
§ 2. 2 Порфирий Петрович	76
§ 2. 3 Миколка	79
Глава III Второстепенные персонажи	83
§ 3. 1 Петр Петрович Лужин	83
§ 3. 2 Дмитрий Прокофьевич Разумихин	110
§ 3. 3 Андрей Семенович Лебезятников	114
§ 3. 4 Авдотья Романовна Раскольникова	126
§ 3. 5 Пульхерия Александровна Раскольникова	127
Глава IV Эпизодические лица романа	131
Заключение	151
Библиография	157

Введение

§ Общая характеристика работы

Уже при первом знакомстве с главными романами Ф. М. Достоевского обращает на себя внимание достаточно широкий круг действующих лиц и повышенная семантическая значимость их имен, отчеств и фамилий, зачастую крайне своеобразных.

Эта важная черта поэтики в полной мере присуща и роману «Преступление и наказание». Зачем, скажем, скромный титулярный советник, оказавшийся не в комической, а в трагической для него и его семейства ситуации, наделен здесь “сладкой” фамилией Мармеладов? А хромой и полунищий петербургский портной Капернаумовым? Или почему у главного героя этого романа, убийцы двух женщин, имя Родион, имеющее очевидно позитивные коннотации для носителя русского языка? И зачем судебный следователь именуется Порфирием Петровичем, без фамилии, а неисправимый аморалист и растлитель малолетней девочки носит нерусскую фамилию Свидригайлов?

Удовлетворительные ответы на эти и подобные им вопросы читатели «Преступления и наказания» находят в комментариях и исследованиях в области антропониимии, и в этой относительно молодой науке уже имеется ряд основополагающих работ.

Важнейшим элементом композиции образа героя является имя, в котором часто заключена онтологическая суть образа. Имена героев Достоевского зачастую отображают символично-мифологическую структуру романов, намечают важнейшие грани характеров персонажей, их функцию в сюжете, высвечивают авторскую позицию по отношению к ним и выражаемым ими идеям, или, наконец, указывают на их сословную принадлежность. В итоге, ономастикой автор выражает идею всего произведения.

По утверждению С. Н. Булгакова, «имя выражает особый духовный тип, строение, разновидность человека»¹, П. А. Флоренский считал, что вокруг имени «оплотняется наша внутренняя жизнь»: «по имени житие, а не имя по житию»²; «...в искусстве – внутренняя необходимость имен – порядка не меньшего, нежели таковая же именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имен. Искусственные же образы - промежуточные степени такого самораскрытия имен в пространство произведения - то тело, в которое облекается самое первое из проявлений незримой и неслышной, недоступной ни восприятию, ни постижению, в себе и для себя существующей сущности -- имя»³. Согласен с ним и С. Н. Булгаков: «Именованье есть акт рождения»⁴.

Во многих случаях имя является своего рода ключом к пониманию созданного образа, а порой и произведения в целом. У каждого мастера слова есть определенный набор приемов наречения персонажей, обусловленный историко-литературной традицией, художественным методом, а также жанром произведения. Выбор онимов мотивирован многими факторами, раскрытие которых зависит от интеллектуальности читателя, от его культуры, от степени владения русским языком. К таким факторам нужно отнести символичность онимов, их аллюзивный характер, их внутреннюю форму. Кроме того, причины выбора писателем того или иного имени зависят от характера героя, от его сословной принадлежности и, конечно же, от функции, которую будет выполнять это имя в романе. Только в совокупности эти факторы обеспечивают более глубокое понимание художественного текста.

Общеизвестным фактом филологической науки является то, что все имена собственные по своей природе «говорящие», поскольку несут в себе

¹ Булгаков С. Н. Философия имени / Предисл. Л. Зандер. СПб.: Наука, 1998. С. 241.

² Флоренский П. А. Имена // Социологические исследования. 1990. №4. С. 140.

³ Там же. С. 135.

⁴ Булгаков С. Н. Философия имени / Предисл. Л. Зандер. С. 256

многоплановую информацию: применительно к антропонимам это будет значимость 1) культурно-этническая (маркировка принадлежности носителя имени к определенному народу, культуре, конфессии); 2) историческая (типичность имени для определенной исторической эпохи); 3) метафорическая (семантико-этимологический смысл имени); 4) эмоционально-экспрессивная (звуковой образ имени и рождаемые им эмоции и ассоциации в родной для него языковой и культурной среде). В любом случае, при реализации данных функций имя получает символическое значение при соотнесении со своим денотатом.

Еще А. Л. Бем отмечал системность выбора антропонимов Ф. М. Достоевского: «Там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя»⁵. В тексте романа все антропонимы значимы, даже те, которые фигурируют только однажды. Более того, антропонимы тесно связаны с лексическим горизонтом романа в целом, семантически связываясь с ним в одно целое: «Слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения. Правила и приемы их употребления и сочетания зависят от стиля произведения в целом. В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого», – так говорил о взаимосвязи всех уровней языка в художественном произведении В. В. Виноградов⁶.

Имя в литературном произведении бесконечно усиливается в своем символическом значении, поскольку изначально задумывается как часть целостной художественной системы. При анализе имени в художественном произведении необходимо дополнительно учитывать его следующие значения:

⁵ Бем А. Л. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. П. Милетич за седемдесетгодишнина от рождението му (1863-1933). София, 1933. С. 415.

⁶ Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 20.

Номинативное – как знак в семиотической системе, коррелирующий по смыслу с другими знаками; например, обращает на себя внимание корреляция имени маляра Миколки с именем возчика Миколки из сна Раскольникова.

Онтологическое – историческое лексическое значение имени и его морфем, происходящее по своей этимологии не только из русского, но и из иностранных языков; такое значение, как правило, не лежит на поверхности и требует специального истолкования, как в случае, например, с фамилией Свидригайлов.

Сюда относятся имена с греческой или еврейской семантикой, взятые из имен античной эпохи, сохраняющие оригинальное значение. Эти имена носят основное античное значение, напоминающее о источнике информации о своем носителе: его качестве, принадлежности в обществе, отношении к другому, вере в Бога и др. (Роман — римский; София — мудрость; Семен — слушатель Бога; Александр — защитник; Петр — камень). Большинство из них сохраняет оригинальное значение, а с некоторыми произошла некоторая трансформация, например, София в данном романе обозначает «смирennemудрие» вместо «мудрости».

Аксиологическое – духовный смысл имени, выстраиваемый из религиозной традиции, в случае Достоевского – христианской: к примеру, соотношение жития святого, в честь которого назван персонаж, с характером и сюжетной линией последнего; на данном уровне осмысляются прежде всего полные христианские имена героев (Петр, Родион, Семён, София и т.д.), однако сюда же могут относиться и некоторые фамилии, например, фамилия портных Капернаумовых, у которых квартирует Соня: подбор такого имени, отсылающего к упоминаемому в Новом Завете городу Капернаум, обозначает тот факт, что, даже занимаясь проституцией, Соня не отпала от Бога и не покинула Его обителей. Поскольку все русские имена происходят от данных при крещении имен святых (еврейских, римских, греческих, славянских), то у писателя всегда есть возможность при выборе имени для героя актуализировать его связь с его же небесным «покровителем» или источником.

Зачастую так автор выражает свое отношение (симпатию или антипатию) к персонажам. Например, имя Марфа, происходящее из евангельского рассказа о посещении Иисусом Христом Вифании, напоминает о евангельской Марфе, сестре Марии и Лазаря, которая, в отличие от сестры, более заботилась о земном, нежели о небесном, а в деле душевного восстановления ничем помочь не могла. Так же и Марфа Петровна, спасши Свидригайлова из долговой тюрьмы, оказалась бессильной исцелить его душу, даже своей слепой любовью.

Символично-метафорическое – собственно семантика имени, требующая растолкования его применительно к образу-референту. Это имена с русской семантикой, «говорящие» имена, которые автор творит на основе семантики какого-то слова. Данные антропонимы (в данном произведении чаще всего фамилии) часто состоят из одного глагола или существительного, имеющего определенное значение. Например, Раскольников от слова «раскол», Заметов от глагола «заметить», Разумихин — от корня «разум» и т. д. Характеристика этих имен состоит в том, что носитель имени имеет соотношение со смыслом глагола или существительного по характеристике черты, или дальнейшей судьбе, или его способности.

Так, антропонимы Раскольников и Мармеладов отчетливо осознаются как «говорящие» по семантике своих корней: «раскол», «мармелад» и воспринимаются как метафорическое обозначение главной черты характеров или идей референтов, в результате чего сам образ героя получает структуру символа (обозначаемое ~ обозначающее). Оговоримся, что символическим имя становится благодаря всей совокупности его значений, но на семантическом уровне процесс символизации наиболее очевиден и продуктивен.

Эстетическое – включает в себя звуковую картину слова и связанные с ней ассоциации, в том числе и семантические, по созвучию; для формирования эстетического облика слова художнику важно учитывать законы эвфонии.

Культурологическое – коннотативный ряд продуцируемых именем культурно-исторических, литературных ассоциаций. Так, имя Лиза в

литературе XIX века неизбежно вызывало ассоциацию с «Бедной Лизой» Н. К. Карамзина. Кроме того, имя Лизавета задает аллюзию на Лизавету Ивановну, компаньонку графини из «Пиковой дамы» Пушкина. Совпадения в имени приведет к совпадению в судьбе. Некоторые имена в романе, не имеющие семантического значения, берут начало от какого-то исторического героя или исторического события. При этом автор по типовой языковой модели изменяет фонетическую реальную форму антропонима. Например, в случае Свидригайлова первоначальный толчок фамилии мог дать и великий литовский князь Швитригайло.

Социальное – зачастую имя определяет социальную прослойку, к которой принадлежит персонаж, зачастую вследствие его разговорной, простонародной или иностранной огласовки, как, например, Миколка (вместо Николай), Настасья (вместо Анастасия), Алена (вместо Елена).

Каждое из перечисленных значений активно использовалось Достоевским при продумывании антропонимов. Для него был существенен также выбор акцентуации того или иного смыслового уровня применительно к каждому отдельно взятому персонажу. Так, некоторые персонажи называются в романе преимущественно по фамилии (Мармеладов, Свидригайлов, Разумихин, Зосимов, Заметов), другие – по имени и отчеству (Катерина Ивановна, Порфирий Петрович, Алена Ивановна), третьи – исключительно или большей частью только по именам (Миколка, Полечка, Соня). Это существенный момент, потому что в зависимости от выбора формы называния активизируется тот или иной смысловой уровень. Например, личные имена обладают значимостью на онтологическом и аксиологическом уровнях, а фамилии – на метафорическом, эстетическом и культурологическом. Онтологический уровень зачастую требует для своего восприятия специальной подготовки и рассчитан на самого компетентного, подготовленного читателя, аксиологический и культурологический – в меньшей степени (по крайней мере, для читателей-современников Достоевского), в то время как метафорический и эстетический – наиболее доступны и очевидны для восприятия.

Одним из важных аспектов является то, что выделенные нами смысловые уровни зачастую сильно расходятся по смыслу и даже могут противоречить друг другу. К примеру, имя Родион Романович Раскольников, где фамилия символически отображает внутренний душевный конфликт героя, а онтология имени и отчества характеризует его как «римлянина с Родоса» – крайне противоречивую фигуру, поскольку Рим то враждовал с греками Родоса и разорял их, то, наоборот, покровительствовал им. При этом очевидно, что данная констелляция имени и фамилии замышлялась очевидным образом и из соображений фонетики, эстетики звучания: Родион Романович Раскольников. Возможны и иные истолкования данного важнейшего имени на иных смысловых уровнях.

В результате складывается сложная, порой амбивалентная художественная система, с множеством переменных и потому неустойчивая.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена возросшим интересом исследователей к антропонимике в художественных произведениях, и потребностью в интерпретации ее семантического смысла и художественной функции. Антропонимика художественных произведений Ф. М. Достоевского обладает своей спецификой, сочетая исторический, общественный, христианский семантический смыслы. И работа над антропонимом в его романе «Преступление и наказание» будет способствовать как раскрытию художественных функций антропонимики, так и более глубокой разработке образов персонажей, и проникновению в сущность творческого замысла писателя.

Теоретическая значимость состоит в том, что анализы имен почти всех героев в романе «Преступление и наказание» способствуют дальнейшей разработке теории антропонимики в литературе и привлечении для этого смежных дисциплин, таких, как история, искусствоведение, теология, что позволяет модернизировать традиционные методы литературоведения.

Научная новизна заключается в том, что в отличие от работ над литературной антропонимией в лингвистическом аспекте данная работа

акцентирует внимание на литературоведческой функции и роли антропонимики в художественных произведениях. Мы уделяем большое внимание связи имен персонажей и их характерных черт, судьбы, общественной принадлежности и т.д. Несмотря на некоторую краткость экскурсов в значения имен собственных в «Преступлении и наказании», мы постараемся охватить не только главных, но и всех упоминаемых героев этого романа, хоть сколько семантически значимых. Более того, теперь в Китае изучение русской антропонимики в литературе пока не получило должного научного внимания.

Материалом исследования послужил текст романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», а также подготовительные материалы и его редакции (тт. 6, 7, 21 ПСС Ф. М. Достоевского в 30-ти тт. Л., 1973)

Главными задачами нашей диссертационной работы будет:

- раскрыть и проанализировать вышеназванные смысловые уровни;
- разобрать конкретных героев в свете антропонимики;
- вычислить разные варианты образования имен в данном произведении,
- выявить основное значение имен в романе – их двойственность.
- показать, каковы взаимоотношения между ними и как эти взаимоотношения обусловлены идеологией и художественной позицией писателя;
- показать, как образовавшиеся смысловые «переменные» имен складываются в семиотическую систему;
- определить, как данная система антропонимических значений коррелирует с художественной системой романа в целом, насколько важную функцию она в ней выполняет.

Положения, выносимые на защиту:

- Каждый антропоним «Преступления и наказания» представляет собой переменную смысловых значений, вариативность осмысления которой обусловлена противоречивостью образа, а иногда и амбивалентностью его

функции в романе, в конечном счете восходящей к концепции парадоксальности человека в антропологии Достоевского.

– Основным смысловым стержнем, структурирующим всю многозначность антропонимов, является христианское мировоззрение писателя.

– Складывающаяся антропонимическая художественная система романа является символической, благодаря тому, что антропонимы а) соотносятся со своим референтом как означаемая и означающая части символа, воспроизводя его структуру; б) онтологическое, сакральное и метафорическое значения антропонимов актуализируют мифологический и христианский смысл имен и, соответственно, привносят в роман символический сюжет; в) являясь многозначной по своей интерпретации, антропонимическая система романа воспроизводит саму природу символа, заключающуюся в его способности бесконечного смыслопорождения;

– Данная антропонимическая система является неустойчивой ввиду многочисленного переменного значения, что является важной составляющей общего философско-психологического замысла романа.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» отразил умение писателя выстраивать сложнейшие конstellации человеческих отношений и психологических импульсов, зачастую парадоксальных и алогичных.

Исследованию литературной ономастики посвящены **работы** многих ученых: М. Б. Магазаник «Ономапозтика, или «говорящие имена» в литературе» (1978), «Роль антропонимов в построении художественного образа» (1969), В. Н. Михайлов «Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе» (1966), Р. Д. Тищенко «Имя литературного персонажа» (1992) и др.

Изучению ономастикона «Преступления и наказания» уделялось внимание в работах М. С. Альтмана «Достоевский. По вехам имен», «Имена и прототипы литературных героев Достоевского», С. В. Белова «Имена и фамилии Ф. М. Достоевского», и других. Данная проблема рассматривается в недавних

кандидатских диссертациях А. Т. Семенова⁷ (Семенов 1996) и И. А. Марининой (Маринина 2003).

Апробация работы. Основные положения работы отражены в статьях (в т.ч. в журналах «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», «Перспективы науки», «Наука и школа» и «Преподаватели 21-ого века», которые входят в список, рекомендуемый ВАК). Материалы исследования представлены в докладе, прочитанном автором на V Международной научно-практической конференции «Русский язык и культура в современном образовательном пространстве».

§ Антропонимика и ее изучение

Антропонимика – «АНТРОПОНИМИКА (от антропо... + др. и греч. *опута* — имя) — раздел ономастики, изучающий происхождение, изменение, географическое распространение, социальное функционирование и т. п. собственных имен людей»⁸.

Антропонимика вычленилась из ономастики в 60-70 годы 20 века. Эта наука изучает информацию, которую может нести человеческое имя: характеристику человеческих качеств, связь лица с отцом, родом, семьей, информацию о национальности, роде занятий, происхождении из какого-либо местного сословия. Антропоним, то есть, собственное имя человека включает в себя его «личное имя, отчество, фамилию, прозвище, псевдоним, криптоним, кличку и др.»⁹.

Антропоним представляет собой символ его носителя. Любое собственное имя заключает значительную информацию. Называя индивида, оно одновременно сообщает о его семье, роде, национальной культуре. Более того,

⁷ Семенов А. Т. Функционирование онимической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы". - Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1996.

⁸ Ушакова Д. Н, Даля В. И. Большой энциклопедический словарь. М., 2000. С. 37.

⁹ Подольская Н. Е. Антропонимика. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 36-37.

согласно философии имени, «всякое имя являет сущность объекта. Именем выражается тип личности, её онтологическое строение»¹⁰.

В жизни имя необходимо для того, чтобы индивидуализировать и идентифицировать человека в сообществе. Главная задача имени – выделять своего носителя из массы ему подобных, подчеркнуть его уникальность. Отсюда видно, что, являясь каким-то знаком, имя в то же время отражает уникальные черты человека.

Однако функция имени в жизни и в литературе неодинаковая. Если в жизни имя выполняет такие основные функции, как номинативную и чаемую (например, когда родители выбирают имя ребенку, они хотят, чтобы оно обещало, что он будет добрым, ласковым, и чтобы, как словесный талисман, призывало его быть счастливым и мудрым), то функция имени в литературе более широкая. Литературный герой, в отличие от реального человека, это модель личности, как совокупности «подобранных писателем признаков»¹¹. Если реальный человек получает своё имя до некоторой степени произвольно, то с литературным героем дело обстоит иначе. В этом случае справедливо цитируемое П. Флоренским суждение Иоанна Златоуста: «природа вещей образует имена, согласно собственной сущности»¹². Следовательно, когда автор даже не придумал имя персонажа, а позаимствовал его из далёкого от искусства источника, этот выбор все же неслучаен.

Исследование имён на материале художественной литературы привлекает как лингвистов, так и литературоведов. В первом случае исследование позволяет полнее раскрыть семантико-стилистические возможности имён (так рассматривали имя Н. В. Алейников, Л. Н. Андреева, В. Н. Михайлов, О. Н. Фонякова, Л. Г. Хижняг и др). Во втором — оно позволяет глубже понять содержательное функционирование имени в произведении художественного творчества.

¹⁰ Священник Павел Флоренский. Имена. М., 1993. С. 70.

¹¹ Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 5.

¹² Флоренский П. А. Именословие как философская предпосылка Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. Т.2. С. 317.

Большое значение для изучения имени приобрела монография А. Ф. Лосева «Философия имени», впервые изданная в 1927 году. Уже сама структура этой работы непосредственным образом связана со специфическим истолкованием онтологии языка. Пристальное внимание автора обращено на взаимодействие человека и его имени. Самую этимологию и функцию слова *имя* А. Лосев связывают с познанием. «... Имя, – говорил ученый, – это только в слове мы обращаемся с людьми и природой, <...> только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления...»¹³.

Факт подражания человека его имени закрепился в народном сознании. В русском фольклоре, в древнерусской литературе, в литературе XIX и XX веков с именем часто связывается характер и судьба человека. В антропонимике русских народных сказок очевидно прикрепление имени к персонажу по своеобразию его или образу жизни.

В 1973 году свет увидела монография А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного», в частности освещающая вопрос о связи имен в литературных произведениях с жанрами. А. Суперанская приходит к выводу, что «имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентирует во времени и пространстве»¹⁴. Так, реалистическое произведение обычно содержит имена, типовые для изображаемой социальной группы в данную эпоху. Юмористическое произведение охотно привлекает *говорящие* имена и фамилии, не делая, однако, существенных отступлений от норм, традиционно закрепленных за определенным сословием. В сатирических произведениях имена шаржируются. Писатели-романтики используют имена, принципиально не похожие на имена окружающих их реальных людей, чем заявляют о некоторой пространственно-временной отдаленности действия своих произведений от современности.

¹³ Лосев А. Ф. Философия имени /Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 14.

¹⁴ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М: Наука. 1973. С. 30.

Согласно А. Суперанской, выбор имен персонажей может зависеть и «от мировоззрения автора, от круга лиц, с которыми он общается, наконец, от его симпатий и антипатий»¹⁵.

Важным шагом в изучении литературных антропонимов стала работа Э. Б. Магазаника «Ономастика или “говорящие имена” в литературе». В данной работе ученый анализировал особенность и главную функцию “говорящих имен” в литературных произведениях.

Антропонимическая лексика, — утверждает в своей работе «Имя собственное в художественном тексте» О. И. Фонякова, — «входит в ядро ономастической номинации любого художественного текста, при этом все его варианты принципиально равноправны с точки зрения нормы художественного контекста»¹⁶. Исследовательница подкрепляет свой тезис анализом необычайно разнообразной антропонимии в произведениях классиков русской литературы от А. Пушкина до А. Чехова и М. Горького.

В итоге выявляются следующие виды ономастической лексики по способу преобразования формы имени собственного в единой, эстетически организованной системе художественного текста: «1) имена и названия, взятые из реального именника эпохи, сохраняющие всю сумму социально-речевых коннотаций общего употребления и соотнесенные с реальным носителем; 2) общеупотребительные имена и названия, перенесенные в тексте на новый объект; 3) перенесение известных литературных имен из ранее опубликованных произведений на новые художественные образы (в чём-то с ними сходные); 4) имена и названия “полуреальные”, то есть, построенные писателем по типовой языковой модели с некоторым фонетическим изменением реальной исторической формы имени или фамилии»¹⁷.

К периферии этих разновидностей О. Фонякова относит имена, фамилии, прозвища с семантически обнаженной, “говорящей” внутренней формой. Исследовательница считает, что такие номинации открыто выполняют

¹⁵ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. С. 33.

¹⁶ Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990. С. 40.

¹⁷ Там же.

социально-характеристическую функцию, подчеркивая главную черту поведения или характера персонажа.

Для изучения имени в литературе исключительно ценность имеет работа П. А. Флоренского «Имена», созданная в 1920-е, но увидевшая свет лишь в начале 1990-х годов. Здесь Флоренский теоретически обосновал центральное положение имени для понимания художественного произведения. Имени Флоренский отвел роль катализатора смыслового ядра в художественном творении.

Флоренский в первую очередь утверждает неслучайность всех литературных имен. «Если, — пишет он, — считать их произвольными и случайными, субъективно придумываемые и условными знаками типов и художественных образов, это было бы вопиющим непониманием художественного творчества»¹⁸. Для Флоренского неважно, сознательно ли писатель подбирает имена для своих персонажей или они добываются интуитивно, в любом случае имя уже содержит в себе образ. Все художественное творчество, по Флоренскому, основано на интуитивном проникновении автора в суть вещей и явлений, на умении во всем многообразии жизни уловить и выявить глубокие обобщения действительности, которые потом автор реализует в художественных типах.

Флоренский переносит полученные выводы из текста литературы в текст жизни, утверждая, что не только над литературным персонажем, но и над любым человеком властвует закон, сформулированный средневековыми схоластами: имя есть судьба.

Основным выводом философа относительно роли имен в художественном творчестве явилось утверждение о том, что имена – «сосредоточенные ядра образов, и в литературном произведении они суть категории познания личности»¹⁹. Имя – это своеобразная скрепа художественного произведения, обуславливающая его цельность и единство, потому что «собственное имя есть концентрат всех прочих имен, и выразимо одним словом, и охватывает полный

¹⁸ Флоренский П. А. Малое собрание сочинений. Кострома., 1993. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 27.

круг энергий личности. Тогда как всякое другое имя годно при известных обстоятельствах и в известных частных случаях, это – всегда применимо и всегда познавательно ценно»²⁰.

Этические представления народа, его нравственный идеал, мир его духовных ценностей отразились в собственных именах. Флоренский полагал, что «не только сказочному герою, но и действительному человеку его имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу»²¹. Он выделяет полюса имени – верхний и нижний, между которыми помещается точка нравственного безразличия.

Вместе с тем, отмечает Флоренский, в художественной литературе широко используется имеславие и имеборчество. Сокрушение имен по духовной их сути Флоренский прежде всего связывал с Гоголем, особенностями его мышления. Отщепление признаков от личности и перерождение имени собственного в нарицательное философ называл имеборчеством. В русской классической литературе имеборчество широко употребительно как средство познания социальных и нравственных явлений, духовной сути человеческих характеров. Функция имеславия связана с утверждением и поэтизацией имен. «Соблюдение духовной сути имен, цельности её, защиты её от покушений и тем самым воздаяние чести и славы, по праву приличествующей имени» — вот имеславие, по П. Флоренскому²².

Кратко охарактеризуем наиболее интересные публикации по нашей теме в научной периодике последнего десятилетия. В статье Ю. А. Карпеко «Имя собственное в художественной литературе», перечислены следующие основные отличия ономастики в литературных произведениях и в реальной действительности²³: 1) литературная ономастика вторична. Она возникает и существует на фоне общенародной ономастики и так или иначе на неё опирается. Писатель не может абстрагироваться от реальной ономастики, от

²⁰ Флоренский П. А. Малое собрание сочинений. С. 27.

²¹ Там же. С. 422.

²² Там же. С. 299.

²³ См. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе// науч. докл. высш. шк. филол. науки. М., 1986. №4. 34-40с.

действующих в языке ономастических норм даже в том случае, если сознательно к этому стремится. Поэтому литературную ономастику можно определить как субъективное отражение объективного; 2) причинная обусловленность литературных имен отличается от положения дел в реальной ономастике; 3) следствием рассмотренных закономерностей является функциональная перестройка литературной ономастики; 4) в отличие от общенародной ономастики, которая принадлежит языку, литературная ономастика – это факт речи; 5) в художественном произведении обычно присутствует один совершенно особый тип собственных имен – имя как заглавие произведения.

«Для всех религий, для всех народов имя имеет большой смысл и чаще всего связывается с судьбой человека», — отмечает В. С. Синеко в полном согласии с П. Флоренским²⁴. Обращаясь в дальнейшем к героям Пушкина, Гоголя, Булгакова, В. Шукшина, автор статьи находит в них подтверждение положению Флоренского о связи и их судеб с их именами. Из оригинальных идей В. Синеко интересна мысль об антонимичном влиянии имени на личность его носителя, так как каждое имя есть «целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей»²⁵.

Структурообразующим компонентом литературного персонажа считает его имя Н. А. Веселова. При этом под именем в литературно-художественном тексте исследовательница понимает не только антропоним, но и любое слово, именующее персонажа. Имя литературного персонажа адекватно выражает его сущность. Ему даётся «по имени житие, а не имя по житию»²⁶. Оно может нести в себе не только совокупность черт, сюжетные ситуации, но даже смысловую основу всего произведения.

Как легко заметить, в последние годы изучение художественного произведения в аспекте антропоники развивается весьма интенсивно. В поле

²⁴ Синеко В. С. Имя и судьба // Филологические науки. М., 1995. С. 14.

²⁵ Синеко В. С. Имя и судьба // Филологические науки. С. 17.

²⁶ Веселова Н. А. Имя в жизни и в литературе // литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 1998. №4. С. 31.

зрения исследователей оказались едва ли не большинство повестей, романов и рассказов русских классиков XIX века. Им посвящены работы²⁷.

Не осталась без внимания и антропонимика ряда авторов века XX²⁸.

Особый интерес для автора этих строк имеет исследование литературной ономастики Ф. М. Достоевского, непосредственно романа «Преступление и наказание». К сожалению, приходится констатировать, что при немалом числе работ, посвященных отдельным персонажам романного «пятикнития» Достоевского, исследований, выясняющих функции всех имен и их взаимосвязь хотя бы в одном романе этого писателя, нет. Между тем уже в «Преступлении и наказании» смысловая выразительность антропонимов захватывает не только имена и патронимы героев (Родион Раскольников, Порфирий Петрович и др.), но и их фамилии. А самих этих героев, пребывающих в прямых и косвенных связях друг с другом, намного больше, чем в любом из романов И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. Достаточно вспомнить лишь семейство Мармеладовых, семью Раскольникова, затем Лужина, жену Свидригайлова и его самого, Зосимова, Разумихина, Лебезятникова, Амалию Федоровну и др.

²⁷ См. работы В. А. Лукина о «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя (Имя собственное – ключ к истолкованию текста // Рус. яз. В шк. М., 1996. №1. С. 63-69), С. М. Аюпова (Имя героя и концепция образа в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»), А. С. Страховой (Имя персонажа в художественном мышлении раннего Чехова // Пушкинские чтения 2000: Материалы науч. межвуз. конф. СПб. 2000. С. 97-104), Н. А. Николиной (Имя собственное в романе И. А. Гончаров «Обломов» // Рус. яз. в шк. М., 2001. №4. С. 55-61), Е. С. Шишко (Имя, характер, судьба в рассказе А. П. Чехова «Архиерей» // Проблемы изучения русской и зарубежной литературы. Таганрог. 2004. №5. С. 103-109), А. А. Бельской (Личное имя главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне» и концепция ее образа // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований. М., 2011. С. 331-333), А. В. Белозеровой (Художественный мир Гоголя как мир-имя // Полигнозис. М., 2011. №2. С. 60-65), И. Н. Исаковой (Антропонимы и другие виды номинаций персонажей в пьесе А. Н. Островского «Снегурочка» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Чита. 2009. № 3. С. 211-215).

²⁸ См. работы В. М. Шукшина, (См.: С. М. Васикова Антропонимическое поле рассказов В. М. Шукшина // Вестник ВЭГУ. Уфа. 2009. № 3. С. 144-149), И. А. Бродского (См.: М. У. Худайбердина К проблеме структурирования ономастического пространства художественного текста (на материале поэтического сборника И. А. Бродского) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь. 2010. №4. С. 134-146) и др.

Антропонимический аспект романов Ф. Достоевского чрезвычайно интересен для автора еще и по той причине, что в Китае, он пока не получал должного научного внимания. Быть может, это прозвучит нескромно, но, учитывая большую актуальность указанного методологического аспекта для филологов всего мира, автор хотела бы стать его первопроходцем среди филологов Китая.

Исследовать вопрос об отношении между именами и судьбами персонажей романа «Преступление и наказание» тем более важно, что каждое из этих имен писатель скрупулезно подбирал сам, связывая с ним душевную сущность и психологическую тайну его носителя.

В своей дальнейшей работе уже непосредственно над совокупностью персонажей «Преступление и наказание», мы постараемся охватить не только главных, но и относительно “второстепенных” героев этого романа. Ибо для Достоевского они значимы решительно все. Надеемся, что такой охват действующих лиц «Преступление и наказание» будет способствовать наиболее адекватному проникновению в идейно-художественный замысел писателя.

Глава I Главные герои

Центральными и наиболее значимыми фигурами романа, несомненно, являются два главных идейных оппонента: бывший студент Петербургского университета Родион Романович Раскольников и старшая дочь многодетного, но нищего семейства бедного чиновника, живущая “по желтому билету” восемнадцатилетняя Софья Семеновна Мармеладова.

Обратимся к первому.

§ 1.1 Родион Романович Раскольников

Важный сигнал о нем читателю романа заключен уже в фамилии героя, с символично-метафорической точки зрения, происходящей от слов “раскалывать”, “раскол” и указывающей не на цельность, а двойственность его нравственной личности. Эта ее особенность акцентирована и в общих характеристиках Раскольникова, данных ему его другом Дмитрием Разумихиным и его матерью Пульхерией Александровной, т.е. людьми, которые лучше всего его знают и мнению которых читатели произведения могут полностью доверять.

Напомним эти характеристики. «Полтора года, — говорит Разумихин, — я Родиона знаю: *угрюм, мрачен, надменен и горд*; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. *Великодушен и добр*. <...> Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем *два противоположных характера поочередно сменяются*»²⁹. «Знаешь, Дуня, — говорит сестре Раскольникова их мать, — смотрела я на вас обоих, совершенный ты его портрет и не столько

²⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30т. Л., 1972-1990. Т. 6, С. 165. Курсив наш. — М. В. В дальнейшем все ссылки на это издание даны в тексте, с указанием тома и страницы, за исключением тома 6, в котором указываются только страницы.

лицом, сколько душою: оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба *высокомерные* и оба *великодушные...*» (с. 185. Курсив наш. — М. В.).

Итак, в личности Раскольникова живут как бы два противоположных человека, на первого из которых намекает имя героя *Родион*, а на второго — отчество *Романович*.

Согласно словарю русских личных имен, Родион, с онтологической точки зрения, означает по-гречески «розовый, а также, житель острова Родоса»³⁰, из чего мы можем заключить, что Раскольников принадлежит не только к христианам, но и к их *православной* части. В тексте романа этого героя порой называют Родей (мать и сестра) или даже Родькой (Разумихин), а само его имя, с эстетической точки зрения, фонетически созвучно таким коренным русским лексемам, как “род”, “родной” и “родина”. В совокупности все это создает у читателя самое выгодное для Раскольникова впечатление: это, по-видимому, человек верующий, следовательно, и высокоморальный, душевно открытый людям и способный любить их деятельной любовью. И такой свой нравственный потенциал Раскольникова, действительно, обнаружился в целом ряде гуманных поступков. Это он спасает от грязного соблазнителя юную девушку на бульваре, он оставляет свои последние деньги в квартире Мармеладовых, а затем отдает двадцать пять рублей на похороны главы этого семейства, еще ранее, он «во время пожара, ночью вытащил из одной квартиры, уже загоревшихся, двух маленьких детей», а в бытность свою в университете, из последних средств своих «помогал одному своему бедному и чахоточному <...> товарищу и почти содержал его в полугода», а когда тот умер, «ходил за оставшимся в живых старым и расслабленным отцом» этого товарища (с. 412). Он же умел полюбить каритативной (от лат. *caritas*’ а — участие, сострадание) любовью некрасивую и «совсем хворую» дочь своей квартирной хозяйки, на которой собирался жениться (с. 177).

Об иных началах главного героя “Преступления и наказания” сигнализирует его отчество, с онтологической точки зрения, производённое от

³⁰ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М., 1995. С. 300.

имени *Роман*, означающего «римский, римлянин»³¹ и побуждающего вспомнить надменные самотитулования сначала античных римских императоров, называвших себя, как Август или Нерон, “божественными”, а — после принятия христианства — глав римской католической церкви, считавших себя наместниками Иисуса Христа на земле и людьми, как сам Бог, непогрешимыми. В этой этимологии отчества Раскольникова корень таких его свойств, как гордыня и отчуждения от людей, раздражительность и злоба, порой доходящие до ненависти и презрения ко всем окружающим его людям, включая и горячо любимых им мать и сестру Дуню, а впоследствии и духовно спасающую его Соню Мармеладову. В этих состояниях Раскольников уже не христианин, а адепт антихриста, идеал не Богочеловека, а человекобога, на место моральных заповедей первого ставящий асоциальные и аморалистические претензии второго.

Не христианским, а человекобожеским началом Раскольникова порождена, по мысли Достоевского, и его “теория” о разделении человечества на людей “обыкновенных” и “необыкновенных”, для которых якобы не существует «никаких моральных преград» (с. 25).

Весь сюжетный путь главного лица “Преступления и наказания” определен борьбой в нем указанных полярно противоположных начал и переходом героя на позицию то второго, то первого.

Эти переходы Раскольникова начинаются уже на этапе замысла сознательным, точнее, разрешенным его совестью убийством старухи-процентщицы, переступить через главный морально-этический принцип («Я не старушку убил, я принцип убил», — скажет Раскольников». С. 211) христианства “Не убий”; после свершения этого замысла начнутся метания героя между жгучей потребностью донести на себя и нравственно покаяться и, напротив, реализуя все свои интеллектуальные силы предотвратить разоблачение его полицейским следствием. Наконец, не одной, а двумя разными причинами и целями мотивирован в глазах героя и тот его, по

³¹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 300.

слову романиста, “дикий и фантастический вопрос”, который Раскольников разрешал своим переступанием через принцип “Не убий”. Здесь, на наш взгляд, также существуют не один, а два ответа как для самого Раскольникова, так и для читателей и исследователей романа.

Но сначала следует привести примеры двойственности героя “Преступления и наказания” в двух первых случаях. Вот Раскольников идет на квартиру к старухе-процентщице делать “пробу” своему предприятию. Но, сделав заклад и отметив, где должны храниться старухины ценности, он вдруг восклицает: «О боже! Как это все отвратительно! И неужели, неужели я... Это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — Неужели такой ужас мог прийти мне в голову? <...> И я целый месяц...». «Чувство бесконечного отвращения» — говорит повествователь романа о Раскольникове, — «начинавшее давить и мучить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе достигло теперь такого размера и так ясно выяснилось, что он не знал, куда деваться от тоски своей». И тут же герой, выпив в распивочном стакан пива, вновь берет сторону своего страшного замысла: «Все это, вздор\», — сказал он с надеждой, — нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство!» (с. 10).

Однако и в день самого убийства Раскольников, уже стоявший перед квартирой старухи-процентщицы и не имевший против своего замысла “сознательных возражений”, тем не менее на мгновение задумывается «Не уйти ли?» (с. 61). Еще более настойчиво противоположные “за” и “против” его желания «только бы поскорей!» оказаться разоблаченным захватывают Раскольникова после совершения его преступления. «Господи, поскорей бы уж!» — просит он всевышнего, узнав на следующий после убийства день, что его «в полицию <...> зовут, в контору» (с. 74, 73).

В следующий раз уже добровольно направляясь в полицию со словами «Скажу я им иль не скажу?», Раскольников вместе с тем пошел не прямо к цели, а обходом, «чтобы хоть минуту еще протянуть и выиграть время» (с. 132).

Но вместо окончательного отказа признаваться, пошел на место своего преступления, чем дал серьёзные подозрения для своего ареста.

А еще раньше, встретив в трактире “Хрустальный дворец” полицейского письмоводителя Замётова, помнившего его по тому первому посещению полиции, когда Раскольников упал там в обморок, герой “Преступления и наказания” по существу убеждает того в мысли, что убийца Алены Ивановны и ее сестры Лизаветы именно он.

Анализируя во время второй встречи с Раскольниковым эти его колебания, следователь-психолог Порфирий Петрович с полным основанием говорит ему: «Ведь я понимаю настроение-то ваше душевное <...> да ведь все-таки этак вы себе просто с ума сведете, ей-богу-с! Закружитесь! Негодование-то в вас у него очень сильно кипит-с, благородное-с, от полученных обид, сперва от судьбы, а потом от квартальных, вот вы и мечетесь туда и сюда, чтобы <...> поскорее заговорить всех заставить и тем все *разом покончить*... Ведь так? Угадал-с настроение-то?» (с. 265. Курсив наш. — М. В.). «Еще немного, — сообщает романист, и он (Раскольников. — наш. М. В.) *мог* выдать себе совершенно, уже фактически. Зная болезненность его характера и с первого взгляда верно схватив и проникнув его, Порфирий действовал хотя слишком решительно, но почти, наверное,» (с. 273).

Переходим к мотивам и целям совершенного Раскольниковым преступления.

Здесь следует сразу же отклонить как неверные мотивы материально-внешнего характера, первыми прозвучавшие в сцене признания Раскольникова Соне Мармеладовой и отчасти подсказанные ею: он «был голоден», хотел помочь бедствующей матери и оградить сестру от выхода замуж ради него за состоятельного, но недостойного человека, а также рассчитывал, закончив на старухины деньги университет, в дальнейшем добрыми делами искупить свою вину. Показательно, что, называя эти мотивы, Раскольников либо говорит, как будто “заученное”, либо тут же сам опровергает себя: «Это все не то, не то <...> Совсем, совсем тут другие

причины» (с. 319, 320). Вспомним и такое важнейшее тут обстоятельство, что, спрятав на следующий после убийства день старухины деньги и ценности под тяжелый камень, герой романа впоследствии не только никогда не воспользовался ими, но знал, еще «когда <...> над сундуком старухи сидел футляры из него таскал, знал, что именно так и будет» (с. 87. Старухи. — наш. М. В.).

Уже известные нам отзывчивость Раскольникова на человеческие боль и горе, и примеры его деятельной любви к людям не позволяют вслед за ним («... Я», — говорит он Соне Мармеладовой, — самолюбив, завистлив, зол, мерзок, мстителен») (с. 320) объяснить его преступление и тем, что он якобы «озлился» на весь род людской.

Намного сложнее обстоит дело со стремлением этого героя посредством сознательного переступания через принцип «Не убий», по его словам, «поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! <...> Тварь ли я дрожащая или право имею...» (с. 322).

Уходя корнями в «теорию» Раскольникова о разделении людей на обыкновенных и необыкновенных, названное стремление героя порождено, по его собственной формулировке, его желанием обрести «свободу» и власть, «а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!» (с. 253).

Речь идет о власти, конечно, не политической или экономической, или административной, а моральной. В смысле полной нравственной независимости от основополагающих моральных норм христианства вплоть до возвышения над ними.

А это означает, что Раскольников в данный момент своей духовно-нравственной раздвоенности (именно в период самого преступления) сменяет ее уже на выбор между Богочеловеком и Человекобогом, но в пользу не первого, а второго, т.е. дьявола и антихриста. Этот же выбор он предлагает сделать и Соне Мармеладовой на том основании, что она тоже осознанно «смогла переступить» через завет «Не убий»: «Ты на себя руки наложила, ты

погубила жизнь... свою, это все равно!» (с. 252). Но христианка всеми фибрами своей души Соня («Что ж бы я без бога-то была? — быстро, энергически отвечает она Раскольникову» (с. 248) на его вопрос “Молите ли она Богу” напрочь отвергает его антихристову логику «Ну как же, как же без человека-то прожить!» (с. 328) и предложение: «Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!» (с. 252). И более того: в явной солидарности с автором романа определяет главную причину преступления Раскольникова так: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал» (с. 321).

Знаменательно, что в этом с Соней соглашается и Раскольников, говоря: «Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня, а <...> Молчи, Соня, <...> я ведь и сам знаю, что меня черт тащил» (с. 321). Настоящее признание героя подтверждается и авторским замечанием о том, что в «последний <...> день» перед преступлением, «Так нечаянно наступивший и всё разом разрешивший подействовало на него почти совсем *механически*: «Как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой неотразимо слепо, *неестественной* силой... Точно он попал клочком одежды в колесо *машины*, и его начало в нее втачивать» (с. 58. Курсив наш. — М. В.). Ведь силой не естественной, а механической и, как у машины, бездушной в 19 веке традиционно именовали врага рода человеческого.

Человекобожеская *идея* Раскольникова уподобиться людям, способным без всяких сомнений переступить, как Магомет, Наполеон, через тысячи человеческих жизней или нарушить, как Ликург, Солон, ради своего “нового слова”, прежние общепринятые законы нравственности, вне сомнения, послужила одним из мотивов совершенного этим героем преступления. Доказательством тому служат многократные упреки Раскольникова самому себе за то, что он после совершенного убийства, в отличие от наполеонов, ликургов, не перестает испытывать душевные страдания и побуждения к добровольному признанию и покаянию. В минуты этих упреков герой романа самого себя аттестует вошью и “тварью дрожащей”, «Да, я действительно

вошь\”, — говорит он себе, например, после встречи на улице с мещанином, сказавшим ему “Ты убивец”, — <...> и уж по одному тому, что, во-первых, теперь рассуждаю про то, что я вошь... <...> Потому, потому я окончательная вошь, — прибавил он, скрежеща зубами, — потому что, <...> и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью!» (с. 211, 209). Как явствует из эпилога романа антихристов, идеал Человекабога все еще долго будет иметь власть над *сознанием* Раскольникова: «... Теперь, уже в остроге <...>, он вновь судал и обдумал все причины свои поступки и совсем не нашел их такими глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время прежде. <...> Вот в чем одном он признавал свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною» (с. 417).

И все же... При всей власти идеи Человекабога над *рассудочно-сознательной* и *интеллектуально-логической* стороной личности Раскольникова другая ее половина, сосредоточившая в себе глубинный духовно-душевный и сердечный потенциал этого героя и его способность воспринимать жизнь непосредственно, и целостно, эту идею не примет в противостоянии со стороной первой в конце концов одержит верх.

А потенциал этот, действительно, реален и далеко не мал. «Писатель, — говорит о Раскольникове В. В. Кожин, — наделил его прекрасными человеческими чертами. В его поступках, переживаниях, высказываниях выражается истинное благородство, даже рыцарственность духа, глубочайшее бескорыстие, высокое чувство достоинства...»³².

«Да как вы, вы *такой*... могли на это решиться?..» (с. 317) — поражена, услышав признание Родиона Романовича, Соня Мармеладова. «В ее понимании, — отмечает В. А. Недзвецкий, — “такой” значит естественно сострадательный, любящий людей, как уже говорилось, каритативной любовью. А именно в этом, и в самом деле, органичном Раскольникову чувстве и узнала его и сроднилась с ним самоотверженная Соня»³³.

³² Кожин В. В. «Преступление и наказание» Достоевского // Три шедевра русской классики. 2-е изд. М., 1971. С. 137-138.

³³ Недзвецкий В. А. Статьи о русской литературе XIX и XX веков. Нальчик., 2011. С.

Человеку с такой психофизической организацией заглушить голос своей совести и было заведомо невозможно. И Раскольников в полную меру принимает страшную самоказнь за содеянное, преследующую его то в кошмарных снах, то упорным видением или поминанием о крови. Уже на следующий после преступления день он переживает «мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения от всех людей». «С ним, — говорит романист, — совершалось что-то совершенно незнакомое и никогда небывалое. Не то, чтоб он понимал, но он ясно *ощущал всю силу ощущения*, что <...> с чем бы то ни было уже нельзя более обращаться к <...> людям, и будь это все его родные братья и сестры <...>, то и тогда ему совершенно незачем свою бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни; он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения. И что всего мучительнее — это было более *ощущения, чем сознание*, чем понятие; *непосредственное ощущение*, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор пережитых им...» (с. 82. Курсив наш. — М. В.).

В другом месте, касаясь этого же ощущения героя, Достоевский скажет: «Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя ото всех и всего в эту минуту» (с. 90). Данное состояние герой всей душой и телом переживёт при встрече с матерью и сестрой Дуней, когда в ответ на их восторженный крик и бросок к нему останется стоять, «как мертвый», «да и руки его не поднялись обнять их: не могли» (с. 156).

Раскольникову стали мучительны все проявления любви и нежности к нему со стороны матери и сестры: он чувствует, что ему нет места и в том благородном плане будущей совместной жизни, который был предложен Дмитрием Разумихиным и поддержан Пульхерией Александровной и Дуней. И он, невольно пугая и заставляя их страдать страхом за него, вынужден просить их: «Оставьте меня! Оставьте меня одного! <...> Что бы со мной ни было, погибну я или нет, я хочу быть один. Забудьте меня совсем!» (с. 239).

Есть и еще одна очень веская причина, по которой герой “Преступления и наказания” не станет, несмотря на указанные ранее упреки себя, на деле последователем идеи о чьем-то праве, встать над христианским убеждением в сакральной ценности любого человека как творения Божия, созданного по Его образу и подобию.

Эта причина была зафиксирована таким блестящим исследователем Ф. Достоевского, как М. М. Бахтин. Имеем в виду его принципиально важное положение о *некорыстности* таких центральных героев Достоевского, как инженер Кириллов из «Бесы» и Иван Карамазов из «Братьев Карамазовых». А также — и “убивший старуху-процентщицу” Родион Раскольников, который тем не менее «абсолютно бескорыстен»³⁴.

Это бескорыстие героя “Преступления и наказания” вслед за внешней целью его преступления, еще больше отличает внутреннюю моральную. Ибо цель эта не совпадает с испытанием героем самого себя на соответствие или несоответствие его Человекобогу. Ведь испытание “Тварь ли я дрожащая или право имею?” имеет для Раскольникова как раз интерес *личный и тем самым корыстный*. Из этого следует, что при всей значимости указанного испытания для решимости Раскольникова на его предприятие главному мотиву этого предприятия оно далеко не тождественно. Ибо подлинный его мотив имеет в глазах Раскольникова вообще масштаб не личны..., а всечеловеческий. Как будет специально подчеркнуто героем “Преступления и наказания”, он «целый месяц *всеблагое провидение* беспокоил, призывая в свидетели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель» (с. 211. Курсив наш. — М. В.).

На сверхличные смысл и назначение его замысла указывает и важнейшее условие, которым Раскольников оговаривает право необыкновенных личностей перешагнуть через кровь «одного или многих людей — смотря <...> по идее и размерам ее» (с. 200). Условие это — *спасительный* результат данной идеи «для всего человечества» (с. 199).

³⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. М., 1972. С. 146.

Именно *такой* идеей считал свой замысел “по совести” убить старуху-процентщицу и герой “Преступления и наказания”. Тут он вновь подобен своей сестре Авдотье Романовне с ее огромной душевной потребностью “спасти” «образумить и воскресить» (с. 365) ближнего, путь этот ближний будет даже таким закоренелым аморалистом, как развратник и убийца Свидригайлов.

Но если замысел Раскольникова не равнозначен корыстной самопроверке героя; какой он человек, обыкновенный или необыкновенный, то какова же его другая, уже главная цель, необходимая, как он полагает, не для всех людей.

Сам автор “Преступления и наказания”, впервые касаясь замысла его героя, называет его «ужасным, диким и фантастическим вопросом» (с. 39). Словами “он фантастичен”, т.е. «может *сделать с собой* такое, чего не один человек никогда и не подумает сделать...» характеризует своего сына его мать Пульхерия Александровна (с. 166. Курсив наш. — М. В.).

Уже эти определения намекают читателям романа о том, что цель, поставленная перед собой Раскольниковым, действительно необычайная. В ее конкретизации мы опираемся на мнение В. А. Недзвецкого, аргументированное в его статье «Ф. М. Достоевский как художник-мессия. Роман как “крестный путь” современного человека». Согласно этому исследователю, «Раскольникову в последнем счете необходимо испытать проверить самую человеческую природу, выяснив, органична ли она заветам христианской, морали или нет. Вопрос о морально-нравственной сущности человеческой природы и есть та бескорыстная всечеловеческая проблема, ведь “ужас” которой герой “Преступления и наказания” “решился взять на себя”».

Закавыченные нами слова Раскольников произносит в подготовительных материалах Достоевского к этому роману (см. Т. 7. С. 195). Однако еще более акцентированное указание на непомерную моральную тяжесть вопроса, возложенного Раскольниковым на свою душу, есть и в окончательном тексте произведения. Это тот страшный сон о надорвавшемся лошаденке, которую Раскольников видит в канун своего преступления. «Маленькая, тощая, саврасая

крестьянская клячка, одна из тех, которые он — часто это видел — надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена», впряжена в совершенно непосильную ей огромную телегу, на которую усаживаются до десятка взрослых мужиков и баб, и ударам нескольких кнутов, а затем очабли, наконец, и железного лома побуждается везти этот груз “вскачь”. Сначала лошадёнка, не вынеся «ущащенных ударов», и в бессилии начала “лягаться”, но вскоре «она падает на землю, точно ей подсекли все четыре ноги разом», «тяжело вздыхает и умирает» (с. 46-49).

Намного большее, чем у загубленной лошадечки, «страшное бремя» (с. 50), взятое на себя Раскольниковым, побуждает его под впечатлением увиденного сна воскликнуть: «Господи! Ведь я все же не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!» (с. 50).

Но и сам Господь в этот момент не остановил героя “Преступления и наказания” от исполнения замысла, который казался ему «каким-то предопределённой судьбы его» (с. 50). И произошло это, на наш взгляд, неслучайно.

Ведь вопрос, который «замучил <...> сердце и ум» героя “Преступления и наказания”», “*неотразимо требуя*” от него или его разрешения, или отказа от “жизни совсем” (с. 39), — это вопрос не о тех или иных разрядах человечества, а в первую очередь о человеческой натуре как таковой.

Именно категорией природа-натура будут оперировать в романе вместе с самым Раскольниковым и его двойники, и нравственные оппоненты, и следователь Порфирий Петрович.

Кто такой человек, “*весь вообще, весь род человеческий*”, *подлец* или *не подлец*, задумывается герой романа, узнав, как совсем незлые отец и мачеха Сони Мармеладовой “привыкли и пользуются” ее страшным для девушки заработком «поплакали и привыкли» (с. 25). «... Прежде всего человека изучать <...>, натуру человеческую изучить» призывает доктора Зосимова Дмитрий Разумихин, отвергающий все социальные проекты европейских социалистов по той причине, что ими «натура не берется в расчет, натура изгоняется, натура не

полагается!» (с. 109, 197). «Самым прозрачным зеркалом» человека называет его натуру Порфирий Петрович, прибавляя во второй встрече с Раскольниковым: «Натура, сударь вы мой, есть важная вещь, и уж как иногда самый прозорливый расчет подсекает». (с. 264, 263). «На природе» человека Свидригайлов основывает даже свой разврат, он же цинично-двусмысленно именуется «прекрасной натурой» Соню Мармеладову (с. 283).

Итак, главная цель предпринятая Раскольникова отвечает его неодолимой нравственной потребности доподлинно уяснить ту изначальную моральную доминанту человеческой природы, которой определены по крайней мере важнейшие отношения людей с себе подобными.

По самой своей сути эта задача, однако, умозрительному решению недоступна и может быть решена только в итоге адекватного ее сложности жестокого *практического* *искушения* — испытания того человека, который ее перед собой поставил. Ведь для того, чтобы узнать, как действует механическая игрушка, ребенок должен ее разрушить. Подобным образом, т.е. ценою жестокого эксперимента на собственной душе действует, и герой “Преступления и наказания”. Это объясняет, почему чистые сердцем и нравственно бескомпромиссные герои романа — Разумихин, Дуня Раскольникова, следователь Порфирий Петрович и сама неколебимая в своих христианских убеждениях Соня Мармеладова, — узнав о преступлении Раскольникова, не лишают его своего уважения.

«Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!» (с. 323), — сознает в результате содеянного Раскольников, и необходимость этого его открытия всем людям, придает центральному лицу “Преступления и наказания”, как это ни странно, нечто общее с героями в позитивном (мифологическом) смысле этого понятия.

Страдания Раскольникова, испытанные им от настигшей его моральной самоказни, а также любовь Сони Мармеладовой в конце концов, как показывает эпилог романа, активизировали человеколюбивое христианское начало его натуры. Герой преодолевает гордыню и раздражительность в

отношении к Соне, впервые ответив на ее сострадательную любовь к нему таким же ответным чувством. «Как это случилось, — сообщает романист, — он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута <...> А «он думал о ней. Он вспомнил, как он постоянно ее мучил и терзал ее сердце; вспомнил ее бледное, худенькое личико, но его почти не мучили. Теперь эти воспоминания: он знал, какую бесконечную любовью искупит он теперь все ее страдания» (с. 421, 422).

Преодолея Раскольников и свою прежнюю мизантропию, и нелюдимость, сохранявшуюся у него и на каторге. «Его самого, — говорит автор романа, — не любили и избегали все. <...>» Из-за чего, он и сам не знал того, — произошла однажды ссора; все разом напали на него с остервенением. «Ты безбожник! Ты в бога не веруешь! — кричали ему. — Убить тебя надо» (с. 418, 419). В день же искренних горячих объятий с Соней «ему даже, показалось, что как будто все каторжные бывшие враги его уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково» (с. 422).

«Он, впрочем, — характеризует романист новое душевное состояние Раскольникова, — не мог в этот вечер <...> *сосредоточиться* на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь *сознательно*, он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь...» (с. 422. Курсив наш. — М. В.). До освобождения героя из каторжного острога, оставалось еще семь лет... «Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем *обновившимся существом* своим, а она ведь и жила только одною его жизнью!» (с. 421. Курсив наш. — М. В.).

Вернемся к антропонимике Раскольникова. Соотнося с нею данный финал его романного жизненного пути, мы можем утверждать, что здесь из двух

полярно противоположных начал его личности, о которых читателю сигнализировали имя и отчество героя, явно победило первое — именно православное христианское начало любви и уважения к любому человеку, восходящее к имени героя.

А что же случилось с той человекобожеской идеей Раскольникова, зарождение которой мы видели как в его отчестве (римский), так и в его фамилии (здесь фамилия Раскольников указывает также на «оторванность культурного русского слоя от народной почвы»³⁵). Ведь в петербургский период жизни героя она, как мы помним, упорно воздействовала на его сознание во время замысла его преступления и после его свершения.

Ответ на этот вопрос возможен лишь с учетом *морально-нравственного* состояния северной русской столицы, какой она изображена в рассматриваемом романе Достоевского.

Первым и затем сквозным мотивом выступает “духота”, как сила, теснящая и давящая человеческий дух. В романе она отмечена уже на второй странице произведения: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота...» (с. 6). Душно будет в квартире старухи-процентщицы в момент ее убийства; “страшная духота” встретит Раскольникова в полицейской конторе; она же царит в квартире Мармеладовых, наконец, постоянная духота стоит в камере самого Раскольникова и во всем Петербурге, о которых мать героя скажет: «ужас у него (Раскольникова. — М. В.) душно... а где тут воздухом-то дышать? Здесь и на улицах, как в комнатах без форточек. Господи, что за город!...» (с. 185).

Сдавленность и ущербность в Петербурге человеческого духа выявляет себя в растущем количестве психических и нравственных аномалий. Замечая после семилетнего отсутствия в Петербурге, как теперь в нем много народу, ходя, говорят сами с собой, циничный, но умный Свидригайлов заключает: «Это город полусумасшедших», добавляя: «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге» (с.

³⁵ См. Тихомиров Б. Н. Лазарь! Гряди вон. Роман Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 56.

357). Имея в виду “современно умных” жителей Петербурга, к каким он относит и Раскольникова, следователь Порфирий Петрович говорит о них: «Ведь все это ныне больное да худое, да раздраженное!.. А желчи-то, желчи в них во всех сколько!» (с. 361). «Чуден человек», — подразумевая уже всех петербуржцев, замечает простой столичный работник. «Чудён *нынче* стал народ» (с. 135. Курсив наш. — М. В.), — уточняет его наблюдения уличная “баба”. И как бы подкрепляя эти суждения статистическими данными, полицейский Илья Петрович Порох сообщает Раскольникову: «Вот еще сколько этих самоубийств распространилось, — так это вы представить не можете. Все это проживает последние деньги и убивает самого себя, девчонки, мальчишки, старцы...» (с. 408).

Символом нравственной деградации, захватившей в Петербурге и молодежь, служит в “Преступлении и наказании” девушка “лет шестнадцати”, очевидно, опоенная и обманутая каким-то соблазнителем, которую герой романа встретил на бульваре. Поручив ее заботе городского “с толковым взглядом”, Раскольников слышит его слова: «Ах, стыд-то какой *теперь* завелся на свете, господи! Этакая немудреная и уж пьяная! <...> Ах как разврат-то ноне пошел» (с. 41, 42. Курсив наш. — М. В.).

По убеждению Достоевского, нравственный “хаос”, воцарившийся в России с началом кризисных 1860-х годов, явился следствием прежде всего того глубокого религиозного кризиса, который конгениально автору “Преступления и наказания” изображен в стихотворении Ф. И. Тютчева «Наш век» (1851):

Не плоть, а дух растлился в наши дни.

И человек отчаянно тоскует...

Он к свету рвется из ночной тени.

И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Неверием палим и иссушен,

Невыносимое он дней выносит...

И сознает свою погибель он,
И жажды веры, — но о ней не *просит*.

Не скажет вновь с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью;
Впусти меня! — я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью...

Согласно христианскому вероучению, неверие в Иисуса Христа есть и неверие в человека. И наоборот. С таким неверием, вплоть до прямого попрания достоинства человека и переступания через его жизнь, герой “Преступления и наказания” встречается в Петербурге едва ли не ежедневно.

Вот он наблюдает “группу женщин” от сорока до семнадцати лет, с сиплыми голосами и подобными глазами, толпящимися у дверей городских «распивочных и прочих съестно-выпивательных заведений» (с. 122); вот на его глазах высокая женщина «с испытаным лицом красноватыми, впавшими глазами», «перемахнув через решетку, бросается в грязную канаву» (с. 131).

Как уже говорилось, вынуждена была переступить через себя Соня Мармеладова похожая порой на “маленького ребенка”, но живущая “по желтому билету”; нравственно, а затем и физически гибнет ее отец. При полном равнодушии уличной толпы умирает от горлового кровоизлияния, оставляя круглыми сиротами троих беспомощных детей, Катерина Ивановна Мармеладова.

В первой встречи с Соней Мармеладовой на ее квартире Раскольников, спросив ее, неужели она не видала в Петербурге детей, «которых матери милостыню высылают просить», продолжает: «Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор. А ведь дети — *образ Христов*» (с. 252. Курсив наш. — М. В.).

В их совокупности все эти и подобные им приметы Петербурга и составляют, по справедливому замечанию Свидригайлова, мрачную атмосферу, или *среду*, которая не могла не влиять соответствующим образом на такого впечатлительного человека, как герой “Преступления и наказания” формулирует рабский подражатель утопического социализма и вульгарного материализма Андрей Лебезятников: «Все от среды, а сам человек ничто» (с. 283). Совершенно неприемлем для него и тезис Лебезятникова, восходящий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать» (1863): «... Если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут <...>, и все в один миг станут праведными» (с. 196-197).

В глазах Достоевского оба эти тезиса крайне упрощали человеческую природу, на самом деле сложную и противоречивую, а главное, игнорировали свободную волю и, следовательно, личную ответственность человека за свои поступки и выбор жизненного пути.

Но, не приемля тезисов о господстве над человеком среды в ее узко материальном (имущественном) или социальном (сословном и классовом) разумении, автор “Преступления и наказания” отнюдь не отвергает ее глубокого воздействия на своих героев как явления морально-нравственного. В этом плане чрезвычайно показателен спор следователя Порфирия Петровича с Дмитрием Разумихиным. Вот Дмитрий обрушивается на тех мыслителей, которые, не берут в расчет натуру преступника, объясняют его злодеяние одной средой. «Нет, брат, — отвечает ему Порфирий Петрович, — ты врешь: “среда” многое в преступлении значит; это я тебе подтверждаю!». Дмитрий парирует: «И сам знаю, что много, да ты вот это скажи: сороколетний бесчестит десятилетнюю девочку, — среда, что ль его на это понудила?», «А что ж, — отвечает Порфирий, — оно в строгом смысле, пожалуй, что и среда <...> — преступление над девочкой очень и очень даже можно средой объяснить» (с. 197).

Не оставляя без внимания ни одного из психологических и нравственных влияний на Раскольникова аморального и антигуманного духовного климата

Петербурга, будет расследовать Порфирий Петрович и убийство старухи-процентщицы и ее сестры Лизаветы, что и приведет его к полному успеху.

Нет сомнения, что в ряду этих влияний Порфирий Петрович не забудет и каморку Раскольникова, которую осмотрит в последней встрече с подследственным. Где в итоге — в ответе на его «Так... кто же... убил?» уже без всяких обиняков скажет: «Как, кто убил? <...> — да *вы* убили, Родион Раскольников! Вы и убили-с.» (с. 349. Курсив наш. — М. В.).

О каморке Раскольникова на первой же странице романа автором сообщено, что она «походила более на *шкаф*, чем на квартиру» (с. 5). С развитием произведения эта метафора будет углублена в словах матери героя: «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно *гроб*, — сказала вдруг Пульхерия Александровна <...> — я уверена, что ты *на половину от квартиры* стал такой меланхолик» (с. 178. Курсив наш. — М. В.). Как мы помним, позднее Пульхерия Александровна особо отметит господствующую в квартире сына духоту.

В высшей степени показательна реакция Раскольникова на это материнское предположение: «Квартира?.. — отвечал он рассеянно. — Да, квартира много способствовала... Я об этом тоже думал...» (с. 178). Из этих слов героя романа следует, что и Раскольников в свой черед подумал о влиянии на его преступный замысел общей для Петербурга подавленности человеческого духа. Именно так можно понять приведенное признание Раскольникова нам позволяет его следующее позднейшее высказывание о той же квартире, сделанное им во время второй встречи с Соней Мармеладовой: «А знаешь, Соня, низкие потолки темные комнаты *душу и ум теснят*» (с. 320).

Тут же герой укажет и еще на одну объективную причину его преступного замысла, которую на этом основании можно также отнести к повлиявшей на него моральной среде. Это — долгое и почти полное *одиночество* Раскольникова в условиях своего душного шкафа-гроба («Как я ненавидал эту контуру! А все-таки выходить из нее не хотел, <...> По суткам не выходил, и

работать не хотел, и даже есть не хотел... <...> я лучше любил лежать и думать. И все думал... С. 320), продлившееся в течение полугода. Еще ранее Раскольников вышел из университета, где не сходил с товарищами, отвечавшими ему тем же. Так он, говоря грубоватыми, но верными словами Разумихина надолго «с людьми расплевался» (с. 103) и, добавим мы, с живой жизнью и ее целостным ощущением, замененным сугубо умозрительной, логико-диалектической работой одного рассудка.

Так в итоге длительного отчуждения от людей и наблюдения многочисленных примеров морально-нравственной деградации жителей Петербурга, выступающего в “Преступлении и наказании” метонимией всей России (тем самым и Европы), в сознании героя этого романа, вслед за неверием, овладевшим им самим, утвердилось убеждение в аморальности и всего современного человечества.

Теперь можно назвать главный итог общего воздействия на Раскольникова морально-нравственной среды Петербурга. Этот итог в последней встрече с героем в его камерке всего одним словом-понятием, но исчерпывающе формулирует следователь-христианин Порфирий Петрович, говоря Раскольникову: «вы *изверились*» (с. 351. Курсив наш. — М. В.).

Замечательный психолог, изучивший личность своего подследственного во всей ее противоречивости, Порфирий Петрович весьма скоро понял, что Раскольников не убийца по натуре, а вместе и творец, и жертва страшного эксперимента над собой, в ходе которого он, испытывая на себе самом человеческую природу на органичность для нее христианской морали, совершил открытие, необходимое всем людям.

Наличие в проделанной Раскольниковым «пробе» указанной второй цели, явно более значительной для самого героя, объясняет, почему Порфирий Петрович так неформально ведет дело этого преступника. Не спеша с арестом Раскольникова, он тем самым ускоряет его добровольное признание, что герою “Преступления и наказания” облегчит ему совесть и зачтется при вынесении каторжного приговора. Не унижает, а духовно поддерживает героя романа

заключительная характеристика, данная ему Порфирием Петровичем: «... Вы все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец! <...> Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей — если только веру иль бога найдет» (с. 351). Наконец, Порфирий Петрович бесспорно убежден, что Раскольников вернется к Богу и христианской вере: «Почем вы знаете, — говорит он ему, — может, вас бог для чего и бережет. <...> Всей исполнибе-ка, что требует справедливость. Знаю, что не веруете, а ей-богу, жизнь вынесет самому после слюбится» (с. 351). И напоследок советует: «Вам <...> давно уже воздух переменить надо. <...> Вам теперь только *воздуху* надо, *воздуху*, *воздуху*» (с. 351. Курсив наш. — М. В.). Это тот воздух целостного бытия, который, устранив духоту Петербургского существования Раскольникова, поднимет и возродит его христианский дух в его полноте и цельности.

«Раз отвергнув Христа, — писал Достоевский в 1837 году, в “Дневнике писателя”, — ум человеческий может прийти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе»³⁶.

В своем идеале человекобога, созданном усилиями именно ума, а не души и сердца, герой “Преступления и наказания” реализовал смысловой потенциал своего отчества, уходящий корнями именно в католическую Европу, непосредственно в Рим. Однако в итоге страшного испытания его собственной и общей природы людей в нем возобладал идеал православного Богочеловека, издавна почитаемого россиянами, которых Достоевский считал самых христианским народом в мире.

§ 1.2 Софья Семеновна Мармеладова

Главная героиня романа “Преступление и наказание” зовется Софьей Семеновной Мармеладовой. Ее имя «Софья» греческого происхождения, с онтологической точки зрения, и означает «мудрость, премудрость,

³⁶ Т. 21, С. 133.

разумность»³⁷. Отчество «Семеновна», с онтологической точки зрения — производное от имени «Семён», что по-древнееврейски означает «слушать, Бог слышащий, услышание»³⁸. Фамилия «Мармеладова», также с онтологической точки зрения, сразу напоминает читателю романа о сладостях и ассоциируется с удовольствием, комфортом, чем-то приятным.

На первый взгляд, антропонимы этой героини обещают ей прекрасную жизнь и судьбу, особенно при прямом их толковании, согласно которому, человек, истинно верующий, будет иметь счастливую жизнь. На деле все для Софьи долгое время складывается прямо противоположным образом. «Семья Мармеладовых, — писал В. Я. Кирпотин, — фокус, в котором преломлены все несчастья неправильно устроенного общества, и, как сладок этот мир, рисуется уже горько-иронической фамилией, подобранной Достоевским»³⁹.

Жизнь Сони в многодетном, но нищем семействе, «подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи, среди голодных детей, безобразных криков и попреков» (с. 250), («... И что только вытерпела она, моя дочка от мачехи своей...» скажет ее отец. С. 16), уже с ранней юности вынуждает ее к страшному выбору, который она однажды и делает. «Лежал я, — сообщает Раскольникову об этом Мармеладов, — тогда <...> лежал пьяненький-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у нее такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит: “Что ж, Катерина Ивановна, неужели мне на такое дело пойти?” <...> “А что ж, — отвечает Катерина Ивановна в пересмешку, — чего беречь? Эко сокровище!” Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не в здравом рассудке сие сказано было, а при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей, не евших... <...> И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась, а в девятом часу и назад обратно пришла. Пришла и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней *тридцать целковых* молча выложила. <...> С тех пор моя дочь, Софья

³⁷ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 621.

³⁸ Там же. С. 311-312.

³⁹ Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. М., 1978. Т. 3, С. 145.

Семеновна, желтый билет принуждена была получить, и уже вместе с нами по сему случаю не могла оставаться» (с. 17-18. Курсив наш. — М. В.).

Что в морально-нравственном смысле означает сделанный Соней выбор? Как мы помним, Раскольников на том основании, что Соня сознательно загубила пусть не чужую, а свою жизнь (“это все равно”), т.е. также переступила через принцип “Не убий”, считает ее своим нравственным двойником. И надо сказать, что один общий момент в главных деяниях этих героев романа и в самом деле существует. Имеем в виду едва ли не основной довод, повлиявший на их окончательные решения. Это — дети, которых со ссылкой на евангельские слова Богочеловека (“сих будет царствие Божия”) Раскольников назвал “образом Христовым”. Зрелище детей нищенских семей Петербурга, в которых уже “семилетний развратен и вор”, явно потрясло героя “Преступления и наказания”; перспектива либо постоянного голода, либо нравственного растрепывания сводных сестер Полечки и Лиды и братика Коли ужасает Соню Мармеладову.

На этом фоне, однако, еще заметнее становится принципиальное различие между деяниями главных героев названного романа Достоевского. Раскольников, *изверившись* под влиянием удушливой Петербургской атмосферы в человечестве, одновременно и испытывает его моральную природу, и бросает ему, а тем самым и Творцу аморальный индивидуалистический вызов. Соня же Мармеладова, ни на секунду, не усомнившись в правде. Всевышнего, своим поступком совершает акт органичной христианству спасительной для ближней жертвы.

Готовность к такой жертве и есть та *мудрость* главной героини “Преступления и наказания”, на которую его читателям намекает ее имя с аксиологической точки зрения. Об этой христианской мудрости Сони хорошо сказал М. С. Альтман: «Ей (Соне. — М. В.) были присущи основные черты всех «Софий» Достоевского: смирение, безответность, приниженность, беззащитность, смирение, пожалуй, больше всего. И если Софья, вообще,

означает мудрость, то у Достоевского мудрость его Софий — смиренномудрие...»⁴⁰.

Мудрость Сони Мармеладовой проявляется в верности завету: «Не судите да не судимы будете». Испытавшая, по свидетельству ее отца, множество попреков от мачехи, Соня не только не отвечает злом на зло, но так говорит о ней Раскольникову: «Ведь она совсем как ребенок... Ведь у ней ум совсем как помешан... от горя. А какая она умная была... какая великодушная... какая добрая!.. Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная... Она справедливости ищет... Она чистая». (с. 243). «Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все, что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...», — сообщает Раскольникову Мармеладов, попросивший у дочери денег опохмелиться (с. 20).

Как подлинная христианка, Соня не судит даже своего клеветника и врага Лужина. На предложение Раскольникова рассудить, «Лужину ли жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне», Соня отвечает: «Да ведь я божьего промысла знать не могу... <...>; И кто меня тут судьей поставил: “кому жить, кому не жить?”» (с. 313).

Мудрость Сони Мармеладовой выявляется и в ее способности не просто слушать и слышать слова человека, а душою угадывать его душу, даже скрываемое им нравственное состояние и страдание. Так она воспринимает Катерину Ивановну и в особенности Раскольникова, которого просит говорить с ней “прямо, без примеров”; поясняя: «Я пойму, я все *про себя* пойму» (с. 318. Курсив наш. — М. В.).

И, действительно, понимает едва ли не глубже даже матери и сестры Раскольникова, потому что, узнав о его страшном деянии, мгновенно угадывает его неминуемую нравственную самоказнь и чудовищное одиночество среди людей. А как христианка сострадает ему: «Что вы *над собой* сделали! <...> Нет, нет тебя несчастнее никого в целом свете! — воскликнула

⁴⁰ Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. Саратов. 1975. С. 176.

она, как в исступлении <...> и вдруг заплакала навзрыд...» (с. 316. Курсив наш. — М. В.).

Такая реакция даже удивляет Раскольникова. «Странная какая ты, Соня, — говорит он, — обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал *про это*» (с. 316). Эти слова героя можно принять за некий упрек Соне в бессердечии к его жертве. В действительности же Соня своим жестом реализует завещанное Христом милосердие и к падшему человеку. К тому же, зная добрые дела Раскольникова, она интуитивно проникла в человеколюбивую основу его личности и по-прежнему верует в нее: «Да как же вы, вы *такой*... могли на это решиться?... <...> Да неужель, неужель все это, вправду! Господи, да какая это правда! Кто же этому поверит?» (с. 317).

Нравственная сущность Сони Мармеладовой, однако, вовсе не ограничена способностью к жертве и духовно-душевной, помощи морально заблудшему преступнику. Совершенно иначе воспринимает она неоднократные попытки Раскольникова убедить себя и ее в правоте своего разделения людей на обыкновенных и необыкновенных и якобы праве последних переступать моральные заповеди христианства, вплоть до этико-морального завета “Не убий”. На всю умозрительную казуистику героя в этом вопросе Соня отвечает не какими-то логическими контраргументами, а неколебимой целостной позицией ее духа и души: «Ох, это не то, не то — в тоске восклицала Соня, — и разве можно так, нет, это не так!» (с. 320). И продолжила: «Молчите! Не смейтесь, богохульник, ничего, ничего-то вы не понимаете! О господи! Ничего-то, ничего-то он не поймет!» (с. 321).

А, выслушав софизм Раскольникова: «Я ведь только вошь убил, бесполезную, гадкую, зловредную», Соня не достаивает эту аморальную *арифметику* какого бы то ни было возражения, кроме возмущения: «Это человек-то вошь!» (с. 320).

Вообще в диспутах главных героев “Преступления и наказания” о человеке и Боге, происходящих во время двух их первых встреч в Сониной квартире, героиня романа выглядит совсем не той безответной и робкой

девушкой, какой она была в сценах с матерью и сестрой Раскольникова и клеветущим на нее Лужиным. Здесь она на равных ведет с Раскольниковым настоящий духовный поединок, в ходе которого ее “кроткие голубые глаза” могут «сверкать ярким огнем и суровым энергическим чувством, а ее маленькое тело дрожать от негодования и гнева» (с. 248).

Более того, герои здесь как бы меняются ролями, так как и тон, и направление, и конечный результат этого поединка определяются не образованным и развитым, но в данный момент неверующим героем, а совсем не ученой и юной, но верующей героиней. Это превосходство Сони над изощрённым в логических упражнениях оппонентом в свой черед предсказано читателям романа семантикой ее имени.

Если противоречивый антропоним Раскольникова отразится в двойственной цели его преступления (испытать саму нравственную природу людей и испытать самого себя на право считаться человеком “власть имеющим”), то, по глубокому замечанию П. Флоренского, для Софьи «самое понятие об антиномичности мало доступно», так как для этого она «слишком устойчива в себе»⁴¹.

Никаких колебаний между “за” и “против” не существует в христианской позиции и Сони Мармеладовой. На любую попытку тем или иным силлогизмом смутить Сонину веру в Бога (например, «Так ты очень молишься богу-то, Соня? — спросил он ее. <...> А тебе бог что за это делает? — спросил он, выпытывая ее дальше») она, «*строго и гневно* смотря на него, отвечает, — Молчите! Не спрашивайте! Вы не стойте!..» (с. 248. Курсив наш. — М. В.).

«Суровым шепотом и не подвигаясь к нему», доказывает Соня Раскольникову, где именно в Новом завете рассказано о “воскресении Лазаря”. (с. 249.).

А вот как романист изображает Сонино чтение кульминационной сцены соответствующей главы Евангелия от Иоанна: «Она приближалась к слову о величайшем и неслыханном чуде, и чувство великого торжества охватило ее.

⁴¹ Флоренский. П. Имена. СПб. 2011. С. 314.

Голос ее стал *звонок, как металл*; торжество и радость звучали в нем и крепили его. Строчки мешались перед ней <...>, но она знала наизусть, что читала. При последнем стихе: “не мог ли сей, отверзший очи слепому...” — она, понизив голос *горячо и страстно* передала сомнение, укор и хулу неверующих, слепых иудеев, которые сейчас, через минуту, как громом пораженные, падут, зарыдают и уверуют... И *он* (Раскольников. — М. В.), он, тоже ослепленный и неверующий, — он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! сейчас же, теперь же...» (с. 251. Курсив наш. — М. В.).

В конечном счете не Раскольников Соне, а, как мы помним, Соня ему откроет и главную причину его преступления, с которой согласится и он: «... Я ведь и сам знаю, что меня черт тащил» (с. 321). Наконец, Соня же, убежденная, в отличие от Раскольникова, что «без человека-то прожить невозможно» (с. 323), укажет герою романа и единственно верный путь к его нравственному возрождению: «Что делать! — воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали. — Встань! Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении. Поди сейчас, сию же минуту, встань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом *поклонись всему свету*, на все четыре стороны и *скажи всем, вслух*: “Я убил!” Тогда бог опять тебе жизни пошлет» (с. 322. Курсив наш. — М. В.).

Раскольников недаром изумлен неожиданным для него жестом и повелительной интонацией героини. С полных слез, но сверкающими глазами эта хрупкая и малорослая девушка здесь обретает сродство с апостолами самого Богочеловека, умевшими пламенным глаголом “жечь сердца людей”.

Впрочем, и в деле нравственного спасения Раскольникова Соня Мармеладова не ограничилась только проникновенным словесным советом-требованием. Услышав робкую просьбу Раскольникова «Так не оставишь меня, Соня?», она без раздумий обещает: «Нет, нет; никогда и нигде! <...> за тобой пойду, всюду пойду! <...> Вместе, вместе! — повторяла она как бы в забытьи и вновь обнимала его, — в каторгу с тобой пойду!» (с. 316.).

Это обещание Сони свято сдержит, прежде всего своей бесконечной любовью к герою романа, восстанавливая в его душе отнюдь не чуждое ей участие к людям и доверия к живой жизни. Об этом мы узнаем из эпилога произведения. Но впервые эти полузабытые Раскольниковым ощущения нахлынули на него под воздействием процитированных слов Сони Мармеладовой: «Давно уже незнакомое ему чувство *волной хлынуло* в его душу и разом размягчило ее. Он, не сопротивляясь ему: две слезы выкатились из его глаз и завяли на ресницах» (с. 316. Курсив наш. — М. В.).

Отчество Софьи «Семеновна», произведенное от древнего еврейского имени «Семен», как было сказано, имеет значение «слушать, Бог слышащий, услышание», что указывает на прямую связь его носителя с Богом. Такова же и Соня Мармеладова, которой в «Бесах» Достоевского «духовно родственна <...> и тихая, напуганная книгоноша Софья Матвеевна. И эта Софья (Улитина) читает Верховенскому-старшему евангелие так же, как та Софья <...> читает <...> Раскольникову»⁴². Достоевский, несомненно, учитывал, создавая образ Сони Мармеладовой, евангельский сюжет о Христе и грешнице, которая оставила свое грешное ремесло и стала святой.

Новозаветная легенда о «воскресении Лазаря» играет большую роль в создании и нравственного пафоса романа «Преступление и наказание». Намекая на духовную смерть Раскольникова после свершенного им убийства⁴³, она одновременно оставляет читателю надежду и на возможность духовного возрождения этого героя. А также сигнализирует о роли в этом процессе Сони Мармеладовой, сначала в ее собственных глазах «великой, великой грешницы» (с. 246.), а затем, как и Магдалина, действенной исповедницы, и помощницы Христовой. Органичная для этой девушки способность к исполнению последней миссии объясняет нам, почему именно ей, Соне, а не матери, сестре или другу, полностью открыл свою смятенную душу Родион Раскольников.

⁴² Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. С. 175.

⁴³ В частности, такой параллелью героя Достоевского с умершим и уже смердящим Лазарем, «ибо *четыре* дни, как он во гробе» (С. 251.).

«Четвертый день едва ешь и пьешь», - сообщает совершившему убийство Раскольникову пришедший к нему Дмитрий Разумихин. (С. 93).

У Сони же Раскольников со словами «это, значит, <...> что крест беру на себя...» берет ее «кипарисовый, то есть простонародный» нательный крестик и по ее просьбе же он и «от чистого сердца <...>, от чистого сердца» перекрестился несколько раз», после чего точно исполнил требовательный Сонин совет покаяться на перекрёстке перед всеми людьми. Наконец, под влиянием измученного и отчаянного лица девушки, тайно сопровождавшей его, — совершил признание в своем преступлении. Так началось их добровольное с Соней со несение креста, во имя перерождения в новую жизнь.

Целостный морально-нравственный портрет Сони Мармеладовой Достоевский в эпилоге “Преступления и наказания” наделен очень важным компонентом — именно показом отношения к этой девушке такой несчастной части русского народа, как каторжане. Дело в том, что все они «полюбили Соню. Она у них не заискивала; встречали она ее редко, иногда только на работах... А между тем все уже знали ее, знали и то, что они за ним последовали, знали, как она живет, где живет. <...> И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов <...>, все снимали шапки, все кланялись: “*Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!*” — говорили эти грубые, клеймённые каторжные этому маленькому и худенькому созданию» (с. 419. Курсив наш. — М. В.).

Вопрос о причине такой любви был долго неразрешим для Раскольникова, ответ же на него заключен в глубоком убеждении Ф. Достоевского о том, что православный русский народ, не исключая и такую его часть, как отбывающие наказания преступники, — один из самых христианских народов в мире. Вот и в остроге, где находился Раскольников его как “безбожника”, «не любили и избегали все» “заключенные” (с. 418-419.). Напротив, “все они любили” и хвалили Соню, очевидно, воспринимая ее как реальное и близкое им подобие Богородицы.

Поведем итог. Проанализировав образы двух главных героев романа Ф. Достоевского “Преступления и наказания” в свете их антропонимов, мы убеждаемся в том, что развитие произведения не изменяет первоначальную

семантику фамилий, имен и патронимов Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой и не вступает в противоречие с нею, а, напротив, строго следуя ей, лишь обогащает и углубляет ее родственными смысловыми обертонами. Главная заслуга в этом, разумеется, самого великого романиста с его художнической интуицией и немалым трудом по отбору из бесчисленных российских антропонимов именно тех, что наиболее отвечали замыслу и творческой концепции всего произведения. Вместе с тем сами эти точно найденные антропонимы становятся для автора произведения важнейшим индикатором его целостности и художественной выдержанности, действующих в нем лиц, а для читателей — аллюзиями на индивидуальную сущность каждого из его персонажей и первыми *ключами* к ней. Оба антропонима образуют каждый сложную художественную систему, раскрывающую, в случае Раскольникова, двойственность и парадоксальность его натуры, неоднозначность его последующей судьбы, и, следовательно, поливариантность возможных сюжетных завершений; в случае же героини — просветленность сущности, но при давлении над ней человеческой и слабости, и первородного греха (отчество и фамилия отца), которые героиня трагически путем нравственных мучений и силы веры вынуждена преодолевать.

Глава II Двойники Раскольникова

К двойникам главного героя “Преступления и наказания” традиционно относят тех персонажей романа, которые внутренне связаны с главным героем, часто таинственным образом, как строем мыслей, так и судьбой, так что могут читать его мысли и отвечать на не высказанные вслух идеи. Традиция двойничества в литературе восходит к эпохе романтизма, где появление двойника у героя было следствием проекции романтического двоемирия на его душу и ее раздвоение как результат, как распад личности. Вследствие этого двойник воплощает либо отрицательную (иногда даже демоническую) сторону души героя, или же его идею (идеал), или же задавленную обстоятельствами светлую сторону натуры (как, например, в рассказе Э. По «Вильям Вильсон»). На данном основании мы можем выделить в преступлении и наказании трех персонажей с чертами двойника: Аркадия Ивановича Свидригайлова (воплощающего демоническую сторону идеи Раскольникова), Порфирия Петровича (воплощающего его совесть, бесконечно мучающую, но показывающую единственно верный выход), маляра Миколку (воплощающего задавленную обстоятельствами спасительную внутреннюю связь с родной почвой, русским народом и его верой — Миколка в результате странных стечений обстоятельств несколько раз спасает Раскольникова — в момент совершения преступления и в полицейском участке — а затем берет на себя его вину, указывая путь духовного исцеления — через страдание и крест). В случае Порфирия и Свидригайлова главным основанием считать их двойниками Раскольникова является парадоксальное знание ими души и жизни Раскольникова как бы изнутри, в случае Миколки — таинственное сплетение их судеб.

Как и в случае с главными лицами произведения, они наделены романистом антропонимами, призванными в свою очередь сигнализировать читателям не о внешних и частных, а о сущностных особенностях их

морально-этических позиций, определяющих представление каждого о главных запросах человеческой “натуры” и условиях общественного благоденствия.

Первым из них в сюжетном действии “Преступления и наказания” выступает Аркадий Иванович Свидригайлов.

§ 2. 1 Аркадий Иванович Свидригайлов

Таков первый персонаж “Преступления и наказания”, традиционно относимый исследователями этого романа к “двойникам” его главного героя. В отличие от других двойников, на этом к тому же настаивает сам Свидригайлов, уже в первой встрече с Раскольниковым говоря ему: «Мне все кажется, что в вас есть что-то к моему подходящее...» (с. 224). Со своей стороны, и Раскольников, спеша на последнюю встречу со Свидригайловым, спрашивает себя: «Не судьба ли, не инстинкт ли какой сводит их вместе?» (с. 354).

Свидригайлов едва ли не самый сложный для читателя и исследователя из всех героев анализируемого романа Достоевского. Думается, прав В. Я. Кирпотин, когда, в ответ на однозначно негативную его характеристику большинством исследователей и критиков,⁴⁴ пишет: «Свидригайлов нигде не однолинеен, он не однотонно-черен. <...> Злодей, развратник и циник, Свидригайлов совершает массу добрых дел, больше, чем все другие персонажи»⁴⁵.

Трудность распознавания жизненной позиции Свидригайлова и причин его добровольного ухода из жизни усугублена и тем, что в его случае романист как бы нарочито забывает о своем праве знать и самые сокровенные начала, и мотивы всех своих персонажей и практически нигде сам не открывает читателю тайные намерения данного героя, как он делал это при изображении Лужина и Лебезятникова. Не представляет Достоевский и свидетельств, и улик,

⁴⁴ Например, С. В. Беловым полагают им, что в образе Свидригайлова Достоевский изобразил личность только «низкую, оскорбляющую всякое человеческое достоинство, ползающую, вечно пресмыкающуюся...» (Белов С. В. Роман Достоевского “Преступления и наказания”. Комментарий. С. 80).

⁴⁵ Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. С. 221.

неопровержимо убеждающих его читателей в виновности Свидригайлова в смерти его жены Марфы Петровны и приростного слуги Филиппа. Так, на утверждение Лужина, что этот слуга умер «от истязаний» Свидригайлова, Дуня Раскольников «сухо» замечает: «Я не знаю этого <...>, я слышала только какую-то <...> историю, что этот Филипп был какой-то ипохондрик, какой-то домашний философ, люди говорили “зачитался”, и что удавился он более от насмешек, а не от господина Свидригайлова. А он при мне хорошо обходился с людьми, и люди его даже любили, хотя и действительно тоже винули в смерти Филиппа» (с. 228-229).

Скорее о нескольких, а не одном единственном сущностном начале сигнализирует нам антропоним Свидригайлова. Его имя, с онтологической точки зрения, в переводе с древнегреческого означает «уроженец Аркадии, житель Аркадии, пастух»⁴⁶. Природные же картины греческой Аркадии служили для античных римских поэтов «фоном для описания идиллических сцен из пастушеской жизни»⁴⁷. Отчество Свидригайлова, с онтологической точки зрения, образовано от древнееврейского имени “Иван”, означающего «Яхве (Бог) помиловал; Бог милует; благодать Господня»⁴⁸.

Если имя Аркадий предполагает в его носителя скорее естественные, чем нездоровые устремления, а отчество, не исключая в данном человека таких разных качеств, как добро и жестокость, любовь и гнев, обещает ему покровительство Творца, то весьма необычная, для русского слуха, ассоциирующаяся с какой-то жесткой неразгибаемой спиралью фамилия Аркадия Ивановича вносит в его антропоним по меньшей мере резкий звуковой диссонанс. Очевидно, права А. С. Лошкарева, считающая, что в этимологическом составе этой фамилии для Достоевского была наиболее важна вторая часть, «гайл», требующая при произнесении наибольшего

⁴⁶ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 61.

⁴⁷ Словарь античности. Перевод с немецкого. М., 1994. С. 49-50.

⁴⁸ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 180.

артикуляционного акцента и означающая по-немецки — «похотливый, сладострастный»⁴⁹.

«Действительно, я человек развратный и праздный» (с. 222), — без всяких оговорок говорит Свидригайлов в своей первой встрече с Раскольниковым как бы избавляя читателей “Преступления и наказания” от малейших сомнений в том, что разврат и сладострастие и суть главные “ценности” и идеи его личности. Позднее он добавит, что и в клоаках разврата он «любит клоаки именно» с чрезовещью (там же), а его внимание больше всего привлекают такие посетители, как «девочка лет тринадцати», которую этого заведения «подхватывает и начинает <...> вертеть...» (с. 370). «Детей, — с хохотом откровенничает он, — я вообще люблю, я очень люблю детей...» (там же).

И тот же Свидригайлов после смерти Катерины Ивановны не только берет на себя ее похороны, но надежно, с капиталом на каждого, устраивает в «весьма приличные для них» сиротские заведения ее троих малолетних детей и, вручением солидной денежной сумму Соне Мармеладовой, вытаскивает ее из омута, замечая — «потому что хорошая девушка, не так ли?» (с. 334, 336). С участливым жестом обращается он и к Раскольникову, ободряя его теми же словами, которые позднее скажет ему следователь-христианин Порфирий Петрович: «Да что вы, Родион Романович, такой сам не свой? Право! <...> Эх, Родион Романович, — прибавил он вдруг, — всем человекам надобно *воздуху, воздуху, воздуху-с*. Прежде всего!» (с. 336. Курсив наш. — М. В.). Немаловажен и христианский контекст («Он вдруг посторонился, чтобы пропустить входившего на лестницу священника и дьячка.» Там же), в котором прозвучали эти слова Свидригайлова. Наконец, в последнем и воистину роковом для него свидании с Дуней Раскольниковой, ради которого он приехал в Петербург, Свидригайлов уже после того, как девушка выстрелила в него, а затем, отбросив револьвер, «не убий» и в ответ на ее *умоляющее* «Отпусти меня!»,

⁴⁹ См.: Лошкарева А. С. Мистика и символизм в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”. Липецк. 2007.

отвернулся, быстро *подошел к окну*» и со словами «Берите; уходите скорей!..» отдал Дуне ключ от запертой им комнаты.

В этой страшной для сестры Раскольникова сцене вполне оправдалось то мнение ее брата о Свидригайлове, согласно которому этот аморальный господин умел «при случае быть и порядочным человеком» (с. 217).

В этом праздном барине, соблазняющем сенных девушек своей супруги и цитирующем Ф. Шиллера, есть то, чем он сам объясняет свое любопытство к Раскольникову: «Вы имеете собственное мнение и не струсил его» (с. 356). Судя по всему, он говорит о подслушанной им “теории” Раскольникова о людях “обыкновенных” и “необыкновенных”, которая, очевидно, чем-то близка его собственному воззрению на представителей современного петербургского человечества, будь то озабоченные одной личной выгодой лужицы, или правилами будущей жизни в “коммунах” лебезятниковы.

Как и Раскольникову, Свидригайлову нельзя отказать в самобытности и онтологическом уровне его жизненной позиции. Недаром же только во встрече этих героев “Преступления и наказания” их разговор с проблем сугубо земных совершенно естественно переходит к явлениям потусторонним: провидениям как «клочкам и отрывкам других миров», жизни после смерти, и «вечности» (с. 221). «Нет, вы вот что сообразите, — специально фиксирует этот факт Свидригайлов, — назад тому полчаса мы друг друга еще и не видывали, считаемся врагами, между нами нерешенное дело есть; мы дело-то бросили и звона в какую литературу заехали! Ну, не правду ли я сказал, что мы одного поля ягоды?» (там же).

Чем же, с учетом отмеченной близости Свидригайлова к главному лицу “Преступления и наказания” можно объяснить то неприятие этого персонажа другими героями романа, которое явно разделяется и самим автором этого произведения?

Между тем его решительно не принимают ни мать Раскольникова, ни его сестра, ни сам Родион Романович. Назвав уже в письме к сыну «ужасным»

деревенский дом Свидригайлова, при встрече с сыном в Петербурге и его самого (с. 29, 175), Пульхерия Александровна позднее скажет: «Я его всего только два раза видела, и он мне показался *ужасен, ужасен*» (с. 227. Курсив наш. — М. В.). С Пульхерией Александровной совершенно солидарна и Авдотья Романовна, которая на вопрос брата «Стало быть, он (Свидригайлов. — М. В.) не так ужасен... Ты, Дунечка, кажется, его оправдываешь?» «с содроганием» говорит: «Нет, нет, это *ужасный* человек! *Ужаснее я ничего и представить не могу!*» (с. 175. Курсив наш. — М. В.). В высшей степени показательна реакция Раскольникова на Свидригайлова, она зафиксирована романистом в двух самых долгих и важных для обоих встречах этих героев: в комнате-шкафе Раскольникова и в грязном клоачном трактире на Сенной площади, где Свидригайлов в обществе продажной девушки был «на какой-то патриархальной ноге» со всеми и всеми, что его здесь окружало (с. 356). К своему собеседнику Раскольников в обоих случаях испытывает не страх или гнев, а физическое («Да совсем не в том дело, — с <...> перебил Раскольников, — просто-напросто вы *противны...!*» с. 215. Курсив наш. — М. В.) или душевное *отвращение*.

Словами «Я совсем об этом не думаю», произнесенными «с отвращением», прервет Раскольников Свидригайлова, советующего ему уезжать «поскорее в Америку» и предлагающего ему «денег на дорогу» (с. 373). «Глубокое отвращение влекло его (Раскольникова. — М. В.) прочь от Свидригайлова» (с. 374), — повторяет романист в окончании ресторанной встречи этих героев. И добавляет: «Ему (Раскольникову. — М. В.) сделалось и тяжело, и *душно*, и как-то неловко, что он пришел сюда» (с. 362. Курсив наш. — М. В.).

Совершенно неодолимое отвращение овладело и Авдотьей Романовной в тот страшный для нее миг, когда она, уже безоружная, стояла «в двух шагах» от Свидригайлова, «с дикою решимостью глядевшего на нее воспаленно-тяжелым взглядом» (с. 382). Но и совершенно беззащитная от него, она в ответ на его

«так не любишь <...> И... не можешь? Никогда?» он услышал только «Никогда!» (с. 382).

«Тяжелый взгляд» — особо важная деталь и в портретах Свидригайлова, которых в “Преступлении и наказании” три. «Это, — говорит сам романист, — был человек лет пятидесяти росту повыше среднего, дородный, с *широкими и крутыми* плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще *густые*, были совсем *белокурые* и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели *холодно*, пристально и вдумчиво; *губы алые*. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо *моложе своих лет*» (с. 188. Курсив наш. — М. В.).

Заключительным словам этого описания Аркадия Ивановича не противоречит и впечатление, произведенное им на только что проснувшегося Раскольников: «совсем не знакомый ему человек <...> стоял на том же месте и продолжал в него вглядываться. Вдруг он переступил осторожно через порог, бережно прикрыл за собой дверь, подошел к столу, продолжал с минуту, — все это время, не спуская с него глаз, — и тихо, без шума, сел на стул подле дивана; шляпу поставил сбоку, на полу, а обеими руками оперся на трость, опустив на руки подбородок. Видно было, что он приготовился долго ждать. Сколько можно было разглядеть сквозь мигавшие ресницы, человек этот был уже немолодой, *плотный* и с густою, светлою, почти белою бородой...» (с. 214. Курсив наш. — М. В.).

Оба портрета, предающие по преимуществу физический облик Свидригайлова, акцентируют телесную мощь их оригинала и его молодость не по летам. Манера, с которой Свидригайлов вошел в комнату чужого для него

человека, свидетельствует как о его уверенности в себе, так и о вкрадчивости и надежде на свою ловкость в обхождении с людьми.

В третьем портрете Свидригайлов также обрисован впечатлениям Раскольникова, но относящимися уже к внутренней сущности этого человека. «Он (Раскольников. — М. В.) рассматривал с минуту его лицо, которое всегда его поражало и прежде. Это было какое-то *странное* лицо, похожее как бы на *маску*: белое, румяное, с алыми губами, светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами. Глаза его были как-то *слишком голубые*, а *взгляд из как-то слишком тяжел и неподвижен*. Что-то было *ужасно неприятное* в этом *красивом и чрезвычайно моложавом*, судя по летам, лице. Одежда Свидригайлова была щегольская, летняя, легкая, в особенности щеголял он бельем. На пальце был *огромный перстень с дорогим камнем*» (с. 357-358. Курсив наш. — М. В.).

Главное в том облике Свидригайлова — резкий контраст между представительной и даже привлекательной внешностью Аркадия Ивановича и «зеркалом его души» — его глазами с из неестественной для пятидесятилетнего человека голубизной, но угнетающим наблюдателя выражением. Фальшь Свидригайлова можно обнаружить и в его фамилии : «фамилия *Свидригайлов* была известна читателям 1860-х гг. как одна из обличительных «масок» <...>, придуманных сотрудником журнала «Искра» М. М. Стопановским для популярной рубрики»⁵⁰.

«Этот портрет, — комментирует данное изображение Свидригайлова Ф. И. Евнин, — маска не только по яркости и однотонности красок: обманчивое благообразие прикрывает, маскирует в нем скрытые от поверхностного взора низменные инстинкты и страсти. Кое-что в этом изображении прямо напоминает зверя, тигра»⁵¹.

На наш взгляд, уподобление Свидригайлова хищному зверю не заслоняет ту главную нравственную особенность этого героя «Преступления и наказания»,

⁵⁰ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 103-104.

⁵¹ Евнин Ф. И. Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959. С. 146.

на которую намекают уже его портреты. Вспомним, что и глядя в последней их встрече на Дуню Раскольникову алчным и охотливым взглядом, Свидригайлов поступил уже с девушкой, как тигр, со своей добычей, но отпустил ее. Не маскирует Свидригайлов «свои низменные инстинкты», так как сам уведомляет о них Марфу Петровну, не скрывает и от Авдотьи Романовны и, как мы помним, «развратным и праздным» человеком аттестует себя Раскольникову. Вообще, в отличие от насквозь лживого и поэтому постоянно пребывающего в масках Лужина, Свидригайлов, напротив, как-то вызывающе откровенен, порой «с удивительным выражением простодушия» (с. 217) и также чистосердечности («Про что? А право, не знаю про что... — чистосердечно пробормотал Свидригайлов». С. 219).

Правда, циничная откровенность Свидригайлова объясняется не его уважением, а полным равнодушием к суждениям о нем окружающих его людей («Да ведь я ничьим мнением особенно не интересуюсь, — как бы даже с оттенком высокомерия ответил Свидригайлов». С. 277), но сам этот факт важен. «Я резко лгу» (с. 220), — говорит этот герой во время его первой встречи с Раскольниковым и позднее подкрепляет сказанное способностью признать свою ложь о сестре Родиона Романовича в сцене их последней встречи («Эге, Авдотья Романовна, верно забыли, как в жару пропаганды уже склонялись и млели... — Лжешь! (бешенство засверкало в глазах Дуни) лжешь, клеветник! — Лгу? Ну пожалуй и лгу. Солгал» (с. 381).

Подобие лица Свидригайлова маске имеет иную причину, уже в портрете этого героя приоткрывающую нам его главное внутреннее качество.

И это не что иное, как, если, не и не совершенно окончательная, то близкая к тому омертвелость его души в разных масках предстают перед людьми, как известно, дьявол, под личиной мудрого змея явившийся в раю промабери человечества Яве, и его много образное воинство — от чертей до ариманов, шайтанов и иных демонов. Как и в «странном лице» Свидригайлова бездушные врагов человека этих компенсировалось, при их явлении людям, признаками

необычной физической силы и блестящими внешними облачениями. В физиономии пятидесятилетнего Свидригайлова таковы для это алые губы, белизна и румянец лица, а также борода.

Из героев русской литературы, предшествующих персонажам «Преступления и наказания», Свидригайлов сближается с гоголевским Михаилом Семеновичем Собакевичем в качестве хищного зверя, каким выглядел «весьма похожий на средней величины медведя»⁵² названный герой «Мертвых душ», будучи также господином, в мощном и плотном теле, которого, «казалось» также «совсем не было души», а если она и была, то «совсем не там, где следует, а <...> где-то за горами»⁵³.

На присутствие в Свидригайлове не столько хищного начала, тигрового или медвежьего («Вы даже, может быть, и совсем не медведь», — скажет ему проницательный Раскольников. С. 217), сколько, в первую очередь, дьявольского и антихристового, указывает и третий портрет героя.

Омертвелость души Свидригайлова подтверждается его главным жизненным ощущением. Это — скука, сопровождающая Аркадия Ивановича даже при созерцании им морской зари в Неаполитанском заливе. «Я вам откровенно скажу, — сообщает он Раскольникову при их первой встрече, — *очень скучно*» (с. 218). Словами «иногда *даже скучно*» он завершает и свою «биографию», рассказанную им Раскольниковым при их последней встрече» (с. 359. Курсив наш. — М. В.).

Сам же жизненный путь Свидригайлова и его социальный статус обозначены им в одной фразе: «Я кто такой? Вы знаете: дворянин, служил два года в кавалерии, потом здесь в Петербурге *шлялся*, потом женился на Марфе Петровне» (с. 359. Курсив наш. — М. В.). Из других его откровений Раскольникову мы узнаем, что Свидригайлов «был шулером», за что бывал бит, что он «сидел в тюрьме за долги», откуда был «за тридцать тысяч сребреников» выкуплен Марфой Петровной, с которой он безвыездно прожил семь лет в ее

⁵² Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 томах. Т. 5. М., 1967. С. 10.

⁵³ Там же. С. 118.

деревне, где стал «хозяином порядочным», что ранее он пил много, но теперь вина, кроме стакана шампанского в целый вечер, «совсем не пьет» (с. 218, 359) и что «в первый же день» своего нового приезда в Петербург он «пошел по разным этим клоакам» (с. 370).

Однако ни в одну из перечисленных им или иных семейных и общественных ролей Свидригайлов нимало не вошел. «Верите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помещиком, ну, отцом, ну, уланом, фотографом, журналистом... н-ничего, никакой специальности!» (с. 359), — сообщает он Раскольникову.

По существу, Свидригайлов, находясь среди людей, своим обособлением от всех их животворных проявлений отделяется и от них самих. А тем самым, согласно Достоевскому, и от Бога. Ведь, как писал Достоевский в набросках к своей статье «Социализм и христианство», датированных 1864 и 1865 годами, т.е. временем, в которое создавался и роман «Преступления и наказания», — Бог есть идея человечества собирательного, массы, *всех*» (20, с. 191).

Если Раскольников, погруженный в свою умозрительную «теорию», само изолировался от людей и живой жизни в целом на полгода, то Свидригайлов, судя по его вечной скуке, находился в этом состоянии многие десятилетия. В итоге из множества симпатий и антипатий, связывающих нравственно здорового человека с ему подобными, у Свидригайлова осталась лишь общая у людей с животными и насекомыми физиологическая страсть. Это половое вожделение, неминуемо переходящее в потребность все большего *сладогострастия*, удовлетворить которое способен лишь бесконечный и безграничный разврат. И, соглашаясь с Раскольниковым, что эта страсть — «болезнь, и опоеная» (с. 359), («Я, — говорит он, — согласен, что это болезнь, как и все переходящее через меру, а тут непременно придется перейти через меру», с. 362), Свидригайлов отнюдь не борется с нею. Напротив, он подводит под нее в свой черед логическую основу: «Ну так что ж, ну и разврат. Дался им разврат. <...> В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное,

основанное даже на природе <...>, нечто всегдашним разожженным угольком в крови пребывающее, вечно *поджигающее*, которое <...> и с годами, может быть, не так скоро заляешь» (с. 359. Курсив наш. — М. В.).

Предаваясь все большему сладострастию и разврату, Свидригайлов в равной мере вытеснил свое духовное начало, омертвляя свою душу. Эта антижизненная сущность его личности и объясняет нам, то, почему данный герой, вопреки и самым добрым его делам, и столь *ужасен, ужасен* или отвратителен для таких физически и нравственно полноценных людей, как мать, сестра Раскольникова и даже он сам.

Омертвелость души Свидригайлова делает этого героя самым преступным лицом романа Достоевского. В ней же заключается и основная причина его страшной гибели — самоубийства (которая также, и даже в большей степени, присуща и Раскольникову).

Как уже говорилось, автор “Преступления и наказания” не дает нам достаточных свидетельств ни для того, чтобы считать Свидригайлова главным виновником смерти его жены Марфы Петровны и их дворового “философа” Филиппа, ни для того, чтобы уверенно снять с него эти подозрения.

Сам Свидригайлов говорит с Раскольниковым о смерти и Марфы Петровны, и Филиппа весьма спокойно, как бы принимая долю вины за них и на себя, а позднее высказывая готовность «при первом удобном случае по всем пунктам» удовлетворить и дальнейшее «любопытство» своего собеседника (с. 365).

Но совсем иначе реагирует он на почудившееся ему упоминание Раскольниковым имени госпожи Ресслих. Тут его развязная болтовня сразу сменяет сумбуром опасных вопросов: «Вы эту Ресслих знаете? Вот эту самую Ресслих, у которой я теперь живу-а? Слышите? Нет, вы что думаете, вот та самая, про которую говорят, что девчонка-то! в воде, зимой-то, — ну, слышите ли?» (с. 368). И, наконец, переложит свою вину на кого-то другого:

«Ну, так она (т.е. Ресслих. — М. В.) мне все это состряпала; тебе, говорит скучно, развлекись время» (там же).

Дело в том, что в этот момент его разговора с Раскольниковым Свидригайлов, проговорившись, невольно коснулся иного своего преступления, хотя старениями Марфы Петровны и «затушёванного», но от этого не менее жуткого. Ибо по меньшей мере об одном из них в свое время стало известно Лужину, который, говоря, что оно было совершено «с примесью зверского и, так сказать, фантастического душегубства» (с. 228), не преминул сообщить о нем матери, сестре и брату Раскольниковым.

Определение «фантастическое» побуждает нас вспомнить тот, также «фантастический вопрос», который, «неотразимо требуя разрешения» замучив «сердце и ум» Раскольникова, и в конец концов толкнул его на убийство старухи-процентщицы.

Настоящее преступление Свидригайлова сходно с деянием Раскольникова своим морально-нравственным характером. Как рассказал Лужин, в «восемь лет назад» в Петербурге «жила, да и теперь, <...> живет некоторая Ресслих, иностранка и сверх того мелкая процентщица... С этою-то Ресслих господин Свидригайлов находился издавна в некоторых близких таинственных отношениях. У ней жила дальняя родственница <...>, глухонемая, девочка лет <...> четырнадцати, которую эта Ресслих <...> ненавидела и каждым куском попрекала; даже бесчеловечно была. Раз она найдена была на чердаке удавившемся. Присуждено, что от самоубийства. <...> Но впоследствии явился <...> донос, что ребенок был... жестоко оскорблен Свидригайловым» (с. 228).

Если Раскольников, убив процентщицу Алену Ивановну, переступил через божескую заповедь «не убий», то Свидригайлов своим преступлением через подобный же завет — «не прелюбодействуй». При этом он перешагнул его в отношении к ребенку, к тому же убогому от рождения, и многократно униженному. А ведь дети, как со ссылкой на по-евангельские тексты однажды сказал Раскольников, — «образ Христов».

Попраание Свидригайловым не только тела, но и души девочки, наложившей на себя руки и тем принявшей на себя самый страшный человеческий грех, сделало его злодеем страшным, уготовившим своей душе вечные адские мучения. Но, помня его произнесенные с хохотом слова «... я очень люблю детей» и рассказ о своей шестнадцатилетней невесте, с «личиком вроде Рафэневой Мадонны», — которую он «уж очень бесцеремонно» сажает себе на колени, так, что та вся вспыхивает и покрывается слезинками, — читатель “Преступления и наказания” понимает, что глухонемая девочка была далеко не единственной жертвой этого сладострастника. И тут нельзя не согласиться с Лужиным, назвавшим Свидригайлова — «самым развращенным и *погибшим* в пороках человеком из всех подобного рода людей» (с. 228). Правоту этого приговора, впрочем, подтверждает и сам Аркадий Иванович, когда вслед за омертвлением собственной души и на великую веру миллионов христиан в бессмертие человеческих душ. Ибо ему и вечность, где они обитают, представляется «эдак вроде деревенской бани, закоптелой, а по всем углам пауки...» (с. 221). Если же она и не такова, то, говорит Свидригайлов, он такой бы ее «непременно нарочно сделал!» (с. 221). «Каким-то *холодом* охватило вдруг Раскольников при этом *безобразном* ответе» (с. 221).

Это холод духовной смерти человека и человечества, при которой у людей, по убеждению Достоевского, станет невозможной и нормальная физическая материально-телесная жизнь.

Между тем Свидригайлов, отрицающий самую основу живой человеческой жизни человечества, вовсе не помышляет прекратить собственное «скучное» существование. «А вы могли бы застрелиться?» — спрашивает этого «мрачного, скучного», как он сам себя определяет человека (с. 368) Раскольников. «Ну вот! — с *отвращением* отпарировал Свидригайлов, — сделайте одолжение, не говорите об этом, — прибавил он поспешно и даже без всякого фанфаронства... Даже лицо его как будто изменилось, — Сознаюсь в непростительной слабости,

но что делать: боюсь смерти и не люблю, когда говори о ней» (с. 362. Курсив наш. — М. В.).

Уничтожение человеком самого себя несовместимо с христианской антропологией. И отвращение Свидригайлова от самоубийства поэтому можно принять за сигнал читателем “Преступления и наказания” о том, что душевное омертвление этого героя еще не стало абсолютным, и он пока видит некий шанс на возможность своего оживления.

Действительно, определенным шансом для Аркадия Ивановича была сильная и деятельная любовь к нему («Очень любила», — засвидетельствует этот герой. С. 218) Марфы Петровны. В самом деле: эта женщина за «тридцать тысяч сребреников» освободила Свидригайлова из долговой тюрьмы и, по его словам, «тотчас же» увезла «к себе в деревню, как какое сокровище» (с. 218). Там Свидригайлов не только прожил безвыездно целых семь лет, но, сделавшись «хозяином порядочным» («Меня в околотке знают. Книги тоже выписывал» - там же), обрел и позитивный жизненный статус.

Рассказ Свидригайлова о его отношениях с Марфой Петровной — один из тех фрагментов “Преступления и наказания”, которые особенно богаты символическими элементами.

Обильная и многообразная символика — общая особенность всех художественных произведений Ф. М. Достоевского. Из посвященных ей научных работ для всех исследователей автора “Преступления и наказания” большую научную ценность, по нашему мнению, сохраняют относительно давние статьи В. Н. Топорова⁵⁴, Г. Д. Гачева⁵⁵, в русле идей которых написана и интересная книга А. С. Лошкаревой⁵⁶.

⁵⁴ См.: Топоров В. Н. Поэтика Достоевского пархаичные схемы мифологического мышления // Проблемы поэтики и теории литературы. Саранск. 1973. С. 91-109.

⁵⁵ См.: Гачев Г. Д. Космос Достоевского // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск. 1973. С. 110-124.

⁵⁶ См.: Лошкарева А. С. Мистика и символика в романе Ф. М. Достоевского “Преступления и наказания”.

В рамках нашего анализа “Преступления и наказания” его символика привлекается, однако, не сама по себе, а лишь в контексте антропонимики этого романа. Это относится, и к сюжету об отношениях Свидригайлова с Марфой Петровной, в котором присутствуют символические цифры *тридцать* и *семь*. Зачем они здесь? Но сначала расшифруем антропоним Марфы Петровны.

Если отчество жены Свидригайлова напоминает нам о камне, то ее имя Марфа, с онтологической и аксиологической точки зрения, означающее по-сирийски «хозяйка, госпожа»⁵⁷, получило широкое распространение в мире благодаря евангельскому рассказу о посещении Иисусом Христом в Вифинии сестер Лазаря Марфы и Марии, во время которого Мария «села у ног Иисуса и слушала его», а также «помазала Господа миром и отерла ноги его волосами своими», а «Марфа же заботилась о большом угощении» и «Ему <...> слушала» (Лк. 10: 38: 42; Ин. Н: 1исх; 12: 1 и сл.).

Подобно своей новозаветной соименнице, поступает со Свидригайловым и Марфа Петровна. Сначала она освобождает его из долговой тюрьмы ценою денежной суммы, в тысячу раз превысившей плату, полученную Иудой Искаротом за предательство Богочеловека, и те же «тридцать целковых» (с. 17), переступив через себя, «заработала» для своих голодных маленьких братьев и сестры Соня Мармеладова.

Такая цена за физическое благоденствие Свидригайлова тем не менее не кажется странной, если вспомнить, что долговая тюрьма в России называлась и долговой *ямой*, что сближает это «учреждение» не только с могилой и глубоким подземным *провалам*⁵⁸, но и с самим христианским адом, где грешники терпят вечные муки, а на самом его дне, согласно «Божественной комедии» Данте, Дьявол грызет голову Иуды. Затем Марфа Петровна увезла Свидригайлова из Петербурга в свою деревню, где, реализуя негативный смысл своего, общего с лужинским, отчества (Петровна), она как капканом, связала

⁵⁷ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 563.

⁵⁸ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 677.

Свидригайлова денежным «документом» на те самые тридцать тысяч рублей, гарантировав себе относительно спокойную жизнь в течение семи лет. А ведь символика этой цифры, наряду с другими позитивными смыслами, напоминает и о страстной седмице Иисуса Христа, закончившейся воскресением в новую и вечную жизнь. Надежда на собственное духовное оживление могла, по прошествию семи лет, прожитых им к тому же в «законном браке» и занятиях хозяйством, возникнуть и у Свидригайлова.

Но тут Марфа Петровна умирает, и Аркадий Иванович остается один на один со своим антихристовым началом. Кроме того, Марфа Петровна, озабоченная, как и ее евангельская предшественница во встрече с Богочеловеком, лишь физическим благополучием супруга, в деле его душевного восстановления ничем ему помочь не могла. Суда по утвердительному ответу Свидригайлова на вопрос Раскольникова «Вы по Марфе Петровне, кажется скучаете?» («Я? Может быть. Право, может быть». С. 218), ему супруги недостает, но своей спасительницы он в ней никогда не видел. Для этого ему необходима совершенно другая женщина, та которой при встрече с «пропащим человеком» «непременно захочется его и спасти», и отразумить, и воскресить <...>, и возродить к новой жизни и деятельности» (с. 365).

Такую женщину, мощью своего человеколюбивого порыва напоминавшую ему легендарных святых первых веков христианства, Свидригайлов видел в лице единственно и только Авдотьи Романовны Раскольниковой. Ведь ее страстное желание «образумить <...> и возродить к новой жизни» было обращено к нему, закоренелому аморалисту и развратнику. Это могло потрясти даже его зачерстневшую от разврата душу. «А что, — если мог подумать Свидригайлов, — если этой необыкновенной девушке («В вас все божественно», — скажет он ей потом. С. 377) захочется предпринять такую попытку, ввиду ее непомерной трудности?» И он сразу после похороны супруги поехал в Петербург с целью добиться свидания с Дуней, прибегнув к помощи

ее брата и в его присутствии, убедив последнего, что хочет спасти ее от брака с Лужиным.

Предлагая такую интерпретацию мотивов Свидригайлова в его петербургских встречах с Раскольниковым и Авдотьей Романовной, мы исходим из предположения, что в этом преступном, но, несомненно, умном и по-своему широком господине пусть на самое короткое время, но победил, как это и допускал Раскольников, не пошляк, а человек порядочный. И больше того: не сладострастник, а истинно и глубоко любивший в действительно «божественную» девушку («В вас все божественно», — скажет он ей незадолго до ее выстрела в него. С. 377). Ибо только возникновением этого святого чувства можно объяснить тот факт, что, ибо любую нить тот после ее *умоляющего* Дуниного «Отпусти меня!» Свидригайлов, более не притронувшись к Авдотье Романовне, дал ее полную свободу.

Но в таком душевном состоянии этот герой “Преступления и наказания” пробил крайне недолго. Уже весь вечер того же дня он, сообщает романист, «провел по разным трактирам и клоакам, переходя из одного в другой» (с. 383). А придя к Соне Мармеладовой, он вместе с вручением ей *трех* тысяч рублей сообщит: «Я, Софья Мармеладова, может, в *Америку* уеду...» (с. 384. Курсив наш. — М. В.). Как покажут последние сцены “Преступления и наказания”, где действует Свидригайлов, сказанное им об Америке, было перифразом решения о самоубийства.

Оно и происходит в одной из заключительных глав “Преступления и наказания”, в свой черед очень насыщенной мистической символикой. Таков здесь и *мост*, по которому Свидригайлов перешел «в полночь <...> по направлению в Петербургскую сторону», и грязная *деревянная* гостиница с пышным названием «Адрианополь»⁵⁹, а в ней — «отдаленный номер, *душный и тесный*, где-то <...> в *углу, под лестницей*», а также *мышь*, ощущаемая

⁵⁹ Так назывался город, основанный в античной Италии римским императором П. Адрианом, известным, в частности, тем, что «велел украсить Афины роскошными постройками» и своими путешествиями (Словарь античности. Перевод с немецкого. М., 1994. С. 16-17).

забывшимся сном Свидригайловым на его постели и «за спиной, под рубашкой», наконец, *мухи*, сидевшие на заказанной им, но нетронутой телятине.

Художественные концепты «моста», «лестницы» и синонимичных им «черты», «порога» проходят в «Преступлении и наказании» через весь роман, образно знаменуя собой борьбу в человеке противоположных начал и предоставленную ему творцом возможность в любой момент предпочесть претензиям сделаться человекобогом идеал Богочеловека. Однако в обстановке последней ночи Свидригайлова каждая из деталей призвана внушить читателю ощущение некой богооставленности, чего-то совершенно чуждого свету, духовности и жизни. Намек на это свойство можно видеть уже в мыши, с которой у многих народов «связываются предзнаменования смерти, разрушения, войны, моря, голода, болезни»⁶⁰. И уже в прямой связи с Дьяволом находятся муки, повелителем которых издавна считается Вельзевул, упоминаемый в ветхом и Новом заветах, где он считается «главой злых духов или демонов»⁶¹.

Гнетущей обстановке последнего пристанища Свидригайлова соответствуют и преследующие его «всю ночь» кошмарные видения, в которых реальное и фантастическое сплетено неразрывно и неразлично. Сначала «ему вообразился прелестный пейзаж: «В светлый, теплый <...> праздный день» и «роскошный деревенский коттедж, в английском вкусе», с «большой, высокой залой», заполненной и окруженной цветами». А среди нее «гроб» с летавшей в нем девочкой, «в белом тюлевом платье» и с распущенными волосами «светлой блондинки». «Строгий и уже окостеневший профиль ее лица был <...> как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то скорби и великой жалобы» (с. 391). «Свидригайлов, — комментирует романист данное видение, — знал эту девочку. Это <...> была самоубийца-утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно

⁶⁰ Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1992. С. 190.

⁶¹ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 350.

погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшись это молодое, детское сознание...» (там же).

В мертвой девочке, «нагло поруганной в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер» (там же) Свидригайлов узнает одну из жертв своего разврата. И даже его омертвелой душе, видимо, не хватает того «воздуха, воздуха, воздуха», который и следователем Порфирий Петрович, и он сам «прежде всего» рекомендовали Раскольникову как человеку, совершившему нравственное преступление. «Свидригайлов, — говорит романист, — очнулся, встал с постели и шагнул к окну» (там же).

Окно еще один сквозной символ “Преступления и наказания”. Его поминает в связи с страшной духотой в комнате-гробе Раскольникова Пульхерия Александровна. В него «упорно смотрел» (с. 383) Свидригайлов в тот момент последней встречи с Дуней Раскольниковой, когда он отдал ей ключ от запертой им комнаты. Вот и здесь он «нашел задвижку и отворил окно» (с. 391). Но вместо воздуха на него неистово хлынул ветер «и как бы морозным инеем облепил ему лицо и прикрытую одной рубашкой грудь» (там же). А с ветром к Свидригайлову подступала и вода: «Вода прибывает, — подумал он, — к утру хлынет, там, где пониже место, на улицы, зальет подвалы и погреба, всплывут подвальные крысы, и среди дождя и ветра люди начнут, ругаясь, мокрые, переталкивать свой сор в верхние этажи...» (с. 392).

Одна из четырех стихий мироздания вода — и древний символ жизни. Но Свидригайлов «никогда <...> не любил <...> воды, даже в пейзажах» (с. 389), и сейчас он видит в ней знамение чуть ли не нового всемирного потопа, которым Бог некогда покорил человечество за забвение его моральных заветов.

И еще одно жуткое видение открывается Свидригайлову в фигуре «ребенка — девочки лет пяти», обнаруженной им «в темном углу» гостиничного коридора, где она, спрятавшись «за *шкафом*», «просидела <...> всю ночь» (с. 392). Раздетая, и уложенная Свидригайловым в его постель, она «тотчас заснула». Но скоро «ему вдруг показалось, что длинные черные

ресницы ее как будто вздрагивают и мигают <...>, и из-под них выглядывает <...> какой-то недетски-подмигивающий глазок... Да, так и есть: ее губки раздвигаются в улыбку; кончики губок вздрагивают... Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже *смех*, явный *смех*; что-то нахальное <...> светится в этом совсем не детском лице; это разврат, это <...> нахальное лицо продажной камелии из француженок» (с. 393).

Сцена с возможной малолетней жертвой Свидригайлова, смеющейся над своим растлителем, параллельна видению старухи-процентщицы из жуткого сна Раскольникова, в котором старуха, ударенная Раскольниковым топором, «сидела и смеялась» над ним (с. 213). Связь двух этих эпизодов «Преступления и наказания» подкрепляется и тем обстоятельством, что и появление Свидригайлова в комнате Раскольникова происходит в тот момент, когда главный герой романа видит этот свой сон, бывший для него одним из акта его нравственной самоказни.

Иначе обстоит дело с последним кошмаром Свидригайлова. Это не самонаказание Аркадия Ивановича, божеская душевная часть которого давно уступила место части дьявольской, антихристовой. Это сам нравственный порок Свидригайлова, облекшись в противоестественную ему личину маленького ребенка (ибо, напомним еще раз, «дети-образ Христов...») выступил против своего, видимо, в первые потрясенного им носителя: «Как! пятилетняя! — прошептал *в настоящем ужасе* Свидригайлов, — что... что ж это такое?» (с. 393. Курсив наш. — М. В.). А увидев, что девочка «поворачивается к нему всем пылающим личиком, простирает руки», вскричал в ужасе «А, проклятая!», «занося над ней руку...» (там же).

В отличие от Раскольникова при его встрече с мертвой, но смеющейся над ним старухой Свидригайлов в этой сцене карается как бы высшими силами самой жизни, которую он столь долго осквернял и оскорблял. Проснувшись в конце последнего видения окончательно, он, нащупав в кармане пистолет и поправив капсюль, выходит из гостиницы и на «унылой и грязной» окраине

Петербурга совершает самое большое из богопротивных деяний человека — самоубийство.

Но и этот человек, как показывает Достоевский, не был оставлен проявлением бесконечного милосердия Творца. Ибо раньше, чем описание романистом кошмары Свидригайлова, перед ним возник и «давешний образ Дунечки», которой он, по его словам, «столько <...> наобещал» в их последней встрече. «А ведь, пожалуй, и *перемолола бы меня как-нибудь*», — подумал Аркадий Иванович. «... Образ Дунечки, — продолжает романист, — появился перед ним точь-в-точь, как была она, когда, выстрелив в первый раз, ужасно испугалась, опустила револьвер и, помертвев, смотрела на него, так что он два раза успел бы схватить ее, а она и руки бы не подняла в защиту, если б он ей не напомнил. Он вспомнил, как ему в то мгновение точно жалко стало ее, как бы *сердце сдавило ему...*» (с. 390. Курсив наш. — М. В.).

Последние слова романиста подтверждают наше предположение, что в этой сцене порядочный человек победил в Свидригайлове развратника. Но Свидригайлов, видимо, и сам не поверил в это и даже не пытался уверить в своем обновлении любимую девушку. Вот и сейчас, в гостинице, он тут же оставил такое намерение: «Э! К *черту!* Опять *эти мысли*, все это надо *бросить, бросить!*...» (там же. Курсив наш. — М. В.).

С изгнанием и мысли о девушке, в которой «все божественно», для Свидригайлова исчезал и малейший шанс хотя бы «воображением» «к чему-нибудь особенно прилепиться» в живой жизни, а, следовательно, и шанс на малейшее духовное оздоровление (с. 389). Существовать этому герою стало нечем и незачем.

Как и с другими двойниками, у Раскольникова есть определенное сходство и со Свидригайловым. Они оба в своих деяниях идут до конца, не останавливаясь перед той чертой, которую никогда не переступит, например, Пульхерия Александровна. Оба — преступники не против собственности или каких-то юридических и гражданских прав людей, а против христианской

морали и нравственности и тем самым против божеского начала как в них самих, так и в их жертвах. И Раскольников, и Свидригайлов в равной мере сложны в причинах и мотивах их главных деяний не только для других персонажей “Преступления и наказания”, но и для читателей и исследователей этого романа. Им обоим дорога Авдотья Романовна, — сестра с родственным ему человеколюбивым началом, а Свидригайлову как единственно возможный спаситель его омертвелой души. Каждому из них присущ известный интерес к другому (а со стороны Свидригайлова порой и почтение к Родиону Романовичу, который, по словам Свидригайлова, «много на себя перетащил». С. 390). Наконец, они оба участвуют в судьбе маленьких детей Мармеладова и Катерины Ивановны, а также Сони Мармеладовой.

На этом фоне рельефнее проступает и радикальное отличие Раскольникова от Свидригайлова, решительно несхожи сами натуры этих героев. Раскольников, еще ребенком потерявший отца, был утешителем своей матери, а потом образцом человечности и благородства для сестры Дуни. Он не только умен, и изначально духовен, но и не менее Авдотьи Романовны целомудрен. Свидригайлов, сперва улан, потом шулер, но всегда угодник своих патологических вожделений, которые он удовлетворял при содействии сводниц типа госпожи Ресслих, по-видимому существо едва духовное и нецеломудренное от рождения. Свое преступление, считает следователь христианин Порфирий Петрович, Раскольников совершил в состоянии «помрачения» его сердца и ума («... Потому, по совести, оно помрачение и есть») в период овладевшего им неверия. Все преступления Свидригайлова, predetermined, напротив, его природной злостью и стимулированы дьявольской хитростью, и ставкой на доверчивость или беззащитность своих жертв; а также усыпление их лестью («Даже весталку можно соблазнить лестью», — говорит он Раскольникову. С. 366). Преступное деяние Раскольникова не имело ничего общего с корыстью. Свидригайлов, напротив, преступник из корысти, которая, как у пьяницы и наркомана, состоит из удовлетворения его извращенных

страсти. Раскольников, и предчувствуя до своего преступления неминуемую самоказнь и жестоко казнясь ею после преступления, ценою каторги возвращается к людям и живой жизни. Свидригайлов и в последние часы своего существования не произносит ни одного покаянного слова, а из жизни уходит посредством нового преступления перед Всевышним. Раскольников целует письмо своей матери, готов отдать жизнь за честь сестры и сам на миг воскресает душою от чистого же целуя Полечки.

Свидригайлова нам трудно даже вообразить с его матерью, сестрой и даже с собственными детьми, которых у пятидесятилетнего мужчины ожидать вполне естественно.

Зато в высшей степени показательна реакция на Свидригайлова четверых детей портного Капернаумова, у которого снимает комнату «от жильцов» Соня Мармеладова. Вот Свидригайлов «прошел прямо к Соне. <...> Она была не одна: кругом нее было четверо маленьких детей Капернаумова «Софья Семеновна пошла их чаем. Она могла и почтительно встретила Свидригайлова, с удивлением оглядела его измокшее платье, но не сказала ни слова. *Дети же все тотчас убежали в неопisanном ужасе*» (с. 384. Курсив наш. — М. В.).

Фамилия Капернаумова происходит от города Капернаум, который, согласно Евангелием от Матфея и Луки, был центральным местом деятельности Иисуса Христа в Галилее; там им совершено много чудес, между прочим исцеление слуги римского сотника (Мф. 8: 5; Лк.). Она указывает на то, что и все Капернауомы и бывшие скорее всего евреями, исповедовали тем не менее не иудаизм, а христианство. И вот четверо маленьких христиан, чуть завидев Свидригайлова, бегут от него в еще большем ужасе, чем этот человек воспринимался матерью и сестрою Раскольникова. Это и понятно: будучи «образом Христовым», как их цитируя евангелие от Матфея) (Мф. 19, 13-15) называет в «Преступлении и наказании» Раскольников, дети быстрее взрослых ощущают антихристову сущность такого человека, как Свидригайлов. Именно это и произошло в указанной сцене с малышами портного Капернаумова.

В заключение данного раздела второй главы нашей работы вернемся к антропониму Свидригайлова. Но прежде напомним, что задуманное им самоубийство Свидригайлова представляет сначала Соне Мармеладовой, а затем и единственному человеку, которого он встретил на выбранном им месте своей гибели, как отъезд в Америку («Место хорошо, — говорит он, — коли тебе станут спрашивать, так отвечай, что поехал, дескать, в Америку». С. 394).

Мотив Америки, возникший в конце «Преступления и наказания», получит широкое развитие в заключительном звене романного «Пятикнижие» Достоевского — «Братьях Карамазовых». Здесь эта заокеанская страна в ее восприятии Достоевским характеризуется Дмитрием Федоровичем Карамазовым, которому его братья Иван и Алексей предлагают от бежать в нее от несправедливого судебного приговора. Но вот что отвечает на этот совет Дмитрий Федорович: «Эту Америку, черт ее дерит, уже теперь ненавижу. <...> А я-то разве вынесу тамошних смердов, хоть они, может быть, все до одного лучше меня? <...> И хоть будь они там все до единого машинистов необъятные какие или что-черт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю <...>, русского, бога люблю, хоть и сам подлец! Да я тот и издохну! — воскликнул он вдруг» (15, с. 186. Курсив наш. — М. В.).

Называя американцев «машинистами» Дмитрий Карамазов подразумевает не их технические и промышленные достижения, а прежде всего их рационалистичность и утилитарный прагматизм в отношении с окружающими людьми и народами. В этом с ним, думается, солидарен и Свидригайлов, и который не случайно однажды говорит о необычной «широте» русского человека, как, очевидно, свойство и собственной личности. Вот почему и для него задуманный им «вояж» в Америку. Суть погружения в дьявольскую тьму вечного небытия.

Показательно, что окончательный выбор между жизнью и смертью этой атеист и аморалист принимает в момент, когда стенные часы в его грязном

«проболи *три*», обозначив еще одно символическое значение этой цифры. Ведь в этот промежуток между ночью (мраком) и начинающимся днем (светом) трижды отрекся от Иисуса Христа его апостол Петр. Вот и Свидригайлов, троекратный бой часов, «*отошел от окна*, запер его <...> натянул на себя жалетку, пальто, надел шляпу и вышел со свечной в коридор, чтоб <...> расплатиться за номер и выйти из гостиницы. Самая лучшая минута, нельзя лучше и выбрать!» говорит он (с. 392. Курсив наш. — М. В.).

Слово «Америка» своей начальной, а также равным количеством гласных и согласных звуков точно соответствует имени Свидригайлова — Аркадий. Не значит это, что и тот метафорический смысл, который вкладывает в него Свидригайлов также предсказан смыслом его имени? Жизнь аркадских пастерсов античными поэтами (например, Вергилием) представлялась как идиллически-безмятежное единение человека с природной и животными (овцами, козами), которых аркадский пастух охранял и у которых многому учился. Однако с утверждением христианства такое существование человека неизбежно открывалось уже как сугубо телесное и поэтому враждебное духовности. По преимуществу с животным миром своими необузданными половыми вожделениями намекал на которые содержит и его фамилия, вольно или невольно сближает себя и Аркадий Свидригайлов. Так и в самом деле имя данного героя становится предсказателем той его кончины, которую он уподобил своей поездке в Америку. Что дополнительно подчеркивает художественную выдержанность и этого героя «Преступления и наказания».

§ 2. 2 Порфирий Петрович

Порфирий Петрович — пристав следственных дел, тонкий психолог, интуитивно распознавший Раскольникова. Первоначальный толчок к появлению этого имени-отчества мог дать образ Порфирия Петровича в «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина, на который Достоевский обратил внимание еще в 1861 г. в журнале «Время» в своей статье о русской литературе.

Имя «Порфирий», имеющее греческое происхождение, с онтологической точки зрения, носит значение «пурпурный, багряный»⁶². Пурпурный и багряный являются темным цветом, придающим таинственную окраску. Более того, нам заметно, что у этого следователя отсутствие фамилии. Об этом наблюдении Брецинский дает свое изложение: «Порфирий Петрович — единственный крупный персонаж “Преступления и наказания”, не получивший фамилии. Это указывает не только на обособленность его функции в романе и фундаментальную загадочность его образа, так до конца и не раскрытого, но и на интимность и непосредственность изображения Порфирия, не нуждающегося в установлении семейных уз»⁶³. Это совершенно верно. Порфирий Петрович – загадочный человек. Об его загадочности можно начать с его расследования гибели старухи-процентщицы.

С одной стороны, он, как все профессиональные приставы, умен и осторожен, логичен и интуитивен, смел и серьезен. А с другой стороны, в отличие от других, у него своя уникальность в расследовании. Он терпелив, даже уклончив, находит смысл в случайных подробностях, он все сужает и сужает описываемую им спираль, и в нужный момент, наносит решающий удар. Хотя у него нет улик, но он может психологически доконать Раскольникова, он закружил его ежесуточными подозрениями и страхом, он играет на его нервах и желчи. Порфирий Петрович не подвергает Раскольникова предварительному заключению, потому что рассчитывает, что «он у меня психологически не убежит, хе-хе! ... Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он все будет, все будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, задумываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть!» (с. 261-262).

⁶² Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М., 1995. С. 290.

⁶³ Брецинский Д. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского. — «Современник», Торонто, 1971, № 22-23, С. 26.

Безусловно, для Раскольникова следственная способность Порфирия Петровича опасна. Несмотря на продуманные и с виду случайные поступки Раскольникова, Порфирий ранее всех определил, что Раскольников является убийцей. Он обратил внимание на газетную статью «О преступлении» Раскольникова и нашел ключ к раскрытию дела. Он специально скрыл свое подозрение, а вместо этого как бы невзначай стал обсуждать с Раскольниковым вопрос о природе преступления. Он задавал Раскольникову каверзные вопросы, но на самом деле, хотел понять его психологическое состояние и найти скрытые мотивы в его ответах. Например, он непосредственно спросил: «Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, – ведь уж быть того не может, хехе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, – тоже человеком «необыкновенным» и говорящим новое слово, – в вашем то есть смысле-с... Ведь так-с?» (С. 204) . Также в интонации его слов: «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» есть нечто особенно ясное. Он часто специально задавал Раскольникову такие вопросы, которые вроде бы не надо было задавать, а потом притворно каялся в своих ошибках. Все эти средства служат его инструментами его детективного поиска.

Однако, загадочность Порфирия Петровича еще отражается в его другой стороне – его двойственности. Холодный, умный пристав одновременно выполняет другую роль. Д. Брецинский отмечает, что «в имени и отчестве, возможно, есть намек на монаршую власть-порфира (пурпурная мантия монарха) и Петр (первый русский император)»⁶⁴.

Д. Н. Брецинский пишет: «Убив ростовщицу и ее сестру и преступив тем самым ветхозаветную заповедь «не убий», Раскольников вступает в конфликт сразу с двумя правдами — божьей и человеческой. Религиозное начало представлено в романе Соней Мармеладовой, правовое начало — <...> Порфирием Петровичем. Соня и Порфирий — божественная мудрость и

⁶⁴ Брецинский Д. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского. — «Современник», С. 27.

очистительный огонь (именно так, мне думается, надо понимать символику этих имен у Достоевского»⁶⁵.

Действительно, в романе Порфирий Петрович играет такую роль, т.е. монарший император. Он царит не только в юридическом мире, но и христианском. Он бескорыстный и старается не из-за карьеры. Он не сухой формалист, но и верит в добрые начала человеческой натуры. Порфирий убежден, что в деле Раскольникова дискредитировались не только пути и средства, которыми последний хотел изменить мир, но и самое стремление к новой справедливости, к новому переустройству мира. Он обличает Раскольникова не как судья, а как совесть прежнего, христианского мира. Он не относится к Раскольникову как к злему убийце, но предлагает ему перемену обстановки как способ освобождения от ошибочной идеи и путь в поисках нового «бога». «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль бога найдет. Ну найдите, и будете жить» (с. 351).

И наконец, он нашел духовный и единственный выход для Раскольникова и советует ему идти по пути исповеди.

§ 2. 3 Миколка

В романе «Преступление и наказание» имеются два персонажа по имени «Миколка». Первый — маляр, а другой — пьяный возчик из сна Раскольникова, забивающий насмерть свою лошадь. Миколка – разговорная форма имени Николай – христианского имени, даваемого при крещении. Это имя обладает значением «побеждающий, действующий независимо от прочих». Раз автор использует разговорную форму Миколка, а не Николай, это значит, значение христианского имени уже ослаблено.

⁶⁵ Брешинский Д. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского. — «Современник», Торонто, 1971, № 22-23, С. 6.

В 19 веке форма имени Миколка было очень распространенным простонародным вариантом, не имеющим никакого особенного снижающего оттенка. Это как раз то значение, которое Достоевский ему придает. Миколка — это простой человек из народа. Именно этот образ маляра Миколки призван выражать в романе основной и высший догмат «почвенничества» — народность.

Прежде всего, Миколка «еще дитя несовершеннолетнее. <...> Сердце имеет; фантаст. Он и петь, он и плясать, он и сказки, <...> И в школу ходить, и хохотать до упаду оттого, что пальчик покажут, <...> когда напоят, по-детски еще» (с. 347). Он совершенно простой и честный человек, как и многие. Более того, его «почвенничество» проявляется еще в его религиозных верованиях: Миколка является раскольников: «Рвение имел, по ночам богу молился, книги старые, “истинные” читал и зачитался» (там же). Для него, и как для большинства староверов, убийство — это страшный грех, а страдание представляет собой настоящее учение. «что значит у иных из них “пострадать?” Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей — так тем паче» (с. 348). Это причина, почему Миколка признается в убийстве, которое он на самом деле не совершает.

По мнению Достоевского, такая широкая, мечтательная и сильная «русская натура» является обобщенным народным типом. Изображенный Достоевским в качестве простодушного богатыря, взрослого «несовершеннолетнего» образ углубляется чертами трагических воззрений отдельных народных слоев. Миколка, подобно Соне, — проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы. Миколка всем сердцем, всею душою хочет угодить Богу. Не случайно он при крещении назван именем святого Угодника, особенно чтимого русским народом. Но Достоевский никогда не мыслил прямолинейно, и нет в его творчестве коротких замыканий. Его живая мысль, неизменно развиваемая до конца, вызывает к жизни свое противоположение. По мнению Мейера “Если Соня Мармеладова — крестовая

сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка — названный брат замученной праведницы, узревшей Бога”⁶⁶.

Оттого у Миколки-красильщика есть антипод — такой же, как и он, деревенский парень — Миколка, пьяный и дикий, насмерть забивающий несчастную лошадь. Поразительно по бездонной глубине противопоставление, творимое Достоевским: Раскольникову, уже окончательно решившему стать убийцей, снится именно этот антипод Миколки-красильщика — беспощадный Миколка, терзающий невинную тварь, божественную основу земного существования. Преступный Миколка связан с Раскольниковым круговой порукой греха. Они — родные братья по преступности, и обоим им одинаково противопоставлен не все несущий свое имя красильщик, жаждущий возложить на себя мировую вину и страдание.

Мейер писал, что “Миколка-красильщик в романе-мистории — основной символ всечеловеческой совести, уязвимой, терзаемой чувством первородного греха, совести падшего Адама, не померкающей в душах лучших людей, верующих во Всевышнего. Изойдя от Миколки, от безвестного красильщика, деревенского тяжелодума, возжелавшего принять на себя чужую вину и судебную ответственность за зло, совершенное идейным злодеем, совесть мира навестит Раскольникова, отпавшего от солнца живых. Она предстанет перед убийцей сначала наяву, приняв совсем не призрачный облик пригородного мещанина”⁶⁷.

Итак, у разных двойников Раскольникова Достоевским применяется совершенно своеобразная, но всякий раз иная структура антропонима: В случае со Свидригайловым акцентируется онтологический и эстетический смыслы, в имени Порфирия Петровича — онтологический, аксиологический и символический смыслы, в случае с Миколкой — аксиологический и социальный. Вместе они образуют, тем не менее, художественную систему вокруг антропонима главного героя, акцентируя его символическую многовекторность,

⁶⁶ Мейер Г. А. Свет в ночи. Опыт медленного чтения. Франкфурт на Майне. 1967. С. 81.

⁶⁷ Там же. С. 82.

обозначающую, в свою очередь, противоположные духовные силы, действующие на героя: божескую, дьявольскую, государственную, силу народной нравственности и т. д.

Глава III Второстепенные персонажи

§ 3. 1 Петр Петрович Лужин

С эстетической и культурологической точки зрения своим отчеством, а также и звучанием фамилии он напоминает одного из эпизодических персонажей романа Достоевского «Бедные люди» (1846) — Петра Петровича Лужина, стряпчего, занимающегося хождением по разным искам и тяжбам. Это дало основания М. С. Альтману назвать Лужина «человеком такого же пожиба»⁶⁸. По мнению С. В. Белова, «в имени и отчестве Петра Петровича Лужина можно видеть намек на принадлежность к чиновничьей касте, созданной Петром I »⁶⁹.

На наш взгляд, данные этимологии имени и отчества Лужина неточны.

Да, Петр Петрович Лужин из «Бедных людей» (1846), действительно «законник» в том его традиционном виде, который издавна на Руси именовался «стряпчим»⁷⁰. Однако, как ясно уже из письма, полученного Раскольниковым от его матери, Лужин — не стряпчий, а *адвокат*, т. е. законник в понятиях России не дореформенной, а эпохи либерально-буржуазных реформ 1860-х годов, когда и происходит действие в романе «Преступление и наказание». Да, он «уже надворный советник» и «служит в двух местах» (с. 31) и по этой причине принадлежит или принадлежал «к чиновничьей касте». Однако перед героями «Преступления и наказания» он предстает в тот момент его жизни, когда «он отправляется <...> в Петербург», где «хочет открыть <...> публичную адвокатскую контору» (с. 32). Иначе говоря, — создать собственное юридическое предприятие на коммерческой основе, с которым мать и сестра Раскольникова поначалу связывают возможную будущую карьеру их сына и

⁶⁸ Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. С. 171.

⁶⁹ Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Комментарий. М., 2011. С. 83.

⁷⁰ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 346.

брата в качестве либо секретаря Лужина, либо его успешного и хорошо оплачиваемого сотрудника.

Думается, в имени Лужина для Достоевского наиболее важна сама семантика слова “Петр”, с онтологической точки зрения, в переводе с греческого означающего «скала, каменная глыба», «камень»⁷¹. Основные свойства камня — тяжесть, крепость, но и заведомые бездуховность и бездушность. Если два первые его качества позволяют камню служить краеугольной опорой какого-то массивного и долговременного сооружения, то от последних его свойств на человека веет холодом и жёсткостью. А ведь в антропониме Лужина его каменная составляющая к тому же заявлена дважды — не только именем, но и патронимом.

Сложнее обстоит дело с фамилией этого героя — *Лужин*. Не заключая в себе явной смысловой характеристики, она, как нам представляется, с эстетической точки зрения, способна достичь этого результата косвенно — через звуковую ассоциацию с известной эгоцентрической максимой французского короля Людовика XV: «Après moi le déluge»⁷² («после меня хоть потоп»). По крайней мере гипотетически можно соотнести фамилию Лужин в ее корневой части “луж” и с французским прилагательным “louché”, в семантике которого, наряду со значением «косой, косоглазый», есть и значение «двусмысленный, подозрительный», а в том случае, когда это прилагательное выступает в функции существительного (“le louché”) — и — «нечто подозрительное, темное».

Как было уже сказано, впервые читатель «Преступления и наказания» знакомится с Лужиным по впечатлениям, произведенным этим человеком на мать Раскольникова Пульхерию Александровну. Затем мы видим его в комнате-шкафе Раскольникова, где он, по слову последнего, “рекомендуется”, таким персонажам, как студент Дмитрий Разумихин, доктор-психиатр Зосимов, а также сам хозяин комнаты. В дальнейшем он невольно или вольно

⁷¹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 284.

⁷² Французско-русский словарь. Составила проф. К. А. Ганшина. М., 1946. С. 151

нравственно раскроет себя в своей «записке», адресованной Пульхерии Александровне, еще больше — во время своей встречи с матерью, сестрой Раскольниковой и им самим в тех номерах, куда он поселил свою невесту и Пульхерию Александровну, позднее — в иронических выпадах по адресу Андрея Семеновича Лебезятникова» (с. 115), которого Лужин называл своим и молодым другом», наконец, в итоговых тщательно продуманных клеветнических действиях против Сони Мармеладовой и Родиона Раскольникова.

Рассмотрим подробнее каждую из этих сцен произведения, фиксируя те отдельные черты, жесты и суждения этого жениха Авдотьи Романовны Раскольниковой, которые складываются в его целостном нравственно-этическом облике, отнюдь несовпадающем с собственным представлением этого героя о себе. Параллельно этой задаче будет выясняться, насколько указанный итоговый портрет Лужина оправдывает семантические аллюзии его антропонима.

Вот что мы узнаем о Лужине из письма матери Раскольникова: «... вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы *высокомерный*. <...> В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился, “убеждения новейших поколений наших” и враг всех предрассудков. Многое и еще он говорил, потому что несколько как бы тщеславен и очень любит, чтоб его слушали... Я, разумеется, мало поняла, но Дуня объяснила мне, что он человек хотя и небольшого образования, но умный и, кажется, добрый».

Правда, мать Раскольникова явно озадачена сугубо деловым приемом, которым Лужин осуществил свое сватовство к Авдотье Романовне: «на другой день» после первой встречи с нею и ее матерью прислав «письмо, в котором вежливо изъяснил свое предложение и просил скорого и решительного ответа» (с. 31). Смутило Пульхерию Александровну и сказанное ей Лужиным «не преднамеренно, а очевидно проговорившись», именно, что он уж и прежде, не

зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому <...> что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля» (с. 132). Наконец, от Пульхерии Александровны не укрылось и главное качество претендента на руку ее дочери, хотя, зная своего сына, она и толкует его в пользу Дуни: «К тому же он (Лужин. — М. В.) человек *очень расчетливый* и, конечно, увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее» (с. 31. Курсив наш. — М. В.).

Уже приведенные наблюдения матери Раскольникова едва ли могут породить у читателя “Преступления и наказания” благоприятное Лужину мнение о нем. Не устранил читательского недоверие к этому герою и его восприятие комнаты Раскольникова и самого ее хозяина в сцене, где Лужин впервые знакомится с ним.

«Это был господин, — говорит романист о госте Родиона Романовича, — немолодых лет, чопорный, *осанистый*, с *осторожною* и *брюзгливою* физиономией, который начал тем, что остановился в дверях, озираясь кругом с обидно-нескрываемым удивлением и как будто спрашивая взглядами: «Куда ж это я попал?» Недоверчиво и даже с аффектацией некоторого испуга, чуть ли даже не оскорбления, озирает он тесную и низкую «морскую каюту» Раскольникова. С тем же удивлением перевел и уставил потом глаза на самого Раскольникова... Затем, с тою же медлительностью, стал рассматривать растрепанную, небритую и нечесаную фигуру Разумихина, который в свою очередь дерзко вопросительно глядел ему прямо в глаза, не двигаясь с места. <...> Сообразив, должно быть, <...> что преувеличенно-строгую осанкой здесь <...> ровно ничего не возьмешь, вошедший господин <...> вежливо, хотя и не без строгости, произнес, обращаясь к Зосимову и *отчеканивая* каждый слог своего вопроса:

— Родион Романыч Раскольников, господин студент или бывший студент?» (с. 111. Курсив наш. — М. В.).

Вся сцена есть миниспектакль, в котором гость Раскольникова, судя о нем по его нищенскому жилищу, сразу же пытается и своим осанистым видом и четким, «не без строгости» голосом поставить своего возможного в скором будущем родственника, что называется «на место».

С этой целью он обращается лишь к респектабельно одетому доктору Зосимову («Зосимов, чуть ранее сообщал романист, был в широком щегольском легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще все было на нем широко, щегольское и с иголочки...». С. 103) и нарочито называет Раскольникова «бывшим студентом». Однако, встретив своему намерению недвусмысленный отпор дерзком взгляде Разумихина, а потом и “вызывающем” ответе хозяина комнаты: «Да! Я Раскольников! Что вам надо?»), он «наконец сконфузился» (с. 112), продемонстрировав явный разлад между началом и окончанием своей претензии возвысить себя за счет бедствующих, но уважающих себя студентов.

Неким разладом отмечен и внешний вид Лужина, в каком он впервые представлен читателю “Преступления и наказания”. «Все пальто его, — говорит романист, — было только что от портного и все было хорошо, кроме разве того только, что все было *слишком* новое и *слишком* обличало известную цель. Даже щегольская, новёхонькая круглая шляпа об этой цели свидетельствовала: Петр Петрович как-то уж *слишком* почтительно с ней обращался и *слишком* осторожно держал ее в руках. Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувеневских, перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для параду. В одежде же Петра Петровича преобладали цвета светлые и *юношесвенные*. На нем был хорошенький летний пиджак *светло-коричневого* оттенка, *светлые легкие* брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый *легкий* галстучек с розовыми полосками... Лицо его, весьма

свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. <...> Даже волосы, впрочем чуть-чуть лишь с проседью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этим обстоятельством ничего смешного или какого-нибудь глупого вида, что обыкновенно всегда бывает при завитых волосах... Если же и было что-нибудь в этой довольно красивой и солидной физиономии действительно неприятное и *отталкивающее*, то происходило уж от других причин» (с. 113-114. Курсив наш. — М. В.).

«В Лужине, — комментирует этот портрет Петра Петровича В. Я. Кирпотин, — все аккуратно, складно, солидно и в то же время молодо, и все в нем неприятно и отталкивающе. Его парикмахерская красавица, его внешность вполне такова, как полагается преуспевающему буржуа — в торговле ли, в адвокатуре ли, в науке ли и т.д.»⁷³.

Кирпотинская антипатия к Лужину обусловлена привычным для советского ученого негативным отношением к любому буржую-капиталисту (а Лужин тоже «уже имеет свой капитал» с. 31) как представителю класса эксплуататоров. Но само французское слово *bourgeois*, означающее «горожанин, мещанин», не включает в себе негативного смысла, особенно в наше время, когда и в Китае, и в России сегодня так могут называться сотни и тысячи предпринимателей, ведущих свой бизнес. Неточно и замечание Кирпотина о том, что «в Лужине все аккуратно, складно». На наш взгляд, процитированный фрагмент романа подчеркивает, как раз разлад, существующий даже во внешнем облике “жениха” Авдотьи Романовны Раскольниковой. И это не просто отсутствие у данного героя чуть ли не аристократического вкуса, на обладания которым он претендует свой щегольской шляпой и парой “настоящих жувенеvских перчаток для параду”. Это — несоответствие между естественным физическим обликом взрослого и солидного мужчины сорока пяти лет и его “слишком, слишком” юношесственным облачением, скрывающим, но и выдающим небескорыстную цель: одновременно и продемонстрировать

⁷³ Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М., 1974. С. 342-343.

свое материальное превосходство над нищенствующим братом своей невесты (и его друзьями), возбуждая в них зависть, и сравниваться с ними своей молодостью понравиться ей.

В приведенном портрете Лужина пока еще внешне отразилась, таким образом, та внутренняя нравственная основа этого героя, имя которой — постоянное разъединение между его делами, и словами, сущностью и видимостью, тем, кто он есть, и тем, кем он хочет казаться.

Лужин — не просто человек, не склонный к откровенности, он лжив. Вот он сообщает Раскольникову, что «приискал на первый случай квартиру» для приезжающих в Петербург невесты и ее матери. Узнав, где это, Дмитрий Разумихин уточняет: это “нумера”, где «скверность ужаснейшая: грязь, вонь, да и подозрительное место; шутки случались; да и черт знает кто не живет... Дешево, впрочем,» (с. 114). «Да, нумера-с., — соглашается Лужин, продолжая как ни в чем ни бывало, «Впрочем, две весьма и весьма чистенькие комнатки» (с. 114).

Показательна уже лужинская речь. Так, после туманного, но льстивого в отношении к присутствующим студентам заявления о том, что он, наблюдая «молодые поколения наши», «порадовался», Лужин в ответ на совершенно ясную реплику Разумихина «Чему именно?» еще туманнее начинает: «вопрос ваш обширен. Могу ошибаться, но *кажется мне*, нахожу *более* ясный взгляд, *более, так сказать*, критики; *более* деловитости...» (с. 115. Курсив наш. — М. В.).

Не дослушав этот образец адвокатского словоблудия, откровенный и прямой Разумихин обрывает его резким «Врешь ты», формально адресованным поддержавшему оратора Зосимову, но в действительности Лужину.

Желая из тщеславия произвести впечатления на представителей “молодых поколений”, Лужин, сам того не ведая, предельно раскрывается в своей **теории** о том, каким образом можно совместить личные интересы человека с интересами других людей и достигнуть общего блага.

На этой теории следует остановиться особо. Как и предшествующие ей рассуждения (о распространении в России 1860-х годов «новых полезных сочинений вместо прежних мечтательных и романтических» и осмеянии «многих вредных предубеждений»), которыми Лужин “рекомендуется” Раскольникову и его гостям, она не оригинальна, а эксплуатирует понятие «разумного эгоизма», ставшего исходным этическим принципом для поведения положительных героев (“новых людей”) романа Н. Г. Чернышевского “Что делать?” (1863) Дмитрия Лопухова, Александра Кирсанова, Веры Павловны и Рахметова.

Все они вслед за Чернышевским убеждены в том, что в основе любых поступков и желаний людей, даже, на первый взгляд, и бескорыстных, «лежит <...> мысль о собственной личной пользе, личном удовольствии, личном благе, лежит чувство, называемое эгоизмом»⁷⁴.

Ведь согласно антропологическому материализму, последователем которого был Н. Чернышевский, эгоизм — один из основных “элементов” самой человеческой природы (“натуры”). Стремление к личной пользе, к личному счастью поэтому не только не предосудительно, но “натурально” и должно быть удовлетворяемо. Руководствуясь этими убеждениями, “новые люди” Чернышевского отклоняют в своем поведении христианские идеи аскетической самоотверженности, долга и жертвы и не скрывают, а подчеркивают свое стремление к личной пользе и личному счастью. Из личного “пристрастия” действует Вера Павловна, когда, в ущерб своим хозяйским правам, превращает заведенную ею швейную мастерскую в кооператив, где «прибыль делилась поровну между всеми»⁷⁵ работницами. Только из «собственного удовольствия» (там же, с. 241) исходил Александр Кирсанов, когда в течение трех лет скрывал от супругов Лопуховых свою любовь к Вере Павловне. «Я никого кроме себя, не люблю...», — прямо заявляет он в другом

⁷⁴ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. и писем: В 5 томах. М., 1974. Т. 4. С. 279.

⁷⁵ Чернышевский Н. Г. “Что делать” Из рассказов о новых людях. М., 1958. С. 133. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте диссертации в скобках и словами “там же”, а также указанием страницы.

месте (там же, с. 104). «В собственном интересе» (там же, с. 244) оставался, по его словам, и Дмитрий Лопухов, решившийся, чтобы не мешать взаимной любви своей жены и друга, на имитацию самоубийства и отъезд в Америку.

«Кто без необходимости приносит жертву, — заявлял идеолог антропологического материализма Людвиг Фейербах, — тот дурак и лицемер»⁷⁶. «Да их (жертв. — М. В.), — дополняет немецкого философа Дмитрий Лопухов, — и не бывает, никто не приносит; это фальшивое понятие: жертва — сапоги в смятку. *Как приятнее, так и поступаешь*» (там же, с. 97. Курсив наш. — М. В.).

Отвергает христианские идеи самоотречения и жертвы, относя их, очевидно, к «мечтательным и романтическим», и Петр Лужин, наглядно поясняя это тем, что произойдет с его кафтаном», если его владелец вздумает поделиться с ним ближним. «Если мне, — обращается он к Раскольникову и его гостям, — <...> до сих пор говорили: «возлюби», и я возлюблял, то что из этого выходило?» — продолжал Петр Петрович, может быть, с излишнею поспешностью, — выходило то, что я рвал кафтан пополам делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской пословице: “Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь”» (с. 116).

Этим негативным и к тому же вульгарным толкованием христианской идеи жертвы, сходство теории Лужина с этикой “новых людей” Чернышевского только и ограничивается, потому что главная часть лужинской теории с эгоизмом Лопухова-Кирсанова-Рахметова не имеет ничего общего.

Дело в том, что, в понимании этих героев, эгоизм хотя и законный, но отнюдь не единственный элемент человеческой природы, содержащей в себе и такие компоненты, как *разум*, потребность в деятельности (труде) и коллективизм. И разум подсказывает человеку: он лишь в том случае достигнет наибольшей личной пользы-выгоды, а также и счастья, если в своих поступках будет отвечать велениям не одного эгоизма, а всех компонентов своей природы

⁷⁶ Цит. по: Тиме А. Чажена. Немецкая литературо-философская мысль 18-19 веков в контексте творчества И. С. Тургенева. München. 1997. С. 40.

в их взаимной коррекции друг друга и взаимодополнении. Если, иначе говоря, он станет не своекорыстным, а “разумным эгоизмом”, что приведет к органичному единству в его поведении эгоизма, с трудом и трудом коллективным, а также организованным на разумно-рациональных началах. В итоге и сам эгоизм, любовь только к себе естественно преобразятся в любовь к другим людям, т. е. в альтруизм. А принесение личностью наибольшей пользы для содержащих его людей (народа, нации, всего человечества) принесет и самое высокое счастье самой этой личности.

Отсюда тот практический совет, которые положительные герои романа “Что делать?” дают всем своим современникам, задумавшимся над вопросом: как, любя тебя, научиться любить других людей. Суть этого совета Александр Кирсанов свел к исполнению человеком «благородного расчета» (там же, с. 245), который описал так: «Будь честен, то есть расчетлив. Не просчитайся в расчете, помни сумму, помни, что она больше своей части, то есть что твоя человеческая *натура* сильнее, *важнее* для тебя, чем каждое *отдельное* твое стремление, предпочитай же ее выгоды выпадом каждого *отдельного* твоего стремления, если они как-нибудь разноречат — вот только и всего <...>, и все будет отлично» (там же, с. 108. Курсив наш. — М. В.).

Этим «немудреным» правилом, заключившим в себе, однако же, «весь свод законов счастливой жизни» (там же. с. 160), руководствовался и сам Кирсанов, и его единомышленники в романе Н. Чернышевского. И они, как утверждает нам автор “Что делать?”, все по-настоящему гуманны и тем счастливы.

Нам, современникам двадцать первого столетия, рецепт личного и одновременно всеобщего счастья людей, предложенный Чернышевским, конечно, представляется несбыточной утопией уже по той причине, что он зиждется только на человеческом разуме, а не его нравственном и психологическом самосовершенствовании, к которой в первую очередь звали людей Лев Толстой и Федор Достоевский. Однако он не случайно так

заразительно воздействовал на молодых современников Чернышевского, которые искали и находили в его романе, по признанию А. М. Скабачевского, «программу для своей деятельности»⁷⁷. Но ничего подобного не смогли бы и при желании увидеть честные российские люди 1860-х годов из следующего рецепта того же всеобщего человеческого благодействия, который, со ссылкой на «науку и экономическую правду» предложил читателям “Преступления и наказания” такой его “гуманист”, как Петр Петрович Лужин. «Наука же, — с пафосом декларировал он в вышеназванной сцене романа, — говорит: *возлюби*, прежде всех, *одного себя*, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дело свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и *общее дело*. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем, и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных единичных щедрой, и вследствие всеобщего преуспеяния» (с. 116. Курсив наш. — М. В.).

Наука, к которой оперирует здесь Лужин, это, по всей очевидности, работы Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля, философов, экономистов и социологов, основателей английской утилитаристской этики, которой принадлежит и само понятие “разумный эгоизм”. Чрезвычайно показательно, что, если “новые люди” Чернышевского значительно гуманизируют его, то капиталист (помните: «имеет свой капитал») и адвокат, т. е. юрист, Лужин его даже не упоминает и, думается, не по причине своего “небольшого образования”. Причина в том, что разумный эгоизм и в трактовке И. Бентама и Дж. С. Милля предполагал какую-то филантропическую деятельность состоятельных верхов Англии в отношении к ее неимущим низам по крайней мере для того (в этом и состояла бы разумность богатств), чтобы эти низы,

⁷⁷ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 248-249.

доведенные до обаяния, не попытались революционным насилием экспортировать в свою пользу экспроприаторов.

Из учения английских утилитаристов Лужин берет единственный тезис «возлюби, прежде всех, одного себя, доводя его до степени не просто эгоизма, а эгоизма зоологического, звериного. Само это учение тем самым из способа регулирования общественных отношений и сохранения социального статус превращается у Лужина в преднамеренный обман доверчивых народных масс и жульническое средство их гражданского усыпления. На это-то и указывает Лужину прямодушный Дмитрий Разумихин, говоря Петру Петровичу: «Вы, разумеется, спешили отрекомендоваться в своих познаниях, это очень простительно, и я не осуждаю. Я же хотел только узнать теперь, *кто вы такой*, потому что видите ли, *к общему-то делу* в последнее время прицепилось, столько разных промышленников, и до того исказили они все, к чему ни прикоснулись, *в свой интерес*, что решительно дело испакостили» (с. 116. Курсив наш. — М. В.).

Теоретик устройства “общего дела” посредством приобретательства “единственно для себя” понял, что с него сняли личину “гуманности”: «Милостивый государь, — начал было Лужин, коротясь с чрезвычайным достоинством, — не хотите ли вы, столь бесцеремонно, изъяснить, что и я...» (там же).

Еще бесцеремоннее и точнее охарактеризовал этическую “теорию” Лужина Раскольников. В ответ на недоумение Петра Петровича, отчего это, «в последние лет пять» резко увеличилось количество преступлений, совершаемых «и в высших классах общества» на почве желания быстро разбогатеть, Раскольников отвечает: «Да об чем вы хлопчете? — <...> По вашей же вышло теории! <...> А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...» (с. 118).

Не укрылась от Раскольникова, и прямая связь между стремлением Лужина приобретать «единственно и исключительно себе» и его замыслом

жениться на девушке честной, но, «без приданого», о котором Петр Петрович, «очевидно, проговорившись», сообщил матери Авдотьи Романовны. «А правда ль, что вы, — спрашивает его Раскольников, — что вы сказали своей невесте <...>, что всего больше рады потому... что она нищая... потому что *выгоднее* брать жену из нищеты, чтоб потом над ней властвовать... и попрекать тем, что она вами благодетельствована?» (с. 118. Курсив наш. — М. В.).

В ответ Лужин, как известно, попытался в очередной раз изобразить себя оскорбленным и обвинить в “извращении” его слов Пульхерию Александровну по причине ее «восторженного и романтического оттенка в мыслях» (с. 118). Однако на этот раз Петра Петровича следующим позднейшим комментарием разоблачит сам автор “Преступления и наказания”: «Давно уже <...> со сластиею мечтал он (Лужин. — М. В.) о женитьбе, но все прикапливал денег и ждал. Он с упоением помышлял, *в глубочайшем секрете*, о девице благонравной и бедной (непременно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытывавшей несчастий и вполне перед ним приникшей, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивилась ему, и только ему одному. <...> И вот мечта стольких лет почти уже осуществлялась: красота и образование Авдотьи Романовны поразили его; беспомощное положение ее раззадорило его до крайности. Тут являлось даже несколько более того, о чем он мечтал: явилась девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его <...>, и такое-то существо будет *рабски* благодарно ему всю жизнь <...>, а он-то будет безгранично и всецело *владычествовать!*...» (с. 235. Курсив наш. — М. В.).

Желание Лужина взять в жены именно бедную, но очаровательную Авдотью Раскольникову подогревалось и его намерением «окончательно переменить карьеру, перейти и в более высшее общество», «попробовать Петербурга» (с. 235). А он «знал, что женщинами можно “весьма и весьма” много *выиграть*. Обаяние прелестной, добродетельной и образованной

женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь к нему, создать ореол...» (с. 235. Курсив наш. — М. В.).

Итак, и в своем матримониальном замысле Лужин руководствовался тем же главным началом своего существа, что побудило Петра Петровича нанести визит его будущему шурину, в нищенскую комнату которого «он вошел с чувством благодетеля, готовящегося пожать плоды и выслушать весьма сладкие комплименты» (с. 235). Это не сочувствие к чистой, но оклеветанной девушке и не эстетическая и нравственная отзывчивость на ее красоту и благородство, побуждающие порядочного человека оказать всемерную помощь и даже не, казалось бы, естественное увлечение ее красотой и обаянием. По мнению самого автора “Преступления и наказания”, это начало «лучше всего назвать самовлюбленностью» (с. 234) Лужина как художественного типа сотен и тысяч его реальных прототипов, народившихся в России по мере ее ускоренного становления на путь буржуазно-капиталистического предпринимательства и соответствующей ему этики и морали.

Ведь не только главным, но и все и всё охватывающим принципом первой и второй становится тот самый *расчет*, особая приверженность которому у Петра Петровича Лужина (“он человек очень расчетливый”) была отмечена еще матерью Раскольниковов. Быстро уловив, в отличие от доверчивой Пульхерии Александровны, лживость и зоологический эгоцентризм Лужина, распространяемый им даже на отношение с будущей женой, Раскольников угрозой спустить этого “родственника” «с лестницы кувырком» кладет конец своему дальнейшему общению с ним.

К иному стремится Лужин, которому, подчёркивает романист, Авдотья Романовна «уже была <...> просто необходима; отказаться от нее для него было немыслимо» (с. 235). Но сохранить “невесту” Лужин рассчитывает не примирением с любимым ею братом, а попыткой клеветой на него поссорить ее с ним. Вместо обещанной встречи с Пульхерией Александровной и Дуней он посылает им записку, в которой утверждает, что Раскольников якобы «выдал

вчера до двадцати пяти рублей» «девице отъявленного поведения», прибавив, что «зная, при каких хлопотах собирали вы сию сумму», он был весьма этим удивлен (с. 168).

В дни сватовства Лужина к Авдотье Романовне в ее родном городе она нашла, что он «человек хотя и небольшого образования, но умный и, *кажется*, добрый» (с. 31. Курсив наш. — М. В.). Однако тот же Лужин при первой встрече с Раскольниковым реагирует на его вопрос о его желании «брать жену из нищеты» «злобно и раздражительно» (с. 118). Отнюдь не добротой продиктовано обещание этого господина посетить Авдотью Романовну и ее мать лишь при том условии, «чтобы при общем свидании <...> Родион Романович не присутствовал» (с. 118). А также и лужинская угроза, обращенная к двум доверившимся ему женщинам: в противном случае «принужден будет немедленно удалиться, и тогда пеняйте уже на себя» (с. 168).

Фиксируя это несоответствие между претензией Лужина на принадлежность к некоему «высшему обществу» и его приемами, клеветника и шантажиста, читатель “Преступления и наказания” вполне согласится с Дмитрием Разумихиным, заявляющим матери и сестре Раскольникова: «и <...> прав Родион, что давеча вашего Петра Петровича выгнал! Как он смел в такие номера поместить? <...> Знаете ли, кого сюда пускают? А ведь вы невеста! <...> Ну, так я вам скажу, что только жених ваш подлец после этого! <...> А мы все давеча поняли, как он вошел, что это человек не нашего общества. Не потому что он вошел завитой у парикмахера, не потому что он свой ум спешил выставлять, а потому что он соглядатай и спекулянт... <...> Вы думаете, он умен? Нет, он дурак, дурак! Ну, пара ли он вам?» (с. 156). И, имея в виду своих приятелей и друзей (письмоводителя Заметова, доктора-психиатра Зосимова и, конечно, Раскольникова), заключал: «мы на благородной дороге стоим, а Петр Петрович... не на благородной дороге стоит» (с. 156).

В этой по преимуществу эмоциональной и несколько сумбурной характеристике, данной Лужину искренним, но крепко выпившим

Разумихиным, есть тем не менее одно важное определение, которое ранее не звучало, но имеет такую же основательность, как понятие «человек очень расчетливый», «самовлюбленный» и пребывающий в постоянных масках. Говорим об определении — «спекулянт». Образованное от глагола “спекулировать” (согласно В. И. Далью, — «считать на что, рассчитывать; идти на предприятие либо делать обороты для наживы, из барышей»⁷⁸), оно подразумевает человека «предприимчивого, оборотистого <...> в торговых, промышленных делах»⁷⁹, умеющего получать от своего предприятия барышей значительно больше, чем стало ему само это предприятие).

А ведь Лужин стремится к получению выгод, превосходящих затраченный им труд, не только в своих адвокатских делах, но и в задуманной им и схожей с деловым предприятием жениться на молодой и очаровательной, но бедной и потому всецело зависимой от него девушке. Задуманный им брак — также брак по расчету, пусть в качестве барышей он планирует получить не солидное приданое невесты (деньги, недвижимость и т.п.), а тешащее его тщеславие и самолюбие рабскую преданность и услужливость, а также те привлекательные для окружающих эстетические и морально-нравственные качества, которыми он сам совсем не обладал.

И, подобно спекулянту в прямом смысле этого слова, Лужин всячески жаждет в отношениях с Авдотьей Романовной набить себя цену. Очевидно, уверенный в том, что ему это вполне удастся, он, вопреки угрозе «немедленно удалиться», если при его свидании с Авдотьей Романовной и Пульхерией Александровной будет присутствовать и Родион Раскольников, не покидает условленного собрания, на котором, кроме Дуниного брата, присутствует еще и считающий его подлецом Дмитрий Разумихин.

Сначала Петр Петрович изображает себя крайне обиженным («Лужин сделал горький вид и осанисто примолк» С. 230) тем, что его «капитальная и убедительнейшая просьба» не приглашать на их встречу Родиона Романовича

⁷⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 289.

⁷⁹ Там же.

«не была исполнена» (там же). На это Авдотья Романовна объясняет ему, что данная просьба не была исполнена по ее настоянию, так как она считает, что Петр Петрович и ее брат должны «немедленно <...> помириться. Но, сообщает романист, «Петр Петрович тотчас же закуражился»: «Есть некоторые оскорбления, Авдотья Романовна, которые, при всей доброй воле, забыть нельзя-с» (с. 230). Дуня уже «с нетерпением» повторяет Лужину: «все наше будущее зависит теперь от того, разъяснится ли и уладится ли <...> как можно скорее» конфликт между ним и ее братом, ибо, если они не помирятся, то она должна будет выбирать между ними, что для нее мучительно. «Я не хочу и не должна, — говорит она, — ошибиться в выборе. Для вас я должна разорвать с братом; для брата я должна разорвать с вами» (с. 231). Однако и на эти слова “невесты” Лужин отвечает не пониманием тяжелейшей нравственной дилеммы, в которой оказалась Авдотья Романовна, а лишь новым эгоцентрическим упреком ей: «Вы говорите: “или вы, или он?” стало быть, тем самым показываете мне, как немного я для вас значу... я не могу допустить этого при отношениях... обязательствах, существующих между нами» (с. 231).

В итоге благородная девушка возмущенно прозревает что “жених”, по существу, ведет с ней грубый торг в вопросе, где никакая торговля невозможна: «Как! — вспыхнула Дуня, — я ставлю ваш интерес рядом со всем, что до сих пор было мне драгоценно в жизни, что до сих пор составляло *всю* мою жизнь, и вдруг вы обижаетесь за то, что я даю вам мало цены!» (с. 231).

Возмущение Дуни молчаливо разделяют и ее брат, и Дмитрий Разумихин («Раскольников молча и язвительно улыбнулся, Разумихина всего передернуло...» С. 231). И, напротив, аморальности высказанной претензии к своей “невесте” ни в малейшей степени не ощущает Лужин, лишь углубляющий ее следующим ответом на возмущение Авдотьи Романовны: «Любовь к будущему спутнику жизни, к мужу, должна превышать любовь к брату, — произнес он сентенциозно, — а во всяком случае я не могу стоять на одной доске» (с. 231).

Проиграв в глазах читателей “Преступления и наказания” нравственное столкновение с Авдотьей Романовной, Лужин пытается взять реванш, обвиняя в якобы умышленном искажении его мысли о выгодности «женитьбы на бедной девице» Родиона Раскольникова и даже его мать. «Сообщите же мне, — обращается он к Пульхерии Александровне, — в каких именно терминах передали вы слова мои в вашем письме к Родиону Романовичу» (с. 231). Допуская, что сын «может <...> что-нибудь и преувеличил», мать Раскольникова «с достоинством» отвечает Лужину: «Петр Петрович, вы все Родиона вините, а вы и сами об нем давеча неправду написали в письме...» (с. 232). «Вы написали, — резко говорит только что солгавшему Лужину («Я не помню, чтобы написал какую-нибудь неправду-с») Раскольников, — <...> что я вчера отдал деньги не вдове раздавленного, как это действительно было, а его дочери (которой до вчерашнего дня никогда не видал). Вы написали это, чтобы поссорить меня с родными, и для того прибавили, в гнусных выражениях, о поведении девушки, которой вы не знаете. Все это сплетня и низость» (с. 232).

Пойманный в подлом мотиве своей лжи, Лужин, «дрожа от злости» хочет оправдать эту ложь новой — уже о Соне Мармеладовой. На что Раскольников с полным основанием отвечает: «А, по-моему, так вы, со всеми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной девушки, в которую вы камень бросаете» (с. 232). И добавляет, что сам он уже познакомил Соню Мармеладову со своей «маменькой и Дуней» (там же).

Сочтя эти слова Раскольникова подтверждением своего превосходства над ним («Сама изволите видеть, Авдотья Романовна, возможно ли тут соглашение?» С. 232), Лужин снова берет в отношении к Пульхерии Александровне и своей “невесте” тон господина, от которого они находятся в полной материальной зависимости. К его удивлению, это вызывает решительный отпор обеих женщин. «Неужели уж нам каждое желание ваше за приказание считать?» — говорит Лужину Пульхерия Александровна. «... Можно действительно предположить, что вы *рассчитывали* на нашу

беспомощность, — раздражительно заметила Дуня» (с. 233. Курсив наш. — М. В.).

Но, меря двух достойных женщин по себе, Лужин полагает, что их нежелание состоять в его власти объясняется известием о завещании Авдотье Романовне трех тысяч рублей от покойной жены Свидригайлова и какими-то денежными предложениями самого сладострастника Свидригайлова. Выслушав этот грязный намек, Дуня Раскольников, «побледнев от гнева» заявляет Лужину: «Петр Петрович, подите вон!» (с. 233). А на последнюю претензию Лужина («эта последняя претензия — говорит романист, — до того была в характере Петра Петровича, что Раскольников, бледневший от гнева и от усилий сдержать его, вдруг не выдержал и — расхохотался» С. 233-234) компенсировать “издержки”, в которые он будто бы был вовлечен доставкой его “невесты” и ее матери в Петербурге, Пульхерия Александровна отвечает несостоявшемуся “зятю”: «В издержки? В какие же это издержки? Уж не про сундук ли наш вы говорите? Так ведь вам его кондуктор задаром перевез» (с. 234).

Но и эта справедливая отповедь не охладила озлобленного Лужина, совсем не ожидавшего «такого конца» его, казалось бы, тщательно продуманного матримониального предприятия, в котором он так «надеялся на себя, на власть свою и на беспомощность своих жертв» (с. 233). Уже выгнанный Авдотьей Романовной, он угрожает ей, что, выйдя теперь в дверь, уж не воротится никогда и призывает презревшую его “невесту” («Что за наглость? — вскричала Дуня <...>, да я и не хочу, чтобы вы возвращались назад!» «рассчитать это» обстоятельство (с. 233).

А напоследок произносит «последнее слово», в котором, «почти совсем не владея собой», напоминает Авдотья Романовна, что он «решился» ее взять в жены «после городской молвы, разнесшейся по всему околотку насчет ее репутации» (с. 234). На что следует исчерпывающий ответ девушки: «*Низкий вы и злой человек!* — сказала Дуня» (с. 234. Курсив наш. — М. В.).

Сюжетная линия “Преступления и наказания”, рассказавшая о замысле Петра Петровича Лужина жениться на Авдотье Романовне Раскольниковой и весьма скором его крахе представила нам данного героя знаменитого романа Достоевского намного полнее и глубже, чем характеристика Лужина в письме матери Раскольникова и сцена его встречи с Разумихиным, Зосимовым и Раскольниковым в петербургской комнате-шкафе главного лица произведения.

Там мы увидели этого героя романа как человека пусть и способного порой проговориться в своих намерениях, но в целом далеко не открытого и не откровенного, а умело скрывающего свою внутреннюю сущность под маской то ли симпатии и сочувствия к молодой, очаровательной и сверх того оскорбленной оговором девушки, то ли последователя модной этической теории, хотя и понятой в сугубо своекорыстном духе. А также как одного из современников своей кризисной эпохи с порожденными ею стремлениями людей к составлению личного капитала, карьерному самоутверждению, и их непомерным индивидуализмом, честолюбием, самоуверенностью и тщеславием.

Здесь Петр Петрович Лужин, оказавшийся в отношениях с персонажами нравственно кристально чистыми, как мать и сестра Раскольникова, или, как сам Раскольников и его друг Дмитрий Разумихин, персонажами наблюдательными и проницательными, а заодно и столь же откровенными, был волей-неволей, особенно в виду своей заинтересованности в задуманной женитьбе на Авдотье Раскольниковой, волей-неволей обнажать свою нравственную сущность и подлинные мотивы своих поступков, в конечном счете отличающую его морально-этическую позицию.

А задуманная им женитьба на Авдотье Романовне была для него, действительно, предприятием («идеей») важности чрезвычайной. Только этим можно объяснить и то потрясение, которое Лужин испытал после провала этого его плана.

«Главное дело, — говорит повествователь “Преступления и наказания”, — было в том, что он (Лужин. — М. В.), до самой последней минуты, никак не ожидал подобной развязки. Он куражился до последней черты, не предполагая даже возможности, что две нищие и беззащитные женщины могут выйти из-под его власти. <...> Петр Петрович, пробившись из ничтожества, болезненно привык любоваться собою, высоко ценил свой ум и способности и даже иногда, наедине, любоваться своим лицом в зеркале. Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои *деньги*: они равняли его со всем, что было выше его» (с. 234. Курсив наш. — М. В.).

Деньги, деньги и еще раз деньги как заменители всех отсутствующих талантов и достоинств, а также как новая, но самая крепкая власть над окружающими людьми и поэтому божество быстро капитализирующейся в результате системных реформ 1860-х годов России — вот, согласно Ф. Достоевскому, главный и сокровеннейший мотив всех и всяких предприятий и упований Лужина и лужиных, включая и отношение к женской красоте и очарованию женственности, которые становятся для них капиталом, гарантирующим постоянную прибыль.

Таким оборотным средством в своих адвокатских переговорах Лужин, очевидно, видел и во всех отношениях привлекательную в качестве его жены и в то же время изначально целиком и полностью зависящую и подвластную ему Авдотью Романовну Раскольникову.

Лишь этим можно объяснить тот факт, что «теперешний, внезапный, безобразный разрыв (с ней. — М. В.) подействовал на него, как удар грома. Это была какая-то безобразная штука, нелепость! Он только капельку покуражился; он даже не успел и высказаться, он просто пошутил, увлекся, а кончилось так серьезно! Наконец, ведь он уже даже любил по-своему Дуню, он уже владычествовал над нею в мечтах своих — и вдруг!..» (с. 235-236).

И Лужин решает: «Завтра же, завтра же все это надо восстановить, залечить, исправить, а главное — *уничтожить* этого заносчивого молокососа, мальчишку, который был всему причиной» (с. 236. Курсив наш. — М. В.).

Как и в случае со своим письмом к Пульхерии Александровне Лужин надеется восторжествовать над Раскольниковым в глазах его матери и сестры, снова опорочив Соню Мармеладову, уже в качестве не просто девицы «отъявленного поведения», но воровки, т.е. прямой преступницы. При этом своим союзником, именно — свидетелем со стороны обвинителя, он планирует взять Андрея Семеновича Лебезятникова, в съемной квартире которого живет после своего приезда в Петербург. Квартира же этого Лебезятникова находится в тех же номерах госпожи Липпельвехзель, где проживает и несчастная супруга чиновника Мармеладова, с которой в день его трагической смерти Лужин познакомился и которая, приняв его за важное лицо, усиленно звала его на поминки по мужу. В момент смерти Мармеладова в его квартире был, как видел Лужин, и Раскольников, также званый Катериной Ивановной Мармеладовой на поминки по мужу.

Так у Петра Петровича сложился вполне преступный план жертвой которого стали бы Соня Мармеладова и Раскольников, а роль марионетки Петра Петровича исполнил бы Лебезятников.

Впрочем, отношение Лужина к этому, по словам автора “Преступления и наказания”, «человечку» (с. 279), для морального облика Петра Петровича не менее показательны, чем его расчет жениться на образованной и обаятельной, но непременно бедной девушке.

Впервые помянув Лебезятникова в сцене визита к Раскольникову, Лужин назвал его здесь своим «молодым другом», не без умысла прибавив, что он — «служащий в министерстве» (с. 115).

На самом деле Лебезятников был нужен Лужину не как чиновник, а как «один из самых передовых молодых прогрессистов», якобы «играющий значительную роль в иных любопытных и баснословных кружках» (с. 278).

Дело в том, что эти-то «вызнающие, всех презирающие и всех *обличающие* кружки уже давно пугали Петра Петровича каким-то особенным страхом, совершенно, впрочем, определенным. <...> Пуще всего боялся он <...> *обличения*, и это было главнейшим основанием его постоянного, преувеличенного беспокойства, особенно при мечтах о перенесении своей деятельности в Петербург» (с. 278).

Под “обличениями” и “обличителями”, так страшщими Лужина, автор “Преступления и наказания” подразумевает те газетные и журнальные выступления многочисленных литераторов и корреспондентов, активность которых питалась самой атмосферой либеральных реформ в России 1860-х годов. А объектами публичных разоблачений становились как давно привычные стране казнокрады, взяточники и самодуры из власть имущих, так и новейшие аферисты, и мошенники, которым циничная эпоха первоначального накопления открывала многие нечистоплотные пути «поскорей <...> разбогатеть» (с. 118).

Как известно, все разоблачения такого рода далеко не поднимались до того сатирического уровня, который отмечал «Губернские записки» (1856, 1857) М. Е. Салтыкова-Щедрина или более позднюю поэму Н. А. Некрасова «Современники» (1875), однако нанести существенный урон отдельным жуликам и ворах они были в состоянии. Из этого-то и исходил Лужин. «Несколько лет тому назад, в провинции, — поясняет его страх автор “Преступления и наказания”, — еще начиная только устраивать свою карьеру, он встретил два случая жестоко обличенных губернских довольно значительных лиц, за которых он дотоле цеплялся и которые ему покровительствовали. Один случай кончился для обличенного лица как-то особенно скандально, а другой чуть-чуть было не кончился даже, и весьма хлопотливо. Вот почему Петр Петрович положил, по приезде в Петербург, немедленно разузнать, в чем дело, и если надо, то на всякий случай забежать вперед и заискать у “молодых поколений наших”» (с. 279).

Первую попытку этого рода он сделал, соответственно *«рекомендуясь»* Раскольникову и бывшим с ним Разумихину и Зосимову, но был ими в своей *«прогрессивности»* разоблачен и отвергнут. Тем более он «надеялся на Андрея Семеновича» (с. 279) Лебезятникова.

Тут уместно напомнить и второе, кроме слова «спекулянт», определение, данное Лужину Дмитрием Разумихиным, — *«соглядатай»* (с. 156) образованное, согласно словарю В. Даля, от глагола “соглядать” (в значении «тайно высматривать <...> или разузнавать, лазутничать <...>, шпионить»), оно означает «тайный разведчик, скрытный дозорщик <...> или подсальный, подосланный наблюдатель <...>, ищейка, шпион»⁸⁰.

«Не только из одной скаредной экономии, хотя это и было почти главной причиной» (с. 278), но и для того, чтобы выведать, насколько сейчас сильны «молодые прогрессисты» Петербурга, остановился Лужин по приезде в северную русскую столицу у Лебезятникова, которого ему «еще в провинции» называли как одного из их коноводов» (с. 278). И, действительно, ведет себя с ним как шпион, несмотря на то, что шпионит в пользу не какой-то общественной группы, но, как всегда, и во всем, только лично для себя. Вскоре, правда, «он по инстинкту» начинает «проникать, что Лебезятников <...> никаких вовсе не имеет связей позначительнее даже в своем кружке <...> и дела-то своего, *пропагандного*, может, не знает порядочно <...>, и что уж куда ему быть обличителем!» (с. 280). Со своей стороны, и Андрей Семенович «начал понемногу разглядывать, что Петр Петрович его надувает и втайне презирает и что «не такой совсем этот человек» (там же).

В итоге Лужин и Лебезятников становились друг другу не нужны и, по-видимому, скоро бы совсем разошлись, если бы у Петра Петровича не было насчет его «молодого друга» особой «собственной цели» (с. 279). Именно — сделать его соучастником задуманного им «разоблачения» Сони Мармеладовой как “воровки” с тем, чтобы затем, предъявив матери и сестре Раскольникова

⁸⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 259.

“доказательство” этого, навсегда уронить в их глазах сына и брата, а себе вернуть расположение Авдотьи Романовны.

Для этого Лужин, удостоверившись, «что Раскольников уже пришел к Катерине Ивановне на поминки, зовет в свою комнату в этом же доме Соню Мармеладову и, прося Лебезятникова “не оставлять” <...> его “наедине с этой девицей”» (с. 286), проделывает настоящую воровскую операцию: одновременно с вручением ей “тщательно развернутого десятирублевого кредитного билета” («для интересов» ее «родственницы») с ловкостью профессионального карманника незаметно для девушки кладет в Сонин карман «билет сторублевого достоинства», но уже тщательно свернутый.

Затем, явившись к собравшимся на поминки гостям Катерины Ивановны, Лужин объявляет о пропаже у него сторублевой купюры, обвиняет, ссылаясь на Лебезятникова («Все это видел Андрей Семенович.» С. 302), в ее краже ничего не понимающую Соню, наконец, требует обыскать ее карманы и, когда на пол падает накануне сложенный самим Петром Петровичем «в восьмую долю» сторублевый билет, «поднимает его с пола и показывает его всем присутствующим».

Но Лужин торжествовал недолго. Его полностью изобличил Лебезятников, еще после окончания манипуляций Петра Петровича с вложением в Сонин карман сторублевой купюры, сказавший своему сановитому постояльцу: «Я все слышал, и все *видел...*» (с. 288). Однако Лужин, очевидно, рассчитывая на «подслеповатые» глаза Лебезятникова, не придавал значения этим словом своего “друга”. Но наивный поклонник системы социалиста Ш. Фурье, Лебезятников, видно, имел некоторое основание именоваться *Андреем* (от *греч.* «мужественный, храбрый»⁸¹). Громогласно назвав поступок Лужина «низостью» («какая низость! — повторил Лебезятников...»), а самого Петра Петровича «клеветником» («... Вы клеветник, вот что значат мои слова!») и «мошенником» («Я-то в уме-с, а вот вы так... мошенник!» С. 305, 306), он уже,

⁸¹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 47.

вопреки всем вывертам Лужина, твердо повторил всем присутствующим: «Вообразите, он <...> своими собственными руками отдал этот сторублевый билет Софье Семеновне, я видел, я свидетель, я присягу приму; Я видел, видел! <...> и хоть это против моих убеждений, но я готов сей же час принять в суде какую угодно присягу, потому что я видел, как вы ей тихонько подсунули!» (с. 306).

Не смутила Лебезятникова и наглое заявление Лужина: «Что вы врете! <...> да и как вы могли, стоя у окна, разглядеть бумажку? Вам померещилось... на подслеповатые глаза» (там же). Единственно, что смущает *рационалиста* Лебезятникова в низком деянии Лужина, это его нелогичность («Но для чего вы все это сделали — не понимаю», — говорит он Лужину. С. 306).

Но и это недоумение Лебезятникова, дававшее Лужину какой-то шанс цепляться за свою ложь, было совершенно рассеяно выступлением Раскольниковова, кратко и четко объяснившего всем гостям Катерины Ивановны предысторию отношения этого господина («Этот человек очень зол! С. 308) с его семейством и им самим. «Это так, это все так!» — подтвердил рассказ Раскольниковова Лебезятников, и в свой черед аттестовывает своего мнимого старшего “друга” словами: «О жалкий, подлый человек!» (с. 308).

Проделанный анализ образа Петра Петровича Лужина подкрепляет традиционное мнение о том, что этот состоятельный адвокат и жених Авдотьи Романовны Раскольниковой действительно имеет известное сходство с главным героем “Преступления и наказания”. Родион Раскольников создал теорию, отделившую немногих необыкновенных людей от массы обыкновенных. На теоретическое учение, о «разумном эгоизме» ссылается и Лужин. И первый, и второй претендуют на гуманный мотив своих главных замыслов. Раскольников относит свою “идею” к «спасительной, может быть, для всего человечества». Лужин убеждал себя, что, сватаясь к Авдотье Романовне, «несмотря на худую о ней молву» (с. 235), он спасал ее репутацию в их городе и целом околотке и свою «решимость возвысить Дуню до себя» считал <...> подвигом (там же).

Обоим свойственна определенная двойственность. Наконец, тот и другой совершают тяжкие преступления.

На фоне этого сходства, однако, еще резче проступает коренное отличие Лужина от Раскольникова. Если этот нищий студент разрешал своей «пробой» совершенно бескорыстно для себя измучивший его вопрос («мысль») моральности или аморальности человеческой природы, то Лужин даже понятие «разумного эгоизма» делает прикрытием своей корыстной индивидуалистической натуры и деляческого эгоистического расчета во всех и всяких взаимоотношениях с окружающими его людьми. Раскольников, совершивший убийство «по совести», сразу же испытывает и жесточайшие муки этой совести, неотступную нравственную самоказнь, в конечном счете приведшую его к покаянию перед людьми и, ценою каторги, возвращению к ним. Лужин, обрекая своей клеветой Соню Мармеладову не только на нравственную, но и на физическую гибель, которой почти неизбежно грозило ей заключение в тюрьму, не только не испытывает ни малейшего раскаяния, но и после его разоблачения продолжает угрожать невинной девушке и ее защитником: «Воровка более нежели изобличена, и я буду преследовать-с. В суде не так слепы и... не пьяны-с, и не поверят двум отъявленным безбожникам, возмутителям и вольнодумцам...» (с. 310). В духовно-нравственной личности Раскольникова в период замысла и осуществление его преступления боролись два человека — христианин и антихрист, но в итоге победил все-таки первый. Совсем иного рода двойственность Лужина: здесь один и тот же человек — зоологический эгоист и низменный, подлый мошенник, лишь постоянно стремящийся скрыть свою сущность под той или иной благородной маской или позой.

В целом в лице Петра Петровича Лужина Достоевский создал художественно в высшей степени убедительный тип одного из будущих хозяев России, вступившей на путь буржуазно-капиталистического предпринимательства. Его основные черты: беспредельная любовь только к

самому себе и огромная жажда власти над людьми, включая самых близких, ненасытная алчность к деньгам (капиталам) как главному средству достижения этой власти, полный внутренний аморализм и цинизм при внешнем ряжении, в порядочность и добродетельность, постоянное двуличие, наглость в достижении своих тайных целей и тотальный расчет во всех и всяких жизненных отношениях. Своим способом существования Лужин и лужины способны утвердить только социальную антропофагию, в которой будут выживать лишь самые низменные и жестокие человеческие особи.

Пребывая как социальный характер в одном ряду с гоголевским «приобретателем» Чичиковым («Мертвые души»), новоявленными русскими хищниками, колупаевыми, разуваемыми, из произведений Салтыкова-Щедрина и преступными хозяевами послереформенной России из «Современников» Н. А. Некрасова, Лужин в качестве творческого создания Достоевского превосходит их глубиной и полнотой рельефно обнаженных в нем сокровенных устремлений, потребительских и аморальных побуждений и тенденций. Нет сомнения, что как образ потенциального собственника-рабовладельца на новый, капиталистический лад Лужин стал одним из литературных ориентиров для подобных дельцов, созданных воображением последующих российских и мировых художников слова.

Что же касается антропонима Петра Петровича Лужина, то все сказанное об этом герое, думается, подтверждает наше предположение о заключенном в его имени, патрониме и фамилии указании как на бездуховность и бездушность, так и на «нечто подозрительное» и «темное».

§ 3. 2 Дмитрий Прокофьевич Разумихин

Его имя Дмитрий, с онтологической точки зрения, носит значение «относящийся к Деметре, богине плодородия и земледелия»⁸² по греческому происхождению. Деметра — это «богиня умирная и необыкновенно кроткая

⁸² Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 137.

и благостная, материнскою любовью дышит она ко всем человеческому роду»⁸³. В романе Дмитрий Разумихин как раз такой добрый, теплый и добросовестный человек, и с Раскольниковым он хорошо дружит: «С Разумихиным же он почему-то сошелся, <...> Это был необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты. Впрочем, под этою простотою таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это, все любили его. Был он очень неглуп, хотя и действительно иногда простоват» (с. 43).

Разумихин слишком заботится о своем друге Раскольникове, всеми силами помогает ему и его беспомощной семье. В любое время он готов оказать Раскольникову поддержку во всем. Он так высоко ценит свою дружбу, что, если увидит друга в беде, немедленно бросит все свои дела и примчится к нему в помощь. Когда Раскольников болеет, он заботливо ухаживает за ним: «Тем временем Разумихин пересел к нему на диван, неуклюже, как медведь, обхватил левою рукой его голову, <...> а правую поднес к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на нее, чтоб он не обжегся» (с. 95), потом для Раскольникова купил новые рубашки, картуз, сапоги, белье, и «все-таки переменял ему белье» (с. 102). Кроме этого, Разумихин подробно расспрашивает доктора Зосимова о состоянии Раскольникова и просит его как можно внимательно относиться к пациенту. Все это отражает его чистую и искреннюю душу. Именно в этом оказывается его сходство с Раскольниковым: по сути, они одинаково прямодушные и сострадательные люди.

С момента приезда матери и сестры Раскольникова Разумихин всеми силами помогает им. Чтобы успокоить волнуемую мать и Дуню, он придумывает целую сложную интригу: «вот что я сделаю: теперь у него Настасья посидит, а я вас обеих отведу к вам, <...> Потом от вас тотчас же бегу сюда и через четверть часа, мое честнейшее слово, принесу вам донесение: каков он? спит или нет? и все прочее. <...> Ташу его (Зосимов. — М. В.) к Родьке и потом тотчас к вам, значит, в час вы получите о нем два известия» (с.

⁸³ Флоренский. П. Имена. С. 213.

154). Его добрые поведения оценивают мать и сестра Раскольникова: «— Какой расторопный и... преданный молодой человек!», «— Кажется, славная личность!» (с. 158).

Ничего не зная об убийстве Раскольникова, Разумихин во всем доверяет своему другу и ручается за него во время их встречи с Порфирием Петровичем. Разумихин упрекает Порфирия Петровича за его сомнение в Раскольникове: «— Да ты что же! — крикнул вдруг Разумихин <...> Ты что спрашиваешь-то?», «— Так надо быть внимательнее, — угрюмо заметил Разумихин» (с. 205). Потом он все еще твердо доверяет Раскольникову: «— И оскорбительно, оскорбительно! Я понимаю тебя! <...> Плюнь! Ободришь! Стыдно!» (с. 206-207).

Отсюда видно, что его простая жизненная философия противопоставлена философии Раскольникова. С одной стороны, Раскольников гораздо сложнее, чем он. Раскольников всегда мучится абстрактными теоретическими вопросами, а Разумихин живет только простой настоящей жизнью.

Отчество Разумихина — Прокофьевич, с онтологической точки зрения, в словаре имеет такое объяснение: «предположительно греч. вынутый из ножен, обнаженный, схвативший меч за рукоятку, успех, преуспевание»⁸⁴. Это значит, что Разумихин — силен и крепок, как меч. Об этом свидетельствует и его внешность: «Наружность его была выразительная — высокий, худой, всегда худо выбрит, черноволосый... <...> Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту...Пить он мог до бесконечности» (с. 44). Между тем, его сила еще отражается в его настойчивом характере и терпении: «Разумихин был еще тем замечателен, что никакие неудачи его никогда не смущали и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его. Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновенный холод...Однажды он целую зиму совсем не топил своей комнаты и утверждал, что это даже приятнее, потому что в холоде лучше

⁸⁴ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 291.

спится» (с. 44). Он оптимист, всегда активно относится к жизни. Он с высоким энтузиазмом рассказал семье Раскольникова о своем плане, в котором он мечтает о их счастливой будущей жизни.

Сама фамилия «Разумихин», с символично-метафорической точки зрения, на первый взгляд связана с корнем слова «разум», обозначающего способность логически и творчески мыслить, высокую ступень познавательной деятельности и интеллект. А на самом деле фамилия подчеркивается постоянно и многообразно: Лужин, ошибаясь, называет Разумихина «Рассудкиным», а Свидригайлов говорит, что он слышал что-то о каком-то господине Разумихине («малый, говорят, рассудительный»). Альтман отмечает, «Разумихин вовсе не разумный, а всего лишь рассудительный человек, “господин Рассудкин”, как его аттестуют, хотя и пренебрежительно, но в конечном счете справедливо, и Лужин, и Свидригайлов»⁸⁵.

Действительно, как носитель «почвеннических» взгляд, Разумихин выступает против доктринерства и теоретиков, а поддерживает примат жизни над теорией. По его мнению русскому обществу не хватает «деловитости»: «— Врешь ты, деловитости нет. Деловитость приобретается трудно, а с неба даром не слетает. А мы чуть не двести лет как от всякого дела отчуждены <...> Деловитость в сапогах ходит» (с. 115). Для него никакой революционно-демократический взгляд его не устраивает: «... а то мне вся эта болтовня-себятешение, все эти неумолчные, непрерывные общие места, и все то же да все то же, до того в три года опротивели, что, ей-богу, краснею, когда и другие-то, не то что я, при мне говорят... видите ли, к общему-то делу в последнее время прицепилось столько разных промышленников, и до того исказили они все, к чему ин прикоснулись, в свой интерес, что решительно все дело испакостили» (с. 116).

Показательно, что в черновых записях к роману Достоевский в одном месте написал «Рахметов» вместо «Разумихин». По этому поводу В. Кирпотин

⁸⁵ Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. С. 191.

замечает: «Это — описка, однако описка не случайная. Создавая образ Разумихина, Достоевский помнил о Рахметове из «Что делать?» Чернышевского. По авторскому замыслу Разумихин должен был явиться тем спасительным героем, каким в “Что делать” выступает Рахметов»⁸⁶. Он критически относится к дореформенным порядкам, к дореформенной юриспруденции, на все лады повторяет «почвеннический» тезис о «лакействе», который пропагандируют мыслители революционной демократии и русские утопические социалисты.

§ 3.3 Андрей Семенович Лебезятников

Молодость, а также защита Сони Мармеладовой, от оговора Лужина и участие, проявленное им к нечастой Катерине Ивановне, сближают и названного героя с центральным лицом романа “Преступления и наказания”.

В случае с Соней Мармеладовой Лебезятников своим смелым и решительным свидетельством против Лужина сделал для оправдания публично оклеветанной девушки даже больше, чем Раскольников. «Вы же, — скажет ему Родион Романович, — вашим драгоценным показанием уяснили мне все» (с. 308). А своим приходом на квартиру Сони и сообщением «Там у нас Катерина Ивановна с ума сошла» (с. 324) добился по крайней мере того, чтобы эта обезумевшая женщина смогло умереть не на улице, а на постели своей падчерицы, куда она будет перенесена Раскольниковым, Лебезятниковым и неизвестным сердобольным чиновником. И где она в последний раз увидит своих, было разбежавшихся от охватившего их страха маленьких сыновей Леню и Колю, приведенных ее старшей дочерью Поленькой. Здесь же их вместе с Соней, отныне ставшей единственной защитницей этих сирот, увидит и «через стенку» квартировавший Свидригайлов, решивший поместить их «в какие-нибудь сиротские заведения получше», положив «на каждого, до

⁸⁶ Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. С. 273.

совершенности, по тысяче пятисот рублей капиталу, чтоб уж совсем Софья Семеновна была покойна» (с. 334).

В целом изображением Андрея Семеновича Лебезятникова Достоевский продолжает ту свою полемику с главными идеями романа Н. Чернышевского “Что делать?”, которую он начал в повести “Записки из подполья” и будет вести в своем романном “Пятикнижии”. Это критика представлений Чернышевского и его положительных героев о составе человеческой природы, их этики “разумного эгоизма”, предлагаемых ими способов гармонизации человеческой личности и общества, а также рационализации коллективного труда и коммунального проживания людей в будущих огромных зданиях-фаланстериях. Как уже говорилось, источниками этих воззрений были антропологический материализм Людвига Фейербаха, утилитаристская этика Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля и умозрительные модели общежития французских утопических социалистов Шарле Фурье и Виктора Коншдерана.

Отсылки читателя “Преступления и наказания” к этим источникам существуют и в сценах, где действует Андрей Лебезятников. Таковы сообщения о “системе Фурье”, которую и Андрей Семенович попробовал излагать «даже Лужину, и мечте Лебезятникова об «устройстве новой “коммуны” где-нибудь в мещанской улице», затем понятия “пользы” («Я понимаю только одно слово: *полезное*»), “развития” (всякий человек обязан развивать и пропагандировать...»), “убеждений” («... И хоть это против моих убеждений, но я готов сей же час принять в суде какую угодно присягу...»), “натуры” («Вы еще не знаете, какая это натура!»), “логики” и “логического убеждения”, а также “будущего общества” (с. 280, 285, 282, 306, 284, 289, 325). К ним Лебезятников добавляет термины, почерпнутые из позитивизма («Общий вывод положительного метода» С. 307) или из утилитарной эстетики Д. И. Писарева («Я первый готов вычистить какие угодно помойные ямы. Тут просто работа <...>, которая стоит всякой другой и уже гораздо выше, например,

деятельности какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее!» С. 285).

В воззрения образованных русских людей 1860-х годов большинство этих понятий и терминов пришло еще из Франции 1840-х годов. Как вспоминал Достоевский в “Дневнике писателя” за 1873 год, «мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей» (21, с. 130-131). Это были «убеждения <...> о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч.» (21, с. 131). «Все эти тогдашние новые идеи, — заключает Достоевский, — нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственным и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества (21, с. 130).

Так, говорит Достоевский, бывало не только в России, «а на всем свете <...>, всегда и с начала веков, во времена *переходные*, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний скептицизма и шатости понятий» (там же, с. 131. Курсив наш. — М. В.). «Но, — добавляет писатель, — у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно *в наше время...*» (там же).

Писатель был глубоко прав: эпоха крупных либерально-буржуазных реформ в России 1860-х и последующих годов была намного более кризисной и переходной, чем российские 1840-е годы. Сомнение в традиционных сословно-иерархических и патриархальных устоях своей страны и соответствующих им религиозных, морально-нравственных, этических и эстетических нормах и понятиях, а также семейных и сексуально-половых отношений и отрицание их охватывает уже значительную часть россиян, в особенности всегда симпатизирующей новым формам бытия, быта и мышления молодёжи.

В такой общественно-исторической ситуации возникает особый спрос на новые идеи и учения, доктрины, обещающие своим поклонникам чуть ли не окончательное и общеприемлемое разрешение всех сложнейших (“проклятых”) проблем человеческого существования и внутренних противоречий самого человека. В русской литературе 1860-х годов главным претендентом на такой “учебник жизни” и руководство к счастью явился роман Чернышевского “Что делать?”. По крайней мере для дикальской русской молодежи 1860-х годов он превратился в новую благовую весть, читаемую, по свидетельству современника, «чуть ли не коленопреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей уплыли на устах»⁸⁷.

Большинство молодых почитателей этого романа не было в состоянии воспринять его антропологические, этические и социальные концепции критически. Это за них сделали крупнейшие такие русские романисты второй половины XIX века, как И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой и в особенности Ф. М. Достоевский.

Как уже говорилось, самая обстоятельная и убедительная полемика автора “Преступления и наказания” с воззрениями создателя “Что делать?” и его положительными героями сосредоточена в повести “Записки из подполья” и романах “Идиот”, “Бесы”, “Подросток”, “Братья Карамазовы”. Поскольку ее обзор и общие итоги находятся вне темы настоящей работы, мы ограничились отсылкой всех, кто ими интересуется, к наиболее содержательным в этом отношении исследованием И. Паперно «семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма» (М., 1996) и В. А. Недзвецкого «Роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?” и его оппоненты» (М., 2003; глава третья, раздел “Достоевский”).

Что касается романа “Преступления и наказания”, то в нем идеи романа “Что делать?” интересуют Достоевского не сами по себе, а в их восприятии

⁸⁷ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. С. 248-249.

таким представителем, по слову Лужина «молодых поколений наших», как Андрей Семенович Лебезятников.

«Этот, Андрей Семенович, — представляет романист его читателям, — был худосочный и золотушный человек малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, в виде котлет, которыми он очень гордился. <...> Сердце у него было довольно *мягкое*, но речь весьма *самоуверенная*, — что, в сравнении с фигурой его, почти всегда выходило смешно. <...> Прикомандировался же он к прогрессу и к “молодым поколениям нашим” — по страсти. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой *модной ходячей* идее, чтобы тотчас же *опошлить* ее, чтобы мигом *окарикатурить* все, чему они же иногда самым искренним образом служат» (с. 279. Курсив наш. — М. В.).

Несмотря на то, что в антропониме Андрея Семеновича и имя, и отчество (от Семена, что с онтологической точки зрения, по др.-евр. означает «слушать, (Бог) слышащий; услышание») заключают в себе смысл положительный, ключом к сущности этого человека выступает, судя по его портрету, его фамилия “Лебезятников”. Ибо она, с символично-метафорической точки зрения, произведена от глагола *лебезить* в значении «льстить, ластиться, ухаживать, увиваться, угодничать» и даже «подъезжать; проказничать, сплетничать»⁸⁸.

Дело в том, что, ознакомившись с третьего голоса с учением романа Чернышевского “Что делать?”, Андрей Семенович и не попытался как-то проверить его истинность, а стал ему именно льстить и перед ним угодничать. Словом, действовал по известной русской пословице: «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет».

Вот несколько тому примеров.

«Все от среды, а сам человек есть ничто», — утверждает Лебезятников, претендуя этим на единственно верное решение сложного социологического и

⁸⁸ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. С. 346.

философского вопроса о зависимости человека от внешних обстоятельств и человеческой свободы от необходимости.

Эту же проблему обсуждают в романе “Что делать?” недавно познакомившиеся Вера Павловна Розальская и Дмитрий Лопухов, принесший девушке соответствующую французскую книгу. «Ваша книга, — обращается Вера Павловна к Лопухову, — говорит: человек поступает *по необходимости*. Но ведь есть случаи, когда кажется, что от моего *произвола* зависит поступить так или иначе. Например, я играю и перевертываю страницы нот; я перевертываю их иногда левою рукою, иногда правою. Положим, теперь я перевернула правою; разве я не могла перевернуть левою? Не зависит ли это от моего произвола?»⁸⁹ «Нет, Вера Павловна, — отвечает девушке Лопухов, — если вы перевертываете, не думая ничего о том, какою рукою перевернуть, вы перевертываете тою рукою, которую удобнее; если вы подумали, “дай переверну правою рукою” — вы перевертываете под влиянием этой мысли, но эта мысль явилась не от вашего произвола; она *необходимо* родилась от других...»⁹⁰.

«Итак, — комментирует этот диалог положительных героев Чернышевского В. А. Недзвецкий, — согласно автору “Что делать?”, любые поступки, поведение в целом и «самая судьба человека есть результат не его субъективно-произвольных желаний <...>, а объективной закономерности»⁹¹.

Однако, как показывает тот же исследователь романа “Что делать?” на деле “новые люди” Чернышевского утверждают, как раз «полную независимость от любых лично неприемлемых для них общественных установлений, обычаев, морально-нравственных норм»⁹². В самом деле: вот что отвечает Вера Павловна на вопрос Француженки Жюли о том, чего она хочет от

⁸⁹ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., 1958. С. 69. Курсив наш.

⁹⁰ Там же. С. 69-70. Курсив наш.

⁹¹ Недзвецкий В. А. Роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?” и его оппоненты. М., 2003. С. 19.

⁹² Там же. С. 10-11.

жизни. «Я, — говорит она, — хочу быть независима и жить по-своему <...> Я хочу делать только то, чего буду хотеть <...>, я хочу не стеснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна»⁹³. Из раз и навсегда принятого “правила” — «против воли человека не следует делать ничего для него; свобода выше всего, даже жизни»⁹⁴ — исходит в своих отношениях с людьми и Александр Кирсанов. Ни в чем и никогда не насилует себя и профессиональный революционер Рахметов.

Как видим, — пишет В. Недзвецкий, — принимая тезис «человек действует по необходимости», «“новые люди” Чернышевского остаются при этом свободолюбивыми и абсолютно независимыми»⁹⁵. Им таким образом, удастся снять в своем поведении противоречие между свободой и необходимостью так же, как они устраняли и разлад между интересами (“выгодами”) своими и чужими или эгоизмом и альтруизмом. В этом им помогало не отрицание необходимости, а ее принципиально новое понимание. «Заявляя, — объясняет это понимание В. А. Недзвецкий, — о своем подчинении необходимости, Лопухов, Вера Павловна, Кирсанов разумеют под нею не требования наличного общества (“среды”), от которых они совершенно свободны и которым противопоставляют свою личную волю, а направляющие эту волю <...> требования родовой человеческой природы. Но если человек зависит лишь от собственной природы, то для того, чтобы стать свободными вполне, ему надо только верно понять и в дальнейшем точно исполнить ее веления. Говоря иначе, он должен подчиниться, однако не сторонним ему, а, по существу, своим же коренным основам и интересам. Что герои Чернышевского и делают»⁹⁶.

“Новые люди” Чернышевского устраняют в своей жизни противоречие между свободой и внешней средой, таким образом, благодаря нетрадиционному пониманию своей “натуры”, уходившему в антропологический материализм

⁹³ Чернышевский Н. Г. Что делать? С. 32.

⁹⁴ Там же. С. 305.

⁹⁵ Недзвецкий В. А. Роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?” и его оппоненты. С. 11.

⁹⁶ Там же. С. 19.

Людвига Фейербаха. Ничего об этом не знающий и к тому же “простоватый”, Андрей Семенович Лебезятников, подражая героям “Что делать?”, своей формулой «все от среды, а человек ничто» сумел, действительно, лишь окарикатурить их взгляд на их решение этой проблемы.

Не меньшему искажению и “опошлению” подверглась в устах Лебезятникова, и такая категория романа “Что делать?”, как “развитие”, под которой Чернышевский и его “новые люди” подразумевали овладение новейшими доктринами как о самой природе человека, так и отвечающих ей сексуальных связях полов, а также семейных и общественно-производственных союзах будущих людских поколений.

Автор “Что делать?” призывал своих современников брать здесь пример с его положительных героев, показывая, как Лопухов развивал юную веру Павловну, Александр Кирсанов — Настю Крюкову, а Рахметов даже и самих своих единомышленников. Сам Чернышевский счел нужным произнести понятию “развитие” в следующем обращении к своим героям даже отдельный дифирамб: «Поднимайтесь из вашей трущобы с друзьями, <...>, выходите на вольный свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. <...> О сколько наслаждений развитому человеку! Даже то, что другой чувствует, как жертву, горе, он чувствует, как удовлетворение себе, наслаждение...»⁹⁷.

Развитием окружающих — Петра Петровича Лужина, но более всего Сони Мармеладовой («... Я продолжаю развивать Софью Семеновну.» С. 283) охотно занимается и Лебезятников. Первому он вместе с системой Фурье излагает “теорию Дарвина”, надеясь способствовать тому, чтобы Лужин не мешал Дунечке, «если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника» или чтобы эти супруги не крестили «своих будущих детей» (с. 280). Соне Мармеладовой и предлагает он наряду с рассказом «об ассоциациях рабочих во Франции» и «дебатировать» вопросы «о целовании рук, то есть что

⁹⁷ Чернышевский Н. Г. Что делать? С. 236.

мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку», а также «вопрос свободного входа в комнаты в будущем обществе» (с. 284). Но всего больше он стремится развить у Сони ее решимость протестовать... якобы против «устройства общества» и сексуальной несвободы современной русской женщины.

Дико искажив причины вынужденного и вынужденного и мучительного для Сони занятия проституцией, Лебезятников опечален лишь тем, что «при всей своей энергии и, решимости протестовать, — которую она уже раз доказала», у Сони «все еще как будто мало самостоятельности <...>, мало отрицания, чтобы совершенно оторваться от иных предрассудков и ... глупостей» (там же).

Зато, не без хвастовства считает Лебезятников, сам он в сфере такого протеста весьма преуспел. И в доказательство сожалеет о том, что его «отец и мать умерли». Ибо, будь они живы, как бы он «их огрел протестом! Нарочно подвел бы так... <...> Я был им показал! Я бы их удивил! Право, жаль, что нет никого!» (с. 282). Столь же “бескомпромиссно” протестует он и против брака, а также опасений нынешних мужчин оказаться в нем рогоносцами. «Черт возьми, — восклицает Лебезятников, — я иногда мечтаю, что если бы меня выдали замуж, тьфу! Если б я женился (по гражданскому ли, по законному ли, все равно), я бы, кажется, сам привел к жене любовника, если б она долго его не заводила. “Друг мой, — сказал бы я ей, — я тебя люблю, но еще сверх того желаю, чтобы ты меня уважала, — так вот!”» (с. 290).

Не менее карикатурное истолкование получает Лебезятникова и такое кардинальное свойство “новых людей” Чернышевского, как их вера в спасительную силу человеческого разума и логического мышления. «Одни разум, наука и реализм (т. е. позитивизм. — М. В.), — писал Достоевский в воспоминаниях о В. Г. Белинском, — могут создать лишь муравейник, а не социальную, гармонию, в которой бы можно ужиться человеку». И подчеркивал: «основа всему — начала нравственные» (21, с. 10). Напротив, как

сам автор романа “Что делать?”, так и его “новые люди” — апологеты именно человеческого разума и логического мышления, которыми, с их точки зрения, можно без опоры на высшие силы (Бога, Мирового Духа, Абсолютной Идеи), разрешить не только социально-исторические, но и онтологические противоречия человеческого бытия и обрести гармонию личностную, общественную и всемирную. Как мы помним, положительные герои романа “Что делать?” во всех своих отношениях с окружающими их людьми руководствуются «благородным расчетом; осуществляемым строго логической, как математика, интеллектуальной операцией, исходящей из той аксиомы, что целое (в этом случае — требования всех элементов человеческой природы) больше, чем его отдельная часть (т.е. веление одного человеческого эгоизма). Правило это, говорит Чернышевский, «немудреное», однако же в нем — «весь свод законов счастливой жизни».

В прямой связи с этой рационалистической иллюзией “новых людей” Чернышевского находится и уверенность Лебезятникова в возможность излечить и успокоить обезумевшего человека «одним только логическим убеждением» (с. 325). А ведь Андрей Семенович всерьез предлагает применить такое “спасительное” терапевтическое средство к Катерине Ивановне, которая в итоге всех унижений, испытанных ею на поминках по Мармеладову, а затем и от посещения его начальника («генералишки»), где ее, «кажется, выгнали, может, и пробили», «с ума сошла» (с. 324). «... Если, — поясняет Лебезятников свое предложение, — убедить человека логически, что, в сущности, ему не о чем плакать, то он и перестанет плакать. Это ясно» (с. 325). И для подкрепления своей веры ссылается на происходившие в Париже «серьезные опыты» этого лечения и его «основную идею», «что сумасшествие есть, так сказать, логическая ошибка в суждении, неправильный взгляд на вещи» (с. 325). Вот, мол, и парижский профессор, прибегнувший к этой терапии, «постоянно опровергал больного и, представьте себе, достигал, говорят, результатов!» (там же).

Думается, читателям “Преступления и наказания” понятно замечательное опровержение этой апологии будто бы всеильной логики как главного инструмента человеческого разума. «Слишком легко тогда было бы жить, — ответил Раскольников» (там же), в этот момент, высказывающий, вне сомнения, одно из коренных убеждений самого Достоевского. Ибо, согласно автору “Идиота”, “Братья Карамазовых”, живая жизнь людей и каждый отдельный их представитель в целостности его духовно-телесной “натуры” отнюдь не тождественны «рассудочной способности человека» (5, с. 115). «Рассудок, — писал Достоевский в “Записках из подполья”, — знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает...), а натура человеческая действует вся, целиком, всем, что есть в ней сознательного и бессознательного, и хоть врет, да живет» (там же).

Этот параграф нашей работы мы начали указанием того, что сближает Лебезятникова с Раскольниковым. К защите обоими Сони Мармеладовой и участливым отношении обоих к страданиям Катерины Ивановны можно добавить и присущую этим персонажам двойственность, пусть у Андрея Семеновича она ограничена внешним обликом героя с его непрезентабельной фигуркой и «весьма самоуверенной» речью. «Заносчивость» же последней объясняется скорее всего отсутствием у Лебезятникова и малейших сомнений в истинности тех умозрительных идей, которым он так предан и которые так комически интерпретирует.

Это-то противоречие между «довольно мягким» сердцем данного героя и его не самостоятельными, а заемными умозрительными «убеждениями» и сигнализировано читателям “Преступления и наказания” семантическим разладом между, с одной стороны, именем и отчеством Лебезятникова и, с другой, его фамилией.

Как и в случае с Лужиным, отмеченное сходство Лебезятникова с главным лицом анализируемого романа Достоевского лишь оттеняет существенное различие между ними.

Лебезятников назван романистом человеком «худосочным», и это определение одинаково емко точно.

При слабых умственных способностях (он «действительно был глуповат». С. 279) Андрей Семенович тем не менее человек из тех, кто вольно или невольно подменяет живую жизнь «одной логистикой» (5, с. 111). Раскольников в своем поведении нигде и никогда не ссылается на какие бы то ни было умозрительные системы и доктрины. Незаурядный интеллектуал-диалектик и создатель даже собственной антропологической теории, он вместе с тем в своем восприятии окружающего мира человек полнокровный и органичный. Он может, под влиянием *удушливой* петербургской атмосферы, извериться в людях и жизни. Но способен, под впечатлениями родственного участия в нем Сони Мармеладовой и сестры Дуни, а также благодарного поцелуя «десятилетней Поленьки» (с. 138) испытывать и спасительное для него единение с живой жизнью людей. И это оттого, что, согласно Достоевскому, жизнь в ее целостном проявлении и в трагические ее минуты содержит нечто противостоящее смерти. Таков в сцене с раздавленным лошадьми и умирающим Семеном Захаровичем Мармеладовым его самый маленький сын Леня, своей позой и обликом напоминающий Богочеловека во младенчестве, как его изображали великие живописцы итальянского Возрождения. «... Мальчик, — говорит романист, — сидел на стуле молча, с серьезною миной, прямо и неподвижно, с вытянутыми вперед ножками, плотно вместе сжатыми *пяточками к публике, а носками врозь*. Он слушал, что говорила мамаша с сестрицей надув губки, выпучив глазки и не шевелясь, того-в-точь как обыкновенно должны сидеть все умные мальчики, когда их раздевают, чтоб идти спать» (с. 138. Курсив наш. — М. В.).

Достоевский не считал нужным сообщать читателям “Преступления и наказания” дальнейшую судьбу Андрея Семеновича Лебезятникова. Но можно быть уверенным, что этот по преимуществу умозрительный, абстрактный человек останется таковым и в том случае, если, по каким-то причинам

разочаровавшись в идеях необыкновенно популярного в России 1860-х годов романа Н. Чернышевского «о новых людях», легко сменит их на очередные теории, скажем, русских народников или марксистов, которые будет толковать так же карикатурно, как и прежние. А вот путь к органическому жизненному процессу ему, в отличие от Раскольникова, останется закрытым.

§ 3. 4 Авдотья Романовна Раскольникова

Авдотья Романовна Раскольникова — сестра Родиона Раскольникова. «Авдотья» происходит из имени «Евдокия», которое появилось в Византии. На Руси имя Евдокия получило свое распространение вместе с христианством. Простые люди переименовали имя, оно стало звучать иначе — Авдотья. Это имя, с онтологической точки зрения, в переводе с древнегреческого языка означает «благоволение, добрая слава»⁹⁸.

Авдотья добрая, хозяйственная, заботливая, мягкая и уступчивая. Она глубоко любит своего брата, и желает пожертвовать собой для него. Она согласилась на брак с Лужиным в первую очередь для спасения брата от нищеты и бесславия. Как пишет Пульхерия в письме: «Ты знаешь характер сестры твоей, Родя. Это девушка твердая, благоразумная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем, что я хорошо в ней изучила» (с. 31). Пульхерия сказала Роде, что надо любить свою сестру, так как она больше себя его любит. Авдотья очень добрая. Она уговорила Свидригайлова сдержать его развратный поступок, и не презирает Соню из-за ее занятости.

Наряду с этим, она слишком твердая, что не терпеть все горе в жизни. «Конечно, ты знаешь Дуню, знаешь, как она умна и с каким твердым характером. Дунечка многое может сносить и даже в самых крайних случаях найти в себе столько великодушия, чтобы не потерять своей твердости» (с. 29). Она была возведена клевету, но никому не сказала, только сама потерпела. Ей

⁹⁸ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 477.

аналогичную высокую оценку дает Свидригайлов: «... Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и, уж конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами... Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит» (с. 365).

Безусловно, Авдотья тоже умная и гордая, как ее брат. Она уже четко чувствует, что-то плохое произошло с ее братом несмотря на его молчание. Она очень заботится о брате, и узнает от Сони обо всем. При большом ошеломлении она все еще держит брата и верит, что он убийцу сделал не по его натуре. В отношении с Лужиным она твердо решит порвать с ним, после того как различает его настоящий облик. Авдотья такая прекрасная девушка, как показывает ее внешность: «Авдотья Романовна была замечательно хороша собою – высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, – что высказывалось во всяком жесте ее и что, впрочем, нисколько не отнимало у ее движений мягкости и грациозности... Выражение лица ее всегда было более серьезное, чем веселое, вдумчивое; зато как же шла улыбка к этому лицу, как же шел к ней смех, веселый, молодой, беззаветный!» (с. 157).

§ 3. 5 Пульхерия Александровна Раскольников

Пульхерия Александровна Раскольников — мать Родиона Романовича и Авдотьи Романовны. Как ее имя, Пульхерия является очень красивой женщиной. «Пульхерия», латинское имя, с онтологической точки зрения, означает «красивая, прекрасная»⁹⁹. В романе имеется такое описание: «Несмотря на то, что Пульхерии Александровне было уже сорок три года, лицо ее все еще сохраняло в себе остатки прежней красоты, и к тому же она казалась гораздо моложе своих лет, что бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости» (с. 158). Видно, что у Пульхерии красота не только

⁹⁹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 603.

по-внешности, но и в душе. Она мягкая, добрая, и полна любовью к своим детям.

А имя «Александр» (отчество: Александровна), с онтологической точки зрения, обозначает «защищать, защитник, мужественный, помощник»¹⁰⁰. Несмотря на ее смиренность, Пульхерия Александровна является защитником своей детей. По этому поводу Г. Мейер замечает: «Создавая духовный облик Пульхерии Александровны, Достоевский, вне всякого сомнения, думая о Пульхерии Ивановне из «Старосветских помещиков». Беспощадного высмеивания, умерщвления человека смехом, вот чего не прощал автор «Преступления и наказания» автору «Мертвых душ» <...> Старосветская помещица, поработенная бездушным обиходом чрезмерно отстоявшегося быта, обнаруживает свою убогую ограниченность и, умирая, уходит в сумерки <...> И в честь всей госпожи, сумеречного положили в гроб Пульхерию Ивановну в сереньком платье. Но Достоевский воскресил Пульхерию и, дав ей новое отчество, вдохнул в нее волю к существованию и желание стать прекрасной матерью, защитницей своих детей»¹⁰¹.

Как излагает Флоренский, «Прямолинейная, нарочито рассудочная, насильственно входящая в совершенство добродетелей, Александра такова в своей феноменальности, в своей жесткой истине, тогда как в глубине она есть ослепшая, без ума настойчивая... Между тем, подталкиваемая слепой волею, Александра настойчива, упорна, крепко держась за предназначенное ею, как за разумную и доказанную цель»¹⁰². Об этом в романе тоже упомянули: «Пульхерия Александровна была чувствительна, впрочем, не до приторности, робка и уступчива, но до известной черты: она многое могла уступить, на многое могла согласиться, даже из того, что противоречило ее убеждению, но всегда была такая черта честности, правил и крайних убеждений, за которую никакие обстоятельства не могли заставить ее переступить» (с. 158). Хотя она

¹⁰⁰ Там же. С. 30.

¹⁰¹ Мейер Г. А. Свет в ночи. Опыт медленного чтения. Франкфурт на Майне. 1967. С. 134-135.

¹⁰² Флоренский. П. Имена. С. 121.

всегда мягкая, и всегда слушается других, но ее глубокая любовь к Раскольникову и твердая вера в Богу слишком настойчивы, что возможно их изменить.

В книге Флоренского еще упомянута трагедия Александры: «Александра предчувствует катастрофу, в большом или малом — сейчас это безразлично, может быть, даже уверена в ней, но идет навстречу трагедии, хочет трагедии» и «Когда знаменование имени побуждает женщину стать наиболее пропорционально в себе построенным мужчиной, то это, легко предвидеть, клонится к судьбе трагической»¹⁰³. Разбираясь в романе, нетрудно заметить, что Пульхерия действительно является женщиной со трагедией. Она живет бедной жизнью, и единственной надеждой для нее является ее сын Раскольников. Но с сыном возникли ужасное дело, которое она не знала, но уже чувствовала. Хотя все обманули ее, но ужасное дело сына все еще принесло ей большой удар, и даже вело ее к смерти. «Еще в начале процесса мать Раскольникова сделалась больна... Болезнь Пульхерии Александровны была какая-то странная, нервная и сопровождалась чем-то вроде помешательства... Дуня, воротившись с последнего свидания с братом, застала мать уже совсем больною, в жару и в бреду. В тот вечер сговорила она с Разумихиным, что именно отвечать матери на ее расспросы о брате, и даже выдумала вместе с ним, для матери, целую историю об отъезде Раскольникова куда-то далеко... Но их поразило, что ни об чем об этом сама Пульхерия Александровна ни тогда, ни потом не расспрашивала... Раза два, впрочем, случилось, что она сама так навела разговор, что невозможно было, отвечая ей, не упомянуть о том, где именно находится Родя; когда же ответы поневоле должны были выйти неудовлетворительными и подозрительными, она стала вдруг чрезвычайно печальна, угрюма и молчалива... Наконец беспокойство ее возросло до крайних пределов. Она иногда вдруг начинала плакать, часто заболела и в жару бредила... После тревожного дня, проведенного в непрерывных фантазиях, в

¹⁰³ Там же. С. 120-122.

радостных грезах и слезах, в ночь она заболела и наутро была уже в жару и в бреду. Открылась горячка. Через две недели она умерла» (с. 412-415).

Глава IV Эпизодические лица романа

Семен Захарович Мармеладов — титулярный советник, отец Сони. История его жизни рассказывается подробно им самим, в первом же из его исповедальных монологов в его собственных уст. Мармеладов рассказал Раскольникову о своей несчастной жизни. Его семья живет в одной беднейшей комнате шагов в десять длиной, к тому же еще и проходной. Из-за пагубного пристрастия к пьянству он вверг в нищету всю свою семью и пропил все ценное, включая вещи его второй жены, Катерины Ивановны. Из тяжелой домашней работы у его жены усилилась чахотка, и она начала кашлять кровью. Из-за жалости к голодающим детям мачехи его дочь Соня отважилась пойти на панель. Можно заметить большой контраст между его настоящей жизнью и его фамилией. Фамилия Мармеладов, напоминающая о сладостях и ассоциирующаяся с довольством, комфортом, чем-то приятным, призвана оттенить бедственное положение героев. Жизнь этого несчастного семейства совершенно противоположена этим ассоциациям. В. Я. Кирпотин писал, «Семья Мармеладовых — фокус, в котором преломлены все несчастья неправильно устроенного... общества, и, как сладок этот мир, рисуется уже горько-иронической фамилией, подобранной Достоевским»¹⁰⁴. По сути, фамилия призвана еще больше подчеркнуть бедственное положение семьи и «сладость» в таком обществе.

С другой стороны, Бородин дает этой фамилии другое объяснение: «Буквально мармелад — мягкий, желеобразный, на натуральной основе, не подлежащий длительному хранению, очень (даже слишком) сладкий продукт. Основные качества мармелада, особенно «мягкий», «слишком сладкий» соответствуют чертам характера героя и его манере изъясняться»¹⁰⁵. Это совершенно верно. Мармеладов действительно мягкий человек. Он не способен

¹⁰⁴ Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. С. 145.

¹⁰⁵ Бородин А. В. Стилиевые особенности художественного мира романа «Преступление и наказание» как средство отражения мировоззрения Ф. М. Достоевского. М., 2004. С. 49.

на самоконтроль пьянства. Он сознает всю свою ничтожность и глубоко раскаивается во всех своих грехах, но в то же время он не имеет сил что-то изменить. «Но нет! нет! все сие втуне, и нечего говорить! нечего говорить! ... ибо и не один раз уже бывало желаемое, и не один раз уже раз жалели меня, но... такова уже черта моя, а я прирожденный скот!» (с. 15) — это его внутренний раскаяние.

Безусловно, с Мармеладовым связана идея самоуничтожения. Этот чиновник праздный, ибо «уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество». Мармеладов, фактически оказавшийся «на дне» общества, слишком мал и слаб, чтобы изменить свою судьбу. Он только может слушать других и Бога. Именно это отражает его имя Семен. Семен, имя древнееврейское, с онтологической точки зрения, имеет значение «слушать, Бог слышащий, услышание»¹⁰⁶. У него нет выбора кроме подчинения, как он сказал, «Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете...» (с. 16).

У Мармеладова нет другого выхода в жизни кроме веры в Бога. Он твердо верит, что только Бог может их спасти. Об этом он говорит в романе: «Жалеть! зачем меня жалеть! Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез! ...а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия... И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных...» (с. 20-21). Эта надежда отражается в его отчестве. Его отчество «Захарович» происходит из древнееврейского имени «Захар», с онтологической точки зрения, означающего

¹⁰⁶ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 311-312.

«Бог вспомнил, память Господня»¹⁰⁷. Мармеладов надеется на то, что Бог, как самый справедливый судия, воззрит на беду его семьи, будет их жалеть и простить их вины.

Катерина Ивановна Мармеладов — супруга, а потом вдова чиновника Мармеладова. В системе образов ей обычно отводится место «униженного и оскорбленного» человека, которому тоже некуда больше идти и который, в конце концов, от пережитых бедствий и горя сходит с ума. О ней Е. Г. Буянова писала: «Кажется, все сказано, больше с Катериной Ивановной не происходит ничего, но за тем, что с ней происходит, скрывается мысль писателя опять же о ... гордом человеке»¹⁰⁸. Это совершенно точно. Несмотря на большую невзгоду, которая случилась с ней, она все еще хранит свою гордыню. Что касается ее гордости, надо начинать с ее имени Катерины.

П. Флоренский в своей книге тоже пишет: «...вообще, стремление держать свой облик незапятнанным чем-либо низким, темным или смутным — характеризуется Екаторину... У Николая существенна его самолюбивость; этот признак в Екатерине тоже характерен, но с тою разницею, что он глубже уходит тут в недра личности и коренится в гордости»¹⁰⁹. Гордость Катерины Ивановны в романе упоминается постоянно и даже приводит довольно пространное рассуждение на эту тему, как бы размышление о природе ее гордости. Еще в начале романа Мармеладов уже упомянул Раскольникову о гордости своей жены: «Знайте же, что супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила... Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит... Да и горда была,

¹⁰⁷ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 173.

¹⁰⁸ Буянова. Е. Г. Романы Ф. М. Достоевского. М., 2002. С.43.

¹⁰⁹ Флоренский. П. Имена. С. 203.

чересчур горда...» (с. 15-16). Именно по этой причине Катерина всю жизнь сохранила свою гордость.

Кажется, выделенные Достоевским слова «гордость бедных» все объяснили в Катерине Ивановне: бедность всему причиной, оттого и гордость. «Может быть, Катерина Ивановна считала себя обязанною перед покойником почтить его память <как следует>, ... Может быть, тут всего более имела влияния та особенная гордость бедных, вследствие которой, при некоторых общественных обрядах, обязательных в нашем быту для всех и каждого, многие бедняки таращатся из последних сил и тратят последние сбереженные копейки, чтобы только быть <не хуже других> и чтобы <не осудить> их как-нибудь те другие» (с. 366-367). Действительно, Катерина хочет показать другим то, что она сильно отличается от них: умеет жить и умеет принять, что у нее хорошее воспитание и образование. Она, следовательно, ищет опоры в вещах и явлениях внешних. А самое главное «внешнее явление», самая спасительная для гордости вещь, к которой устремлена она — похвальный лист. Во всем этом тщеславии лишь более ярко отражается ее несчастье, в полной противоположности со смыслом ее фамилии «Мармеладова».

Кроме этого значения, Катерина (Екатерина), как древнее греческое имя, с онтологической и аксиологической точки зрения, означает «чистая, чистота, благопристойность»¹¹⁰ (в древнегреческом это имя соединяет два корня «аеі» - вечно, «katairo» - очищаю). Флоренский тоже пишет, «имя Екатерина имеет в корне своем значение чистоты, незапятнанности... Но это имя имеет вдобавок еще усугубляющее определение чистоты...»¹¹¹. В романе ее чистота отражается не только в ее гордости, но и в ее доброте и прямоте. Хотя она поневоле заставляет Соню заниматься таким делом, но она, раскаиваясь в своих ошибках, глубоко любит Соню и ее охраняет. «И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у неё на коленках простояла, ноги ей целовала,

¹¹⁰ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 487.

¹¹¹ Флоренский. П. Имена. С. 204.

встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе...Вот за Соню-то и вышла у него эта история с Катериною Ивановной... А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло...» (с. 17).

На поминках она со всех сил защищает ее мужа и его репутацию, прощая ему порок пьянства, «Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно, но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою...Он меня уважал, он меня очень, очень уважал! Доброй души был человек! И так его жалко становилось иной раз!» (с. 296). Когда Лужин клеветал Соню, Катерина дает ей твердую доверие и обвиняет Лужина: «Соня! Соня! Я не верю! Видишь, я не верю! Чтоб ты взяла! Да что это за глупые люди! О господи! Глупые вы, глупые, да вы еще не знаете, не знаете, какое это сердце, какая это девушка! ... Она и желтый-то билет получила, потому что мои же дети с голоду пропадали, себя за нас продала!» (с. 304). Это женщина с чистым духом.

Отчество Катерины — Ивановна, с онтологической точки зрения, происходит из древнееврейского имени «Иван», означающего «Яхве(Бог) смилостивился, Яхве(Бог) помиловал, благодать Господня»¹¹². Это обозначает, что Катерина Ивановна, несмотря на несчастную судьбу, находится под покровительством Бога. Ее чистота является благодатью, которую Бог ей придает. То, что она пережила, служит путем к Богу. Бог будет миловать ее, так как она уже испытала слишком много горя. Об этом она сама знает: «Что? Священника?.. Не надо... Где у вас лишний целковый?.. На мне нет грехов!.. Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!..» (с. 333).

Алена Ивановна — старуха-процентщица. Это очень злая, осторожная и жадная старуха: «Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только

¹¹² Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 180.

виднелись ее сверкавшие из темноты глазки. <...> Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая» (с. 8). Алена слишком алчная, что пропустить никаких прибылей. Она специально снижает цены закладов, которые бедные у нее оставляют. У нее совсем нет сочувствия к другим. Тем самым она плохо относится к своей сестре Лизавете, Лизавета «никакого заказа и никакой работы не смела взять на себя без позволения старухи. Старуха же уже сделала свое завещание, <...> которой по завещанию не доставалось ни гроша, кроме движимости, стульев и прочего <...> Она чужую жизнь заедает: она намеренно Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!» (с. 53).

Интересно, что этот злой человек носит положительное имя Алена. Алена — с онтологической точки зрения, простонародное звучание греческого имени Елена, обозначающего «свет, сверкающая, факел»¹¹³. Однако, заменяя звук «Е», имеющий значение «святой, вечный», звуком «А», Достоевский нарочно исказил это имя, чтобы оно не звучало положительно. Это как раз отвечает характерным чертам самого персонажа. Тем более, именно по этому поводу существует христианское кредо «не убий». Дело в том, что человек есть “образ и подобие Божия”, несмотря на их вину. Старуха бесполезна, как вошь, но ее нельзя убить. Это христианское учение. И это является также причиной, почему Раскольников попал в внутреннее мучение после убийства.

Лизавета Ивановна — сводная сестра Алены Ивановны, убитая Раскольниковым. Лизавета изображена в романе наподобие юродивой. «Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка, тридцати пяти лет, бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои» (с. 61). Раскольников называет Лизавету юродивой, а Достоевский считает ее «чуть не идиоткой» (5, с. 67). Знающие всю ее простоту ей об этом и в глаза говорят:

¹¹³ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 489.

«совсем-то вы как ребенок малый» (там же). И в самом деле, Лизавета «тихая такая, кроткая, безответная, находится у Алены Ивановны в полном порабощении, сносит от нее побой так же терпеливо и безропотно, как и Лизавета Смердящая, которую пьяный и злобный отец бесчеловечно бывал.

Юродивые всегда считаются на Руси людьми, близкими к Богу. Тем самым, имя «Лизавета», с онтологической и аксиологической точки зрения, имя древнееврейского происхождения, означает «Бог — моя клятва, Богом я клянусь; Бог клятвы, почитающая Бога»¹¹⁴. В связи с этим сам образ и его сюжетная линия приобретают в романе символическое значение.

Согласно идее Достоевского, Раскольников убивает Лизавету, на самом деле убивает страх Божий и богопочитание. И после этого жизнь как будто уходит из него. А в конце романа его воскрешает любовь Сони, той Сони, которая обменяла крест с Лизаветой. Можно сказать, что в духовном воскресении Раскольникова, возвращении его к жизни незримо участвует та, которую он своими руками убил. Следовательно, несмотря на ее редкое появление, Лизавета играет важную роль между Богом и Раскольниковым.

Близкая к Богу, Лизавета в высшей степени добрая и честная. Она абсолютно терпелива и беззащитна перед всем, особенно перед злом. Когда Раскольников «бросился на нее с топором; губы ее перекошились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда, они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать... Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его» (с. 65).

Достоевский не случайно наделяет таким именем Лизавету Ивановну. С культурологической точки зрения, это имя имеет отношение с компаньонкой «Пиковой дамы». В литературе о Достоевском неоднократно указывалось также на многие переклички между «Пиковой дамой» Пушкина и «Преступлением и наказанием», в частности между Лизаветой Ивановной, компаньонкой

¹¹⁴ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 491.

«Пиковой дамы», и Лизаветой Ивановной, «сожительницей» старухи процентщицы. А. Л. Бем в статье «Пиковая дама» в творчестве Достоевского» пишет: «Германн губит старуху графиню и попутно морально убивает ее воспитанницу, живущую с нею в одном доме — Лизавету Ивановну. Раскольников убивает старуху ростовщицу и здесь же убивает и ее сводную сестру — Лизавету Ивановну <...> Совпадение в имени побочной жертвы не считаю случайным; оно выдает, скрытую может быть для самого Достоевского, связь обоих сюжетов» (О Достоевском. III, с. 47).

Героинь с именем «Елизавета» (Лизавета, Лиза, Луиза) у Достоевского много, почти в каждом произведении. Альтман отмечает, «Неправильно считать, что все Елизаветы у Достоевского — варианты и разновидности одного образа, но если их сгруппировать, то в пределах каждой группы соименницы окажутся чрезвычайно сходными, и обнаружится, что это имя у Достоевского не случайное и нейтральное, но связанное с определенным представлением»¹¹⁵.

Кроме этих, еще существует перекличка между Лизаветой и Лизой «Бедной Лизы» Карамзина. Дело в том, что Карамзин творит образ Лизы и придает образу Лизы трагическую окраску, связанную с мотивом смерти. Лизавета Достоевского не избегает той же судьбы.

Марфа Петровна Свидригайлова — помещица супруга Аркадия Ивановича Свидригайлова. Она выкупила Свидригайлова из долговой тюрьмы и заплатила за него крупную сумму. Она хорошо осведомлена о развратных наклонностях своего мужа, и принимает их во внимание, составив с ним своеобразный изустрый контракт: «первое, я никогда не оставлю Марфу Петровну и всегда пребуду ее мужем... третье, постоянной любовницы не заведу никогда; четвертое, за это Марфа Петровна позволяет мне пригласить иногда на сенных девушек...» (с. 460). Как сказал Свидригайлов, Марфа

¹¹⁵ Альтман М. С. Достоевский по векам имен. С. 176.

Петровна является ревнивой и умной женщиной. Она использует контракт между мужем, чтобы его ограничить, поэтому нетрудно увидеть, что Марфа Петровна очень расчетлива и прагматична. С виду она старается из любви к мужу, но на самом деле она только хочет удовлетворить свое тщеславие. При отсутствии взаимности любви Марфа Петровна лишает любовь истинности.

Если отчество жены Свидригайлова напоминает нам о камне, то ее имя Марфа, с онтологической и аксиологической точки зрения, означающее по-сирийски «хозяйка, госпожа»¹¹⁶, получило широкое распространение в мире благодаря евангельскому рассказу о посещении Иисусом Христом в Вифинии сестер Лазаря Марфы и Марии, во время которого Мария «села у ног Иисуса и слушала его», а также «помазала Господа миром и отерла ноги его волосами своими», а «Марфа же заботилась о большом угощении» и «Ему <...> слушала» (Лк. 10: 38: 42; Ин. Н: 1исх; 12: 1 и сл.).

Подобно своей новозаветной соименнице, поступает со Свидригайловым и Марфа Петровна. Сначала она освобождает его из долговой тюрьмы ценою денежной суммы, в тысячу раз превысившей плату, полученную Иудой Искаротом за предательство Богочеловека, и те же «тридцать целковых» (с. 17), переступив через себя, «заработала» для своих голодных маленьких братьев и сестры Соня Мармеладова.

Такая цена за физическое благоденствие Свидригайлова тем не менее не кажется странной, если вспомнить, что долговая тюрьма в России называлась и долговой *ямой*, что сближает это «учреждение» не только с могилой и глубоким подземным *провалам*¹¹⁷, но и с самим христианским адом, где грешники терпят вечные муки, а на самом его дне, согласно «Божественной комедии» Данте, Дьявол грызет голову Иуды. Затем Марфа Петровна увезла Свидригайлова из Петербурга в свою деревню, где, реализуя негативный смысл своего, общего с лужинским, отчества (Петровна), она как капканом, связала

¹¹⁶ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 563.

¹¹⁷ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 677.

Свидригайлова денежным «документом» на те самые тридцать тысяч рублей, гарантировав себе относительно спокойную жизнь в течение семи лет. А ведь символика этой цифры, наряду с другими позитивными смыслами, напоминает и о страстной седмице Иисуса Христа, закончившейся воскресением в новую и вечную жизнь. Надежда на собственное духовное оживление могла, по прошествию семи лет, прожитых им к тому же в «законном браке» и занятиях хозяйством, возникнуть и у Свидригайлова.

Но тут Марфа Петровна умирает, и Аркадий Иванович остается один на один со своим антихристовым началом. Кроме того, Марфа Петровна, озабоченная, как и ее евангельская предшественница при встрече с Богочеловеком, лишь физическим благополучием супруга, в деле его душевного восстановления ничем ему помочь не могла. Суда по утвердительному ответу Свидригайлова на вопрос Раскольникова «Вы по Марфе Петровне, кажется скучаете?» («Я? Может быть. Право, может быть». С. 218), ему супруги недостает, но своей спасительницы он в ней никогда не видел. Для этого ему необходима совершенно другая женщина, та которой при встрече с «пропащим человеком» «непременно захочется его и спасти», и отразумить, и воскресить <...>, и возродить к новой жизни и деятельности» (с. 365).

Такую женщину, мощью своего человеколюбивого порыва напоминавшую ему легендарных святых первых веков христианства, Свидригайлов видел в лице единственно и только Авдотьи Романовны Раскольниковой. Ведь ее страстное желание «образумить <...> и возродить к новой жизни» было обращено к нему, закоренелому аморалисту и развратнику. Это могло потрясти даже его зачерстневшую от разврата душу. «А что, — если мог подумать Свидригайлов, — если этой необыкновенной девушке («В вас все божественно», — скажет он ей потом. С. 377) захочется предпринять такую попытку, ввиду ее непомерной трудности?» И он сразу после похороны супруги поехал в Петербург с целью добиться свидания с Дуней, прибегнув к помощи

ее брата и в его присутствии, убедив последнего, что хочет спасти ее от брака с Лужиным.

Настасья — кухарка и служанка хозяйки квартиры, где живет Раскольников, она не случайно носит это имя. Настасья (Анастасия), с онтологической точки зрения, по-гречески означает «воскрешение». С другой стороны, это имя в социальном значении подчеркивает народность этого персонажа. Белов считает, что, как и мать Раскольникова Пульхерия Александровна, Настасья также является «символом матери-земли»¹¹⁸. Настасья деревенская болтливая баба, но простая и правдивая. «Настасья так и покатила со смеху. Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до сих пор, что самой тошно уж становилось» (с. 26). Несмотря на это, Настасья, добрая и сердечная, «отчасти была рада такому настроению жильца (Раскольникова. — М. В.)» (там же) и часто приносит ему еды.

Хотя Настасья и Раскольников не близки, но она от души его любит и заботится о нем. Утверждаясь во зле, Раскольников тем самым надругался над породившей его матерью-землей, но она по-прежнему любовно носит его на своем лоне, и Настасья -- ее посредница. Через ее доходит до нас одновременно и совместно любовь матери-земли и небесная благодать. Настасья на самом деле выполняет роль в деле воскрешения Раскольникова. Перед убийством Раскольникова Настасья «принесла ему чаю и хлеба», спросила его «Болен аль нет?» и советовала ему «—Ты хошь бы на улицу вышел, тебя хошь бы ветром обдуло. Есть-то будешь, что ль?», и потому «с состраданием посмотрела на него и вышла» (с. 55-56).

Еще стоит упомянуть важный фрагмент, когда после убийства Раскольников спросил Настасью, кто бил хозяйку. Настасья «тихо и как будто про себя» проговаривает: «Это кровь. <...> А это кровь в тебе кричит. Это когда

¹¹⁸ Белов С. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. С. 78.

ей выходу нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться...» (с. 91-92). Очевидно, Настасья совсем не знает того, что произошло с Раскольниковым. Но она почувствовала не только его греховность, но и его внутренний страх.

Когда Разумихин навешает болеющего Раскольникова, Настасья быстро становится с ним накоротке. Она приносит все, что Разумихин требуется от нее. Она, как мать-земли, дарует этим бедным простым юношам заботу и любовь. «Настасья, из всех героинь Достоевского самая земная и по виду элементарная, выказывая свои познания в медицине, несет явную чепуху о печенках. Но в самом сущном она неизмеримо ближе к истине о Раскольникове, чем ученый доктор Зосимов, пользующий идейного убийцу порошками и глубокомысленными психиатрическими советами. Достаточно удалить из всего сказанного Настасьей ни к чему не приуроченные печенки и получится грозная правда о самообожествившемся человеке, по своему близорукому усмотрению присвоившем вышнее право, принадлежащее единственно Богу»¹¹⁹.

Илья Петрович — помощник квартального надзирателя. Это вспыльчивый человек, и его эта же характеристика проявляется в романе: «— Опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган!» (с. 79). По мнению С. Белова «Достоевский иронически называет помощника квартального надзирателя именем громовержца пророка Ильи и именем апостола Петра, означающим «камень». И «грозный», как порок, и «твердый», как апостол, Илья Петрович старается оправдать свое имя»¹²⁰. В разговоре с Раскольниковым Илья Петрович «искоса и отчасти с негодованием посмотрел» на него, и неожиданно вспыл и с ним критиковал (с. 76). Чтобы поддержать пострадавшую амбицию, Илья Петрович набросился всеми перунами на одну

¹¹⁹ Мейер Г. А. Свет в ночи. Опыт медленного чтения. С. 49.

¹²⁰ Белов С. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. С. 110-111.

пышную даму. Никодим Фомич дает ему такую оценку: «на-и-бла-га-а-ар-р-роднейший, я вам скажу, человек, но порох, порох! Вспылил, вскипел, сгорел — и нет! И все прошло! И в результате одно только золото сердца!» (с. 80).

С другой стороны, Илья Петрович упрямый. Он не дает другим возможность объяснить. Он всегда поступает, как он хочет. «— Но это ведь не наше дело... <...> — Все эти чувствительные подробности, милостисдарь, до нас не касаются, — нагло отрезал Илья Петрович, — вы должны дать отзыв и обязательство» (с. 80-81).

Александр Григорьевич Заметов — письмоводитель в полицейском конторе. Из его имени и отчества видно, что Заметов есть человек полный энергией. С онтологической точки зрения, Александр обозначает «защитить, мужественный», а Григорьевич (от имени Григорий) — «бодрствовать; бодрствующий»¹²¹. Фамилия Заметов, с символично-метафорической точки зрения, однокоренная с глаголом «заметить», намекает на его обнаружение вины Раскольникова. Как Порфирий Петрович сказал, «Господину Заметову прежде всего ваш гнев и ваша открытая смелость в глаза бросилась» (с. 346), Заметов первый обратил внимание на странные слова Раскольникова в трактире.

В разговоре с Раскольниковым, благодаря своей наблюдательности, Заметов несознательно чувствует что-то необычное, «— Вы или сумасшедший, или... — проговорил Заметов — и остановился, как будто вдруг пораженный мыслью, внезапно промелькнувшею в уме его» (с. 126). Когда Раскольников ушел, Заметов, «оставшись один, сидел еще долго на том же месте, в раздумье. Раскольников невзначай перевернул все его мысли и окончательно установил его мнение» (с. 129).

¹²¹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 129.

Дуклида — одна проститутка из Таировского переулкa. Ее имя выделяется необычностью: это не профессиональное имя и одновременно не простонародное имя, принятое в русском крестьянском быту. С аксиологической точки зрения, «в Святцах — это имя христианской святой мученицы, которую язычники побили камнями за погребение ею убитых христиан»¹²². Для Достоевского характерен парадоксальный способ образования имен: проститутку зовут именем святой мученицы. Об этом Белов отмечает: «в имени заложен и глубокий символический смысл: всякая грешница может стать святой, как Мария Магдалина, как Сонечка Мармеладова»¹²³.

Зосимов — доктор, друг Разумихина. Фамилия Зосимов, с онтологической точки зрения, исходит от греческого имени Зосима, означающего «подпоясываться» — в смысле собраться в путь или собраться что-то делать. Иначе говоря, Зосимов деловой человек. В описании его внешности нетрудно это заметить: «Одет он был в широкое щегольское легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще все было на нем широко, щегольское и с иголочки; <...> Манера его была медленная, как будто вялая и в то же время изучено-развязная; претензия, впрочем, усиленно скрываемая, проглядывала поминутно» (с. 103).

Он хорошо знает свое дело и заботится о своем больном, но с несколько презрением относится к бедным людям, как Раскольников и Настасья. Он любит показать свое превосходство над другими и льнуть к сильным людям. Чем другим, Зосимов проявляет больше энтузиазм к Лужину, и тем самым, с его пустой точкой зрения о эгоизме полностью согласен. Одновременно, во многом Зосимов похож на Лужина. «Зосимов тотчас же согласился бросить пир и идти посмотреть на Раскольникова, но к дамам пошел нехотя и с большою

¹²² Тихомиров Б. «Лазарь, гряди вон!» роман Достоевского «Преступление и наказание» -комментарий. СПб. 2005. С. 190.

¹²³ Белов С. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. С. 135.

недоверчивостью <...> Но самолюбие его было тотчас же успокоено и даже польщено: он понял, что его действительно ждали, как оракула» (с. 158). Ему Разумихин дает такую оценку: «— ты малый славный, но ты, кроме всех твоих скверных качеств, еще и потаскун, это я знаю, да еще из грязных. Ты нервная, слабая дрянь, ты блажной, ты зажирел и ни в чем себе отказать не можешь» (с. 160).

По предположению Г. Ф. Коган, «в образе доктора Зосимова можно увидеть шарж на человека, которого современники считали одним из прототипов «разумных эгоистов» Чернышевского — доктора П. И. Бокова»¹²⁴. Дело в том, что в первоначальной редакции фамилия героя была Бакавин. В этом отношении показательна переключка фамилий: Боков-Бакавин. «Если учесть, что в середине 1860-х гг. Боков считался близким человеком к Чернышевскому, то надо согласиться с Гроссманом, который указывал, что «черты образа (Зосимов) выбраны не случайно, ими как бы длится в художественном плане полемика с радикалами и противопоставляется “герою нашего времени” его прозаический двойник»¹²⁵.

Капернаумов — портной, у которого снимает комнату Соня. Вот Свидригайлов «прошел прямо к Соне. <...> Она была не одна: кругом нее было четверо маленьких детей Капернаутова «Софья Семеновна поила их чаем. Она молча и почтительно встретила Свидригайлова, с удивлением оглядела его измокшее платье, но не сказала ни слова. Дети же все тотчас убежали в неопisanном ужасе» (с. 384. Курсив наш. — М. В.).

Символический характер этого имени вполне очевиден. «Он связан с евангельским городом Капернаумом»¹²⁶. Фамилия Капернаутова, с аксиологической точки зрения, происходит от города Капернаум, который, согласно Евангелием от Матфея и Луки, был центральным местом

¹²⁴ Тихомиров Б. «Лазарь, гряди вон!» роман Достоевского «Преступление и наказание» -комментарий. С. 165.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Белов С. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. С. 71.

деятельности Иисуса Христа в Галилее; там им совершено много чудес, между прочим исцеление слуги римского сотника (Мф. 8: 5; Лк.). Она указывает на то, что и все Капернаумы и бывшие скорее всего евреями, исповедовали тем не менее не иудаизм, а христианство. По словам Мармеладова «Капернаум хром и косноязычен, и все многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. <...> Гм, да... Люди беднейшие и косноязычные...» (с. 18). Юродивые всегда считались на Руси людьми, близкими к Богу, такое же Капернаум. Из всех этих видно, что это имя тесно связано с христианством. И Соня, которая живет у Капернаума, как раз находится под покровительством Христа.

Больше того, Альтман еще отметил другое значение слова «капернаум»: с социальной точки зрения, «в просторечии это — веселое «заведение», кабак»¹²⁷. В связи с этим должно ощущаться неслучайность того, что Соня, завсегдатая капернаумов, живет в семье Капернаумовых. Но и в романе мы впервые слышим о Капернаумовых от пьяного Мармеладова, и именно тогда, он находится в «капернауме». Еще Томашевский и Анциферов видели в этом имени переключку Достоевского с Бальзаком. Таинственный и роковой Капернаум Бальзака превращен Достоевским в квартиру портного Капернаума. «Все это описание лабиринта внутри трущобного дома, сцены слежки и подслушивания, наконец, весь ход событий, пришедших к катастрофе, не позволяют сомневаться в том, что совпадение здесь неслучайно»¹²⁸.

Амалия Ивановна Липпехель — квартирная хозяйка, у которой живет семья Мармеладова. Мармеладов дважды называет свою хозяйку Амалия Федоровна; Катерина Ивановна пренебрежительно называет ее Амалией Людвиговной, хотя сама себя она называет Амалией Ивановной. В. Н. Топоров

¹²⁷ Там же. С. 72.

¹²⁸ Там же.

отмечает в связи с этим «одну особенность имен у Достоевского: их некоторую умышленность, произвольность, эфемерность, расплывчатость их границ»¹²⁹.

«Замечательно, — писал сотрудник «Петербургский листка», — что квартирные хозяйки, по большей части, немецкого происхождения». В романе две квартирные хозяйки, обе — немки: Амалия Ивановна Липпехель и Гертруда Карловна Ресслих. Достоевский обыгрывает фамилию (с эстетической точки зрения) хозяйки Мармеладова, делая нелепое сочетание из двух совершенно разных слов: Lippe (нем.) — губа и вексель.

Иван Иванович Клопшток — статский советник. Отметив, что с культурологической точки зрения, Иван Иванович Клопшток носит фамилию немецкого поэта, прозаика и драматурга Фридриха Клопштока. Об этом Альтман пишет: «Сугубо русские имя и отчество в сочетании с фамилией знаменитого немецкого поэта звучат не только иностранно, но и странно»¹³⁰. По-немецки «клопштосс» означает «особый удар кием в бильярдной игре»¹³¹. Свидетельством того, что при создании «Преступления и наказания» писатель Клопшток был в памяти Достоевского, является упоминание в черновиках романа фамилии книгоиздателя Чебарова, который Клопштока издал.

О Клопштоке у Достоевского имеется лишь одно беглое упоминание, но очень характерное: этот статский советник не заплатил Соне за шитье рубашек и «погнал ее, затопав ногами и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком» (с. 17). Этим рассказом Достоевский как бы говорит — значит, каковы они в реальной действительности, эти только по имени лишь романтики, так называемые Клопштоки.

¹²⁹ Топоров В. Н. Поэтика Достоевского пархаичные схемы мифологического мышления // Проблемы поэтики и теории литературы. Саранск. 1973.

¹³⁰ Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. С. 163.

¹³¹ Белов С. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. С. 69.

Ефросинья — женщина, которая бросается в воду, когда Раскольников мимо моста прошел. Ее имя, из греческого имени Евросина (одна из трех граций), с онтологической точки зрения, означает радость. А на самом деле судьба у этой бедной женщины совсем наоборот. Достоевский по известию того времени творит этого героя и дает ей подобное прекрасное имя, чтобы отразить общественное положение и усилить трагический окрасок.

Далее идем к именам **детей Катерины** (Поленька, Лена и Коля). Поленька — старшая дочка. Ее имя является уменьшительно-ласковой формой имени Полина. Полина, разговорная форма имени Апполинария, с онтологической точки зрения, «происходит от имени древнегреческого Бога солнца Аполлона, и означает ставшая документальной»¹³². Как Аполлон руководит другими богами, Поленька, как старшая дочка, несмотря на десять лет, берет на себя тяжелое бремя своей бедной семьи. Она помогает матери заниматься домашней работой, но и ухаживает за братом и сестрой, поэтому она уже проявляет себя, как взрослый. Даже Катерина «в последнее время стала все чаще и больше разговаривать» с ней, и она «очень хорошо поняла, что нужна матери» (с. 138). Она глубоко любит своего отца, и огорчается из-за его смерти: «— Папочку жалко! — проговорила она через минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы» (с. 146).

Полина особенно выделяется своей доброжелательностью. Когда Раскольников попросил ее помолиться о нем, «— Всю мою будущую жизнь буду об вас молиться, — горячо проговорила девочка и вдруг опять засмеялась, бросила к нему и крепко опять обняла его» (с. 147). Раскольников рассматривает ее ангелом, и себя зовет «раба Родиона».

Коля — маленький сын. Его имя — с эстетической точки зрения, уменьшительно-ласковый вариант имени Николай. Как было сказано выше, Николай — это христианское имя. В описании этого мальчика в романе обнаружится его близость к Богу: «мальчик сидел на стуле молча, с серьезною

¹³² Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 599.

миной, прямо и недвижимо, с протянутыми вперед ножками, плотно вместе сжатыми, пяточками к публике, а носками врозь» (с. 138); «крикнул вдруг мальчик со стула и, сказав это, погрузился опять в прежнее безмолвное прямое сиденье на стуле, выпуча глазки, пятками вперед и носками врозь» (с. 140). Все эти описания не совпадают с образом мальчика, а с Богом. Дело в том, что в Евангелии дети символизируют чистую душу и нравственную близость человека к Богу.

Поведем итог. По Мейеру следует, что каждый персонаж посылается свыше и несет в себе символическое значение, и это отражается в значении имен даже второстепенных героев.

Из них можно выделить несколько смысловых рядов:

1) Герои из народа (Лизавета, Алена, Настасья). Для них важна имя и его огласовка. Возьмем к примеру Лизавету и Алену, в их именах удалится или заменится буква «Е» или «А», которая обладает святым значением. Это делает простонародное звучание и снижает священную окраску (Лизавета, Настасья), и даже добавляет парадоксальный эффект (Алена).

2) Представители власти, полиции (Заметов, Зосимов). Для них важна фамилия, носящая основной смысл. Заметов, фамилия которого связана с глаголом «заметить», намекает на его профессию (письмоводитель в полицейском конторе) и роль (первый обратил внимание на вину Раскольникова. А Зосимов, как его фамилия, по сути является деловым человеком, любит карьеру и льнуть к сильным людям.

3) Бедные (Мармеладов, Катерина, Капернаумов, Дуклида, Лизавета, Марфа). Эти герои носят христианские имена, который исходит из имен святых мучеников или мучениц. С одной стороны, у них бедная жизнь и низкий общественный статус (Мармеладов — титулярный советник, Дуклида — проститутка), трагическая судьба (Катерина), и некоторые из них юродивые (Капернаумов, Лизавета). В конце концов большинство из них идут к смерти. С другой стороны, именно в связи с беднотой они считаются близкими к Богу.

Они добрые, честные, и чистые по душе. Как набожные верующие, их смерть рассматриваются воскресеньем жизни (у Лизаветы библия, Мармеладов многократно исповедует его вину).

4) Детские образы (Поленька, Коля, Леня). Заметно, что эти дети носят уменьшительно-ласковую форму христианских имен. Это, с одной стороны, свидетельствует о горячей любви писателя к детям, которые бедные, беззащитные, и не могут сопротивляться беспощадному давлению жизни. С другой стороны, на взгляд Достоевского именно эти дети, с детской чистой, наивной и светлой душой, символизируют нравственную близость человека к Богу, и помогают взрослым протестовать против жестокости взрослого мира.

Заключение

Итак, мы проанализировали значения антропонимов «Преступления и наказания», и на основании нашего анализа можем сделать ряд выводов.

Ряд героев в романе называется преимущественно по фамилии: это Мармеладов, Свидригайлов, Лебезятников, Зосимов, Заметов, Клопшток, Капернаумов и Липпехель.

Тем самым в случае Мармеладова актуализируются метафорическое значение антропонима (“мармелад”). Не трудно убедиться, что по отношению к судьбе героя и к онтологическому смыслу его имени и отчества эти смыслы относятся как оксюморон. В случае Свидригайлова – в фамилии эстетическое и культурологическое значение. Толчок первой части его фамилии может дать великий князь литовской Швитригайло, в то же время вторая часть этой фамилии “гайл” означает по-немецки (geil) похотливый и сладострастный. В результате фамилия Свидригайлова отражает странную, полную внутренних изворотов личность этого персонажа, которые чувствуются на эстетическом уровне в самом фонетическом звучании фамилии. С этим объяснением соглашается Н. Жернакова: «В основу характера Свидригайлова положен принцип непредсказуемости и неопределенности, который потом появится у модернистов»¹³³.

Точно так же подчеркивается метафорическое значение фамилии в случае Лебезятникова (“*Лебезить*”); в случае Зосимова — наоборот, онтологическое значение: фамилия исходит от греческого имени Зосима, означающего «подпоясываться» — в смысле собраться в путь или собраться что-то делать; в случае Заметова — метафорическое значение («заметить»), что намекает на обнаружение им вины Раскольникова; в случае Клопштока — культурологическое и эстетическое значение; в случае Капернаумова —

¹³³ Жернакова Н. “Преступление и наказание”: Свидригайлов — самодовлеющая личность”. “Записки русской академической группы в США”, т. XIV. New York, 1981. С. 46.

аксиологическое значение и социальное значение. Первое значение — происходит от города Капернаум, который, согласно Евангелием от Матфея и Луки, был центральным местом деятельности Иисуса Христа в Галилее; там им совершено много чудес, между прочим исцеление слуги римского сотника, а второе значение — в просторечии это — веселое «заведение», кабак; в случае Липпехзеля — эстетическое значение: Lippe (нем.) — губа и вексель, а если вспомнить значение нем. глагола wechseln (менять, вертеть), то фамилия складывается в метафорическое выражение — «крутить губами»

Другие персонажи чаще всего принципиально именуются по имени и отчеству: это Катерина Ивановна, Порфирий Петрович, Авдотья Романовна, Пульхерия Александровна, Лизавета Ивановна, Алена Ивановна, Илья Петрович, Марфа Петровна. Благодаря этому подчеркивается онтологический и сакральный уровень их имен. Что касается Порфирия Петровича отмечается, то его антропонимы обозначают, что «в имени и отчестве, возможно, есть намек на монаршую власть-порфира (пурпурная мантия монарха) и Петр (первый русский император)», «Порфирий Петрович — единственный крупный персонаж “Преступления и наказания”, не получивший фамилии. Это указывает не только на обособленность его функции в романе и фундаментальную загадочность его образа, так до конца и не раскрытого, но и на интимность и непосредственность изображения Порфирия, не нуждающегося в установлении фамильных уз». Имя Катерина с онтологической и аксиологической точки зрения означает «вечно чистая, чистота, благопристойность». В свою очередь, «Авдотья» происходит из имени «Евдокия», которое появилось в Византии. Это имя, с онтологической точки зрения, в переводе с древнегреческого языка означает «благоволение, добрая слава»; «Пульхерия», латинское имя, с онтологической точки зрения, означает «красивая, прекрасная». Имя «Александр» (отчество: Александровна), с онтологической точки зрения, обозначает «защищать, защитник, мужественный, помощник»; Лизавета Ивановна, с онтологической точки зрения, означающая

«Бог — моя клятва, Богом я клянусь; Бог клятвы, почитающая Бога», близка к Богу; Алена Ивановна, с онтологической точки зрения, положительное имя. Однако, заменяя звук «Е», имеющий значение «святой, вечный», звуком «А», Достоевский нарочно исказил это имя, чтобы оно не звучало положительно; Илья Петрович — Достоевский иронически называет помощника квартального надзирателя именем громовержца пророка Ильи и именем апостола Петра, означающим «камень». И «грозный», как порок, и «твердый», как апостол, Илья Петрович старается оправдать свое имя;

Третьи — исключительно или большей частью только по именам: это Соня, Миколка, Настасья, Коля, Полечка, Дуклида, Ефросинья. Поскольку это не официальное их именование, очень часто эти имена даются в разговорной и простонародной огласовке, что позволяет задействовать в смысле их имен, помимо сакрального и онтологического, также и социальные значения. Например, в именах Соня (разговорная форма Софьи) и Дуклида (имя христианской святой мученицы) заложен и глубокий символический смысл: всякая грешница может стать святой, как Мария Магдалина, как Сонечка Мармеладова. Миколка, разговорная форма имени Николай. В 19 веке имя Миколка используется очень популярно. Это имя уже не имеет никакого особенного значения в то время. Следовательно, можно рассмотреть ее как простонародный вариант. Народность и обыкновенность также отражает имя Настасья (простонародный вариант Анастасьи). Детские имена Полечка, Коля — уменьшительно-ласковая форма имен Полина и Николая, являющихся христианскими именами. С одной стороны, в уменьшительно-ласковой форме отражается любовь к ним, с другой стороны, в Евангелии дети символизируют чистую душу и нравственную близость человека к Богу.

Наконец, самые главные персонажи, такие, как Раскольников, одинаково часто называются и по фамилии, и по имени-отчеству, и сокращенным, уменьшительно-ласкательным именем (Родя), в результате чего актуализируются все возможные смысловые уровни антропонима. Сюда также

можно отнести Петр Петрович Лужин и Дмитрий Прокофьевич Разумихин. Думается, в имени Лужина для Достоевского наиболее важна сама семантика слова “Петр”, с онтологической точки зрения, в переводе с греческого означающего «скала, каменная глыба», «камень»¹³⁴. Основные свойства камня — тяжесть, крепость, но и заведомые бездуховность и бездушность. Если два первые его качества позволяют камню служить краеугольной опорой какого-то массивного и долговременного сооружения, то от последних его свойств на человека веет холодом и жёсткостью. По крайней мере гипотетически можно соотнести фамилию Лужин в ее корневой части “луж” и с французским прилагательным “louché”, в семантике которого есть значение «двусмысленный, подозрительный». По метафорическому же значению фамилия ассоциируется с мелким грязным временным водоемом “лужа”.

Имя Дмитрий (относящийся к Деметре, богине плодородия и земледелия) и отчество Прокофьевич у Разумихина, с онтологической точки зрения, намекают на его доброту, силу, крепость. А сама фамилия на первый взгляд связана с корнем слова «разум», обозначающего способность логически и творчески мыслить, высокую ступень познавательной деятельности и интеллект. А на самом деле фамилия переливается множеством смыслов, из которых на первый план выходит то один, то другой.

В итоге складывается поливариативная в своем истолковании антропонимическая художественная система, которая, на первый взгляд, может показаться беспорядочной, но при дальнейшем исследовании оказывается строго логической. Тем более, надо отметить, что каждый герой, как его антропонимы (имя + отчество + фамилия), отличается крайне разнообразным, противоречивым характером. Таким образом, посредством антропонимов Достоевский в своих романах демонстрирует двойственность человеческой натуры.

¹³⁴ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 284.

Вырисовывается важная закономерность: фамилии, наиболее информативная в персональном плане (как символично-метафорическая по значению) употребляется с наименьшей частотностью: как бы Достоевский хочет, чтобы важнейшие понятийные коды и ключи к образам героев сохранялись в памяти читателя, но не были слишком маркированы; гораздо часто звучат официальные номинативные формулы – обращения персонажей друг к другу по имени и отчеству. Задача читателя при этом состоит в том, чтобы сквозь формальную общественно значимую оболочку антропонима добраться до его внутренних более символических глубинных слоев, заключающихся в их аксиологическом и сакральном смыслах. И, наконец, в самых интимных разговорах, то есть акцентированно психологически значимых местах романа, герои называются просто по имени, часто в его уменьшительно-ласкательном варианте, что дополнительно подчеркивает и усиливает сакральный смысл, как самый глубинный и проникновенный. Таким образом, сквозь поверхностно неустойчивую систему просвечивает глубинная, упорядоченная ценностная иерархия, определяющаяся христианской философией.

Тем же принципам подчиняется и антропология писателя: характеры героев при первом приближении явлены беспорядочными, противоречивыми, кроме того, конфликтными между собой, равно как и разножанровыми в глобальной системе поджанров романного целого. Однако все они определяются своей внутренней духовной сущностью, которая не сразу и очень редко проступает сквозь внешнюю грубую, повседневную оболочку социальных отношений и корыстных мелочных интересов, или же помрачающих страстей. Но этот внутренний духовный стержень, заданный в аксиологическом и сакральном смысле имени, часто даже незаметно для них самих (равно как не сразу заметно и для читателей), подобно Божиему Промыслу, направляет их судьбу через все тяжкие житейские перипетии, ведя к спасению. Многообразие антропонимов означает при этом множественность путей и функций, в которых они могут

действовать (в то время как Слово Имени скрыто действует в их душах): иногда в роли жертвы, иногда в роли спасителя, совершающего подвиг, иногда в роли советчика, сообщающего высшую волю, часто неведомо для себя (Настасья, говорящая Раскольникову, что это «кровь в нем кричит»). Для Достоевского важно, чтобы смыслы антропонимов лишь постепенно складывались для читателя в осмысленную, стройную картину, и то может быть, лишь на интуитивном уровне, потому что ему важно, чтобы читатель сам прошел тем философским путем духовного поиска, «с чистого листа», как и герои романа: и логически, и душевно и мистически (что как раз и соответствует различным смысловым уровням значений антропонимов), в чем и заключается мощная сила воздействия гения Достоевского на читателя – тем более неотразимая, что кажется иррациональной, но на самом деле точно просчитанная и выверенная на всех смысловых уровнях, творчески действующих в животворящем Слове.

Библиография

1. Акишина А. А. Круговорот имен. Имя в истории и культуре. М.(Пушино): ОНТИ ПНЦ РАН, 1999. -268с.
2. Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. -280с.
3. Архангельская В. В. Имя Алексей как мотив в романе «Братья Карамазовы» //Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гумант. науки. Екатеринбург, 2011. № 1. С. 79-88.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. -470с.
5. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев.: Next, 1994. -510с.
6. Безносков В. Г. Смогу ли уверовать? СПб.: издательство РНИИ «Электростандарт», 1993. -199с.
7. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Комментарий. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. -240с.
8. Белов С. В. Имена и фамилия у Достоевского// Рус. речь. 1976, №5. С. 27-31.
9. Белозерова А. В. Художественный мир Гоголя как мир-имя // Полигнозис. М., 2011. №2. С. 60-65.
10. Бельская А. А. Личное имя главной героини романа И. С. Тургенева “Накануне” и концепция ее образа // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований. М., 2011. С. 331-333.
11. Беляев В. В. Имя «Гушенька» в «Братьях Карамазовых» как антропоним// Достоевский: материалы и исследования. СПб., 1992. №10. С. 176-181.
12. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. -448с.

- 13.Бем А. Л. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. П. Милетич за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863-1933). София, 1933.
- 14.Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Ставрогин. Духи русской революции Великий Инквизитор. // Бердяев Н. А. О русских классиках. М.:Выш.шк., 1993. -366с.
- 15.Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М.: Советская Энциклопедия, 1973-1976.
- 16.Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. - 224с.
- 17.Бондалетов В. Д., Данилина Е. Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах /Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 194-200.
- 18.Бондаренко Т. А. Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: Автореферат дисс. канд. филол. наук. Тюмень., 2006.
- 19.Бородина А. В. Стилиевые особенности художественного мира романа «Преступление и наказание» как средство отражения мировоззрения Ф. М. Достоевского. М.: Православная педагогика, 2004. -115с.
- 20.Брецинский Д. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского. — «Современник», Торонто, 1971, № 22-23. С. 5-30.
- 21.Булгаков С. Н. Философия имени / Предисл. Л. Зандер. СПб.: Наука, 1998. -447с.
- 22.Буянова. Е. Г. Романы Ф. М. Достоевского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. -103с.
- 23.Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: Акад. гуманитар. исслед. 2005. -224с.
- 24.Васиков С. М. Антропонимическое поле рассказов В. М. Шукшина //Вестник ВЭГУ. Уфа., 2009. № 3. С. 144-149.

25. Веди́на Т. Ф. Словарь личных имен. М.: АСТ. 1999. -601с.
26. Веселова Н. А. Имя в жизни и в литературе // литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь., 1998. №4. С. 30-36.
27. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. - М.: Наука, 1974. - 264с.
28. Виноградова Н. В. Антропонимическая оппозиция как модель художественного мира произведения: Повесть Б. К. Зайцев “Голубая звезда” // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы межвуз. науч. конф. Тверь, 1998. С. 5-6.
29. Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: Функциональная семантическая типология: диссертация... кандидата филологических наук: 10. 01. 08.
30. Виноградова Н. В. Имя литературного персонажа: Материалы к библиографии// литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 1998. №4. С. 157-197.
31. Виноградова Н. В. Роль имени в построении образа героя и сюжета произведения// Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы межвуз. науч. конф. Тверь, 1998. С. 125-126.
32. Виноградов В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1954. - № 5. -20с.
33. Волгин И. Л. Родиться в России. М.: Книга, 1991. -605с.
34. Гачев Г. Д. Космос Достоевского. -- В сб.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. -272с.
35. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. -223с.
36. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1967.
37. Горбаневский М. В. Об ономастике романа «Преступление и наказание». М., 2011.
38. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М., 1991. -176с.

39. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. **IV**. СПб.- М., 1882.
40. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30т. Л.: Наука, 1972-1990.
41. Достоевский: Сочинение, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб: Пушкинский Дом. 2008. -470с.
42. Евдокимов А. А. Литературная антропонимика: Хлестаков и Фальстаф // Русская речь. М., 2011. №2. 89-93с.
43. Евнин Ф. И. Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. -547с.
44. Ермалович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р.Валент, 2005. -416с.
45. Жернакова Н. “Преступление и наказание”: Свидригайлов — самодовлеющая личность”. “Записки русской академической группы в США”, т. 14. New York, 1981. -46с.
46. Зайцева И. П. Имя собственное как средство образно-речевой конкретизации в поэтическом тексте// Средства русского языка: семантика, функция, изучение. Тура, 1994. С. 136-146.
47. Зелянская Н. Л. Имя автора как знак художественной реальности (На материале романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Вест. Челябин. гос. Ун-та. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2003. № 26. С. 52-56.
48. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию. Ташкент, 1972. - 278с.
49. Имена: код личности и судьбы. К.: МЗУУП, 1992. - 256с.
50. Исакова И. Н. Антропонимы и другие виды номинаций персонажей в пьесе А. Н. Островского “Снегурочка” // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Чита., 2009. № 3. С. 211-215.
51. Исакова И. Н. Система номинаций литературного персонажа. Автореферат диссертации. М., 2004. -28с.

- 52.Карпенко М. В. Русская антропонимика. Одесса: Изд-во Одесск. ун-та, 1970. - 387с.
- 53.Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе// науч. докл. высш. шк. филол. науки. М., 1986. №4. 34-40с.
- 54.Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольникова. М.: Худож. лит., 1976.
- 55.Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. М.: Худож. лит. 1978. Т. 3. -750с.
- 56.Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Худож. лит., 1974. -455с.
- 57.Кожин В. В. «Преступление и наказание» Достоевского // Три шедевра русской классики. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1971. -302с.
- 58.Колодин О. О. Имя как способ выражения авторской идеи в создании литературного персонажа// вестн. Тамбов. ун-та. Сер: Гуманит. науки. Тамбов, 2010. № 10. С. 106-111.
- 59.Королёва И. А. «Имя человека не есть пустой звук...» // Русская речь. – 1997. – № 6. – С. 63-67.
- 60.Кулиев Г. Х. Имя героя в художественной системе произведения// Изв. АН АЗССР. Сер. лит. яз и искусства. Баку. 1998. №2. С. 63-69.
- 61.Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. -656с.
- 62.Лошкарева А. С. Мистика и символизм в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”. Липецк., 2007. -21с.
- 63.Лукин В. А. Имя собственное - ключ к истолкованию текста (Анализ повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Рус. яз. В шк. М., 1996. №1. С. 63-69.
- 64.Магазаник Э. Б. Ономастика или говорящие имена в литературе. Ташкент: Фан, 1978. -246с.
- 65.Магазаник Э. Б. Роль антропонима в построении художественного образа / Антропонимика. – М., 1970. – С. 81-83.

- 66.Мейер Г. А. Свет в ночи. Опыт медленного чтения. Франкфурт на Майне. 1967. -515с.
- 67.Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. - 1966. - №2. С. 54-64.
- 68.Мифологический словарь. / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672с.
- 69.Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. А. С. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. – Т. 2. К-Я. -719 с.
- 70.Наседкин Н. Н. Достоевский: Энциклопедия. М., 2003. -798с.
- 71.Недзвецкий В. А. Роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?” и его оппоненты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. -176с.
- 72.Недзвецкий В. А. Статьи о русской литературе 19 и 20 веков. Нальчик: ООО "Тетраграф", 2011. -630с.
- 73.Николина Н. А. Имя собственное в романе И. А. Гончаров “Обломов” // Рус. яз. в шк. М., 2001. №4. С. 55-61.
- 74.Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1976. - 315с.
- 75.О Достоевском. Сб. под ред. А. Л. Бема, Прага, 2007. -576с.
- 76.Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- 77.Ономастика (сборник статей). - М.: Наука, 1969. - 465с.
- 78.Оскар фон Шульи. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999. -368с.
- 79.Переволочанская С. Н. Мифологическое имя в поэтическом тексте// функциональная семантика слова. Екатеринбург. 1993.
- 80.Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. Ок. 2000 имен. – М.: «Советская энциклопедия», 1996. – 384 с.
- 81.Подольская Н. Е. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. -685с.

- 82.Рогалев А. Ф. Имя и образ: Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.
- 83.Рогова М. В. Имя в поэтическом тексте: значение определенности/неопределенности// филологический сборник. М., 1995. С. 345-354.
- 84.Семенов А. Т. Функционирование онимической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы". - Автореферат дисс. канд. филол. наук. - М., 1996.
- 85.Синеко В. С. Имя и судьба// филол. науки. М, 1995. №3. С. 14-22.
- 86.Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.-Л.: ЗИФ, 1928. -360с.
- 87.Скуридина С. А. Ономастика романов Ф. М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы»: Автореферат дисс. канд. филол. наук. Воронеж., 2007. -21с.
- 88.Смирнов О. К. Имена собственные в художественной литературе и специфика их перевода: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Одесса, 1991. -16с.
- 89.Словарь античности. Перевод с немецкого. М., 1994. -848с.
- 90.Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Достоевского. М.: Советский писатель, 1979. -349с.
- 91.Соскина С. Н. Имена собственные в семантической структуре научно-фантастического текста // Проблемы функциональной семантики. Калининград., 1993. С. 127-136.
- 92.Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева. 4-е изд. М.: Русский язык, 1989. -655с.
- 93.Степанов Ю. С. Имя // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. -175с.
- 94.«Странный» Достоевский / сост. Е. Я. Басин. СПб: Алетейя, 2014. -280с.

95. Страховая А. С. Имя персонажа в художественном мышлении раннего Чехова // Пушкинские чтения 2000: Материалы науч. межвуз. конф. СПб., 2000. С. 97-104.
96. Суперанская А. В. Имя - через века и страны. М.: Наука, 1990. -188 с.
97. Суперанская А. В., Сулова А. В. О русских фамилиях. СПб.: Авалонъ, Азбука, 2008. -288с.
98. Суперанская А. В. О русских именах. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Лениздат , Лениздат, 1991. – 222 с.
99. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. -367с.
100. Суперанская А. В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. -176 с.
101. Суперанская А. Толкование имен // Наука и жизнь. М., 1991. № 4. С. 96-101.
102. Суперанская А. Что означают имена? // Русская речь. М., 1991. № 2. С. 155-120.
103. Сулова А. В. Словник современных русских фамилий // Русская речь. М., 1996. № 1. С. 69-75.
104. Тамаев П. М. От имени героя к сюжету героя // Современное прочтение Пушкина. Иваново, 1999. №2. С. 54-71.
105. Творческий путь Достоевского. Сб. под ред. Н. Л. Бродского. Л.: Сеятель, 1924.
106. Теория и методика ономастических исследований: Сб. ст - М 1986. -256с.
107. Теппеев А. Имя в литературе: (к 60-летию Зейтуна Толгурова) // Лит. Кабардино-Балкария. Нальчик. 1999. №2. С. 70-80.
108. Тиме А. Чажена. Немецкая литературо-философская мысль 18-19 веков в контексте творчества И. С. Тургенева. München., 1997.

109. Тименчик Р. Д. Имя литературного персонажа// Рус. речь. М., 1992. №5. С. 25-27.
110. Тихомиров Б. “Лазарь, гряди вон!” роман Достоевского “Преступление и наказание”- комментарий. СПб: Серебряный век, 2005. -450с.
111. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-пресс, 1995. -736с.
112. Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления || Проблемы поэтики и теории литературы. Саранск., 1973. С. 91-109.
113. Тодорова Н. Ю. К вопросу о системном анализе литературных антропонимов. Донецк, 1988 - 12 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 26.09.88, No 35643.
114. Тумаркина Л. М. Антропонимика и проблема понимания художественного текста // Теория и практика литературоведческих и лингвистических исследований. М., 1988. С 79-83.
115. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. Пер. с англ. 2-е изд., М.: Прогресс, 1995. -448с. (Фамилии литературных героев - С. 188-194).
116. Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 151 - 158.
117. Успенский Л. В Ты и твое имя. Волгоград: Нижн.-Волж. Кн. изд, 1994. -288с.
118. Успенский Л. В. Слово о словах. М.: АТС, 2009. -446с.
119. Ушакова Д. Н, Даля В.И. Большой энциклопедический словарь. М.: dicView , 2000. -1000с.
120. Федосюк Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. М.: Флинта, 2011. -240 с.
121. Флоренский П. А. Имена. СПб.: Авалонь, Азбука, 2011. -320с.
122. Флоренский П. А. Имена // Социологические исследования. 1990. -№4.

123. Флоренский П. А. Имеславие как философская предпосылка // Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Правдо, 1990. Т.2. -281с.
124. Флоренский П. А. Малое собрание сочинений. Вып.I: Имена. Кострома., 1993. -180с.
125. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. -103с.
126. Фонякова О. И. Имена собственные в языке и художественной речи // Вестник ЛГУ. История, язык, литература. – Л., 1972. – № 2, Вып. 1. – С. 104–108.
127. Фонякова О. И. О системном анализе имен собственных в художественном тексте // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982. С. 83-89.
128. Французско-русский словарь. Составила проф. К. А. Ганшина. М., 1946. -688с.
129. Фролова Е. А. Имя собственное и имя нарицательное как компоненты номинативного ряда: На материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. М., 1991. -15с.
130. Ханзак Э. Значение, понятие, имя. Иваново, 1995. - 96 с
131. Характер и имя: Сборник / Составитель Г. М. Новоселова. СПб.: Библиополис, 1992. - 310с.
132. Хигир Б. Ю. Имя и преступление. М.: АиФ - Принт, 2000. -314с.
133. Хигир Б. Ю. Полюбила я Ивана, лучше бы – Василия: Имя – характер – судьба. М.: Современник, 1999. -271с.
134. Хигир Б. Ю. Тайна имени. М.: Фирма "РИПОЛ, 1996. - 591с.
135. Христианство. Энциклопедический словарь. Ред. Аверинцев С. С. Т. 1. М., 1993. -2320с.
136. Худайбердин М. У. К проблеме структурирования ономастического пространства художественного текста (на материале поэтического сборника И. А. Бродского) // Вестник Пермского национального исследовательского

- политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь., 2010. №4. 134-146с.
137. Чавпецова С. В. Роль имен собственных в раскрытии образа персонажа в художественном тексте // Текстобразующие потенции языковых единиц и категорий - Барнаул, 1990. С. 164-173.
138. Чернышевский Н. Г. Собр. соч. и писем: В 5 томах. М.: Правда, 1974. Т. 4.
139. Чернышевский Н. Г. "Что делать" Из рассказов о новых людях. М.: Учпедгиз, 1958. -339с.
140. Шанский Н. М., Соловьева В.С., Филиппов А.В. Учебный словарь античных имен в русской поэзии. Ашхабад, 1990. - 102с.
141. Шебанов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А. П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 219 с.
142. Шишко Е. С. Имя, характер, судьба в рассказе А. П. Чехова "Архиерей" // Проблемы изучения русской и зарубежной литературы. Таганрог., 2004. №5. С. 103-109.
143. Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. - 298с.